

Экономика и управление:

научно-практический журнал

Выходит с 1994 года

Актуальные проблемы развития
экономики и общества

Государственное и муниципальное
управление

Политические процессы

Региональная экономика

Менеджмент и маркетинг

4/2016

Редакционный совет

Н.З. Арабаджийски, профессор департамента Администрации и управления Нового болгарского университета, д-р экономики, профессор

М.А. Аюпов, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, д-р полит. наук, профессор

В.И. Буренко, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

Ф.Б. Бурханова, главный научный сотрудник Башкирского филиала Института социологии Российской академии наук (РАН), д-р социол. наук, профессор

Р.М. Валиахметов, директор Башкирского филиала Института социологии РАН, канд. социол. наук, доцент

В.М. Валиев, директор НИИ экономических реформ Министерства экономического развития Азербайджана, д-р экон. наук, профессор

Д.А. Гайнанов, директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, д-р экон. наук, профессор

Р.Р. Галлямов, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, д-р социол. наук, профессор

А.М. Ганиев, руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

М.Н. Грачев, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

О.И. Зазнаев, заведующий кафедрой политологии Казанского федерального университета, д-р юрид. наук, профессор

Л.Е. Ильичева, директор программ Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), д-р полит. наук, профессор

Г.А. Колобова, и.о. ректора Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ), д-р полит. наук, доцент (председатель Совета)

Ю.Г. Коргунок, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, д-р полит. наук

А.В. Кынев, доцент департамента политических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», канд. полит. наук, доцент

Р.Ф. Латыпов, начальник Республиканского центра кадрового тестирования, д-р полит. наук, доцент

Р.Х. Марданов, Премьер-министр Правительства Республики Башкортостан, канд. экон. наук, доцент

В.В. Маркин, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН, д-р социол. наук, профессор

А.Х. Махмутов, действительный член Академии наук Республики Башкортостан, научный консультант редакции журнала, д-р экон. наук, профессор

А.В. Павроз, доцент кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, д-р полит. наук, доцент

П.В. Панов, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского Отделения РАН, д-р полит. наук, профессор

О.Б. Подвицкий, директор Пермского филиала Института философии и права Уральского Отделения РАН по исследованию политических институтов и процессов, д-р полит. наук, профессор

А.А. Пороховский, заведующий кафедрой политической экономики экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор

А.В. Скиперских, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Перми, д-р полит. наук, профессор

А.А. Солиев, ректор Финансово-экономического института Таджикистана, канд. экон. наук, доцент

Л.Н. Тимофеева, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

К.Б. Толкачев, председатель Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, д-р юрид. наук, профессор

В.И. Трубинов, вице-президент Российского совета по международным делам, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-19310, выданное Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал распространяется по подписке на территории Российской Федерации. Подписные индексы в каталоге «Почта России» (Межрегиональное агентство подписки): 11487 – годовая подписка, 24410 – подписка на полугодие.

Экономика и управление:

научно-практический журнал

№ 4 (132)

Выходит с 1994 г. 6 раз в год

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы развития экономики и общества

- Ш. ГАНЦЕВ, С. НИКОНОРОВ. Институциональные основы сотрудничества
России и стран ШОС в сфере инноваций 4
- Р. АХУНОВ, И. ЗУЛЬКАРНАЙ, Г. ИСЛАКАЕВА. Стратегические вызовы
системе высшего образования: взгляд экономистов 9

Интервью

- Российская политология сегодня: универсальные тенденции и региональная
специфика (беседа с О.Б. ПОДВИНЦЕВЫМ и П.В. ПАНОВЫМ) 16

Государственное и муниципальное управление

- Н. АРАБАДЖИЙСКИ. Развитие электронной демократии на уровне местного
самоуправления в Республике Болгария 24
- И. ТРОФИМОВА. Гражданское участие и развитие муниципальной демократии
в современной России 31
- Е. БЕЗВИКОННАЯ. Проблемы развития Комитетов территориального
общественного самоуправления городского округа г. Омск 37
- Н. ФИЛИППОВА. Основные направления и методы развития социальной
активности населения в осуществлении местного самоуправления 44
- М. ХАЛИКОВ. Современные управленческие технологии вовлечения населения
в решение вопросов местного значения 48
- Э. РЫСАЕВА. Между централизацией и регионализацией: развитие муниципальной
демократии в современной Европе 54

Политические процессы

М. СОЛОДКАЯ. Электоральные процессы в Оренбургской области на локальном уровне: динамика явки и социально-политической репрезентации	58
А. ОЧКИНА. Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития	69

Региональная экономика

Н. РАФИКОВА, А. ХАЗИЕВА. Показатели самообеспеченности мясом и мясопродуктами и пути развития скотоводства в Республике Башкортостан	76
В. ЖИЛИН. Экономические и экологические проблемы развития пчеловодства в муниципальных образованиях	81

Менеджмент и маркетинг

В. САМОЙЛЕНКО. Бизнес-модели нефтесервисных услуг и эффективность нефтяных компаний	87
П. АВДЕЕВ. Руководство и лидерство: теоретико-сравнительный анализ понятий	94

Рецензия

Г. РОССИНСКАЯ, Я. СКРЯБИНА. Монография Р. А. Галина «Демографическое развитие населения Республики Башкортостан в условиях рыночной экономики»	101
Аннотации и ключевые слова	104

Редакционная коллегия

С.Н. Шкель (главный редактор), И.В. Дегтярева, Ю.Н. Дорожкин, В.В. Еникеев (заместитель главного редактора), Л.А. Исмагилова, С.Н. Лаврентьев, Д.Б. Миннигулова, Б.М. Миркин, Д.Р. Пескова, Г.М. Россинская, Р.Р. Салахутдинова, Н.З. Солодилова, И.В. Фролова

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Редакция не вступает в переписку с читателями и не возвращает рукописи.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

CONTENTS

Actual Problems of Economy and Society Development

- Sh. GANTSEV, S. NIKONOROV. Institutional Basis for Cooperation between Russia and the SCO Member States in the Innovation Sphere 4
- R. AKHUNOV, I. ZULKARNAI, G. ISLAKAEVA. Strategic Challenges of Higher Education: Economists' View 9

Interview

- Russian Political Science Today: Universal Tendencies and Regional Specificity (*interview with O.B. Podvintsev and P.V. Panov*) 16

State and Municipal Administration

- N. ARABADZHIYSKI. E-Democracy Development at the Local Self-administration Level in the Republic of Bulgaria 24
- I. TROFIMOVA. Civic Participation and Development of Municipal Democracy in Modern Russia 31
- E. BEZVIKONNAYA. Development of Committees of Territorial Public Self-administration of City District in Omsk Problems 37
- N. FILIPPOVA. Main Directions and Methods of Social Activity of the Population Development in Local Self-administration 44
- M. KHALIKOV. Modern Management Techniques of Population Involving in the Solution of Local Issues 48
- E. RYSAEVA. Between Centralization and Regionalization: Development of Municipal Democracy in Modern Europe 54

Political Processes

- M. SOLODKAYA. Electoral Processes in the Orenburg Region on the Local Level: The Dynamics of Appearance and Social and Political Representation 58
- A. OCHKINA. Social Protest as an Instrument of Civic Participation in Modern Russia 69

Regional Economy

- N. RAFIKOVA, A. KHAZIEVA. Indicators of Self-Sufficiency in Meat and Meat Products and the Development Paths of Stock-raising in the Republic of Bashkortostan 76
- V. ZHILIN. Economic and Ecological Issues of Beekeeping Development in the Municipal Entities 81

Management and Marketing

- V. SAMOILENKO. Business Models of Oilfield Services and the Efficiency of Oil Companies 87
- P. AVDEEV. Management and Leadership: Theoretical and Comparative Analysis of the Concepts 94

Review

- G. ROSSINSKAYA, Ya. SKRYABINA. R.A. Galin's monography «The Demographic Development of the Population of the Republic of Bashkortostan in a Market Economy» 101

- Abstracts and Key Words 104

Институциональные основы сотрудничества России и стран ШОС в сфере инноваций

Ш. ГАНЦЕВ, С. НИКОНОВ

Экономика России, как и экономика многих других государств, переживает серьезный кризис, который, безусловно, в нашей стране усугубляется санкциями, введенными странами ЕС, США и некоторыми другими странами. Известно, что только путем интеграции страны могут решать макроэкономические и другие проблемы, которые имеют место на современном этапе развития производственных сил и отношений. Страны ШОС – один из примеров альянса для совместного преодоления глобальных вызовов в различных сферах жизнедеятельности человека. В настоящее время членами этой организации являются Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. На саммите 2015 года в Уфе к «шестерке» присоединились Индия и Пакистан. Таким образом, уже восемь государств стали членами организации и еще ряд стран изъявили свое желание присоединиться к этому международному объединению. Это свидетельствует о привлекательности ШОС и высоком уровне ожиданий ее участников, связанных с динамичным развитием организации.

В настоящее время разработаны различные индексы и показатели, которые характеризуют состояние жизни, экономики и в соответствии с которыми можно формулировать прогнозы взаимодействия как групп государств, так и государств в отдельности. Показательным является индекс конкурентоспособности. В соответствии со значением данного показателя страны ШОС в 2014–2015 гг. расположились следующим образом: Китай (28 место), Казахстан (50 место), Россия (53 место), Индия (71 место),

Таджикистан (91 место), Кыргызстан (108 место), Пакистан (129 место). Узбекистан в данном рейтинге не представлен. Лидирующие позиции в данном рейтинге занимают Швейцария, Сингапур, США. Три группы факторов формируют индекс конкурентоспособности: основные условия, которые складываются из уровня инфраструктуры, макроэкономической стабильности, здоровья и начального образования, развития общественных и других институтов; факторы эффективности (высшее образование и обучение, эффективность товарных рынков и рынка труда, развитость финансового рынка и его размер, а также технологическая подготовленность); зрелость бизнеса и инновации.

По уровню развития инноваций Россия в 2010–2011 гг. занимала 57 место, в 2012–2013 гг. опустилась на 85 место, отыграла позиции в 2013–2014 гг. (78 место) и заняла 65 место в 2014–2015 гг. Детальное рассмотрение инновационного развития России в плоскости индексирования выглядит следующим образом. Более высокие показатели имеют место в сфере международного патентования (41 место), в отношении качества научных и исследовательских институтов (56 место), затрат бизнеса на исследования и разработки (62 место). По другим показателям ситуация следующая: инновационная способность – 66 место, сотрудничество между университетами и бизнесом в области исследований и разработок – 67 место, численность ученых и инженеров – 70 место. Наиболее низкий показатель наблюдается в сфере государственной закупки передовой технической продукции – 81 место.

Ганцев Шамиль Ханафиевич, д-р мед. наук, профессор, председатель Общественного научно-технического совета технопарка «Сколково», член Общественной палаты Российской Федерации. E-mail: prfg@mail.ru

Никоноров Сергей Михайлович, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: nico.73@mail.ru

В первую десятку по показателю глобального инновационного индекса из стран ШОС не входит ни одно государство, лидером по данному показателю является Швейцария. Наиболее высокие позиции из стран ШОС занимает Китай (29 место), Россия находится на 49 позиции, Индия занимает 76 место, Казахстан – 79 место. Далее следуют Кыргызстан (112 место), Узбекистан (128 место), Пакистан (134 место) и Таджикистан (137 место).

Представленные данные свидетельствуют о том, что страны – участницы ШОС имеют неравноценный уровень экономического и инновационного развития, и дальнейшее сотрудничество должно учитывать этот фактор, дифференцируя возможности альянса.

Саммит ШОС, состоявшийся в 2015 г. в Уфе, вошел в историю как один из наиболее исторически значимых по характеру принятых документов. В Уфимской декларации стран ШОС были выделены наиболее значимые политические, экономические и другие аспекты взаимоотношений наших стран. Для гармоничного и конкурентного развития этих стран предложено на ближайшую перспективу развитие науки, технологий и инноваций, при этом формируя благоприятные условия для инвестиций в эти сферы. Участниками саммита и экспертами также определены наиболее важные направления совместной деятельности в области энергетики, промышленности, аграрном секторе. Особое место занимает качество жизни людей, требующее углубленных исследований в области молекулярных технологий, высокотехнологической медицинской помощи. Это лишь часть проблем, с которыми сталкивается наше современное глобальное общество, в том числе в рамках ШОС. Гражданское общество стран Шанхайской организации сотрудничества поручило своим представителям выработать предложения по модернизации узловых направлений и наметить пути их реализации. Общество готово к этому, а с учетом того, что инновации – важнейший институт развития, чрезвычайно в этом заинтересовано.

Целью институтов инновационного развития является привлечение инвесторов в

инновационные проекты, в том числе венчурные. Важным моментом является оценка социально-экономической эффективности инновационных проектов и поддержка их грантами и кредитами. Также в числе приоритетных целей рассматривается поддержка отраслей экономики, являющихся ключевыми для инновационного и технологического роста, повышение их возможностей для международного сотрудничества, поддержка стартапов налоговыми льготами и другими преференциями.

Важнейшими институтами инновационного развития стран являются технопарки, технополисы, иннограды и др. По сути, это центры одного назначения, которые способствуют ускорению коммерциализации новых идей и предложений научного и технического сообществ.

В Российской Федерации насчитывается сотни подобных институтов, где имеются сформированные центры компетенций, в частности, в Москве, Калуге, Казани, Владимире, Томске, Новосибирске и др. Рассмотрим более подробно особенности функционирования технопарка Инновационного центра «Сколково».

Идея создания крупного научно-инновационного центра принадлежит Д. Медведеву, который в 2009 г. заявил о создании современного технологического центра по примеру существующих в ряде ведущих, экономически развитых государств. Федеральный закон Российской Федерации № 244-ФЗ «Об инновационном центре “Сколково”» был подписан президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 28 сентября 2010 г. В дальнейшем, наряду со строительством административных и научных корпусов, начали развиваться партнерские отношения с ведущими центрами мировых инноваций. В 2011 г. открыт офис в Калифорнии, подписано соглашение о создании на территории «Сколково» научно-технических центров корпораций IBM, Boeing, Cisco, Samsung. Было продолжено совершенствование инфраструктуры, развитие кластеров и др. Стержневой структурой инновационного центра является технопарк, целью которого

является оказание инновационным компаниям необходимой поддержки для успешного развития их технологических активов и замыслов. Данная цель достигалась за счет сервисов и других услуг, которые предоставлялись технопарку. Эти услуги включали следующие аспекты: формирование команды исследователей и разработчиков, охрана интеллектуальной собственности, обучение исполнителей и участников проектов инновационному менеджменту, налаживание бизнес-процессов, корпоративных процедур и многое другое.

На сегодняшний день технопарк имеет площадь 23 тыс. кв. м, на которой расположены 33 центра коллективного пользования, 12 сервисов по обслуживанию бизнеса, 19 аккредитованных сервисных компаний. На территории технопарка находятся 95 резидентов (осенью 2014 г. их было чуть больше 50). При этом общее число участников проекта насчитывает больше тысячи.

Одним из наших партнеров по ШОС является Китай. В этой стране уровень развития инновационных центров несколько иной. Один из наиболее интересных и быстрорастущих технопарков мира – пекинский «Чжунгуаньцунь». Это самый крупный научный парк мира. Его площадь составляет более 230 квадратных километров. «Чжунгуаньцунь» был создан в 1988 г., в нем работают более 22 тыс. компаний и около миллиона человек. Общий оборот – 80 млрд дол. Цифры говорят сами за себя. В Китае принята система выделения технопарка по масштабам и возможностям продвижения инновационных проектов. В Китае выделяются университетский, провинциальный (региональный) и национальный уровни.

Чрезвычайно привлекательным для Китая является сотрудничество с Индией, где значительное внимание уделяется развитию информационных технологий. Бангалор называют «кремниевой долиной Индии», так как в его окрестностях располагаются представительства многочисленных IT-компаний, сосредоточенных в основном в двух кластерах – Electronics City и Whitefield. Electronics City основан в 1978 году. История создания и поддержки IT-технопарков

под руководством Министерства информационных технологий Индии началась в 1991 г. Именно с Electronics City. Сейчас с Electronics City активно сотрудничают такие международные компании, как 3M, Hewlett Packard, Siemens.

Из других стран ШОС хотелось привести пример Казахстана. При внедрении технопарков (а их в республике насчитывается порядка десяти) присваиваются статусы по уровням их воздействия на элементы и участников научно-исследовательской системы: национальные научно-технологические парки и региональные технологические парки. В числе национальных научно-технологических парков выделяются следующие образования: «Парк информационных технологий» (пос. Алатау); «Национальный индустриальный нефтехимический технопарк» (г. Атырау); «Технопарк ядерных технологий Токамак» (г. Курчатов); «Технопарк космического мониторинга» (гг. Алматы, Астана и Приозерск).

Национальные технопарки ориентированы на создание в Казахстане новых отраслей знаний и производств, которые должны способствовать обеспечению конкурентоспособности экономики страны на мировом рынке. Региональные технопарки, среди которых Алматинский технологический парк (г. Алматы), технопарк «Алгоритм» (г. Уральск), технопарк «Бизнес-Сити», (г. Караганда), созданы с целью определения и развития инновационного потенциала региона, обеспечения потребности экономики региона в инновационных продуктах. Важно заметить, что 3 из 10 технопарков расположены на территории вузов, остальные 7 осуществляют свою деятельность на территории промышленных предприятий и научных центров.

В технопарках Казахстана наблюдается смешанная структура собственности, то есть общественный и частный секторы совместно участвуют в организации научно-технологических парков. В Казахстане установлены ориентиры по созданию специализированных центров инновационного развития. Они нацелены на определенную отрасль или несколько отраслей. Например, основной

специализацией технопарка биотехнологий «Прогресс» являются переработка зерна и производство лекарственных препаратов; технопарк ядерных технологий «Токамак» (Республиканское государственное предприятие «Национальный ядерный центр Республики Казахстан») специализируется на прикладных исследованиях в области ядерных технологий, физики, химии; основная специализация «ПИТ» (пос. Алатау) – производство оборудования для подотраслей информационных технологий и т.д.

Анализируя уровень развития институтов инновационного развития в других странах, можно констатировать, что они также уделяют этому вопросу внимание, но оно несоизмеримо с лидером в этом направлении – Китаем.

Анализ возможного взаимодействия в инновационной сфере подталкивает к совершенствованию межгосударственных отношений в этом направлении. В «восьмерке» можно выделить двух безусловных лидеров инновационного развития – Китай и Россию. Нами определены модели инновационного развития, которые можно учитывать при формировании отношений со странами ШОС. Первый вариант – инерционный, второй – экспортно-ориентированный, третий – инвестиционно-активный. Детальный анализ возможностей региональных институтов развития свидетельствует о том, что, как правило, решение локальных задач осуществляется при преимущественном бюджетном финансировании и привлечении местного частного бизнеса. Региональные технопарки чаще ориентированы на одно, достаточно узкое направление и отражают интересы местных производителей, амбиции которых достаточно скромные. Иначе выглядят технопарки национального уровня. Это, как правило, амбициозные компании (например, ИЦ «Сколково»), перед которыми стоят высокие государственные задачи, предполагающие бюджетное финансирование и стремление к привлечению частного бизнеса в формате частно-государственного партнерства.

Для более глубокого развития межгосударственных отношений в формате стран ШОС нами предлагается создание межнациональных

институтов инновационного развития, которые должны быть нацелены на решение глобальных задач, например, в сфере экологии, энергосбережения и поиска альтернативных источников энергии, науке о жизни, нанотехнологиях, то есть всех тех направлений, которые приблизят общество к уровню шестого технологического уклада. Создание подобных организационных структур потребует включения межнациональных финансовых фондов для поддержания приоритетных проектов и транснациональных компаний для практической реализации и внедрения в практическую реальность передовых технологий. Это предложение было внесено на международном форуме в Сочи 19–20 апреля 2016 г. «На втором треке. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в дальнейшем развитии и расширении Шанхайской организации сотрудничества» [3].

Безусловно, любой проект имеет свои плюсы и минусы. К основным преимуществам нашего проекта можно отнести синергию научных исследований, развитие образования, культурный обмен, что можно рассматривать как элемент общественной дипломатии. Минусами являются утечка научно-технической информации, утечка кадров, культурный диффузионизм. Однако если за основу взять предложения, связанные с глобализацией вопроса инновационного развития в рамках ШОС, то это может существенно изменить качество жизни, ускорить научно-технический прогресс во всех странах ШОС. А это в конечном итоге приведет к повышению степени гармонизации гражданского общества.

Необходимо отметить, что движение в данном направлении уже началось. «Мы уже не можем говорить отдельно о российских технологиях, французских инновациях, испанской энергетике, американских базах данных. Вы развиваете технологию здесь, работаете над ее дизайном там, а конечный товар производите вообще в третьей стране. Экономика стала глобальной. И такая платформа, которая собирает людей со всего мира, жизненно необходима», – сказал генеральный директор Международной ассоциации научных парков Луис Санс.

Переговоры по поводу строительства китайско-российского технопарка в «Сколково» сейчас идут с пекинским «Туспарком». Это огромный научный квартал на севере Пекина, имеющий площадь 7 кв. км. «Туспарк» – это технопарк при старейшем вузе Пекина. Университету Синьхуа исполнилось 104 года, и сейчас он испытывает новый виток своего развития и связывает большие надежды на совместные проекты с инновационным центром «Сколково».

В Китае широко пропагандируют схему взаимодействия государства и общества в вопросах инноваций: союз политики, науки и капитала. Этот принцип наиболее действенный и может быть использован на площадке ШОС в сфере инновационного развития государств – участниц Организации.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Курс Уфимского саммита стран ШОС (2015 г.) на развитие институтов инновационного развития является неотъемлемой частью международной деятельности Российской Федерации и ее субъектов.

2. Страны – участницы ШОС имеют разный уровень экономического и инновационного развития, что диктует необходимость учета их возможностей при реализации совместных международных соглашений в рамках Уфимской декларации.

3. Китай и Российская Федерация накопили большой опыт инновационного развития своих стран («Сколково», «Чжунгуаньцунь»), который необходимо использовать в масштабах содружества.

4. Инновационное сообщество в виде межнациональных технопарков является новым этапом развития гражданского общества, которое способствует гармонизации общественных отношений стран – участниц ШОС.

Литература

1. Глобализация мировой экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/globalizaciya.html>

2. Кирьянов А.В. Виды инвестиций в человеческий капитал и их эффективность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cfin.ru/bandurin/article/sbrn07/08.shtml>

3. Международный форум «На втором треке. Роль гражданского общества и общественной дипломатии в дальнейшем развитии и расширении Шанхайской организации сотрудничества» [Электронный ресурс]. URL: http://civilshos.ru/novosti/news_post/na-forume-v-sochi-predstavitel-obshchestvennoy-palaty-bashkirii-predlozhit-sozdat-mezhnatsionalnyye-tehnoparkistran-shos

4. Опыт функционирования технологических парков в Китае. К 49-й годовщине образования КНР: аналит. информация. [Электронный ресурс]. URL: <http://tpark.ict.nsc.ru/analitic/chinatpark.htm>

5. О развитии технологических парков в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazakhemb.org.il/?CategoryId=216&ArticleID=255>

6. Россия в зеркале международных рейтингов. Информационно-справочное издание / Отв. ред. В.И. Суслов; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: Автограф, 2015.

7. Технопарк догоняющего развития [Электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/expert/2010/41/tehnopark_dogonyayuschego_razvitiya/

8. Технопарк «Сколково» [Электронный ресурс]. URL: <https://sk.ru/technopark/>

9. Тошматов М.Н., Мирзорахимов Н.Т. Технологический парк как важный инструмент в формировании инновационной экономики республики Таджикистан // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 4–2. С. 442–446.

Стратегические вызовы системе высшего образования: ВЗГЛЯД ЭКОНОМИСТОВ

**Р. АХУНОВ, И. ЗУЛЬКАРНАЙ,
Г. ИСЛАКАЕВА**

Если большинство гуманитариев, да и представителей точных наук рассматривают образование как самостоятельную ценность, как часть культуры, то для экономистов образование – это определяющий фактор социально-экономического развития [1; 14]. Ученые развитых государств согласны с тем, что их страны стали таковыми благодаря приоритетному развитию университетского образования и науки. Существует мнение, что это развитие было обеспечено за счет государственных расходов на образование в размере не менее 7 % ВВП. Однако есть и другая точка зрения [12], в соответствии с которой рост расходов на образование в развитых странах является следствием, а не причиной успеха этих стран. Следует в то же время отметить, что сегодня государственные расходы на образование в мире относительно сократились при одновременном росте частных расходов.

На современном этапе сфера высшего образования находится на пороге серьезных стратегических вызовов, предопределяющих ее развитие в обозримом будущем. Среди ключевых вызовов следует, прежде всего, отметить глобализацию, запрос общества на индивидуализацию и непрерывность образования, качественное повышение технологичности и эффективности работы образовательных учреждений в мире.

В этом ряду на первом месте стоят, конечно, процессы глобализации, которые охватывают и систему высшего образования, что приводит, прежде всего, к усилению конкуренции

между университетами как внутри страны, так и на мировом рынке образовательных услуг [5]. К глобальным трендам в сфере образования относится повсеместный доступ к интернет-ресурсам, рост масштабов дистанционного обучения, перенос образования в виртуальное пространство.

К примеру, аудитория компании Coursera, основанной в 2012 году и являющейся одним из лидеров рынка массового онлайн-образования, за три года существования сайта превысила 15 млн человек. При этом примерно 300 тыс. пользователей Coursera живут в России, 350 тыс. слушают русскоязычные курсы, которые разрабатывают порядка 10 университетов – партнеров компании, а по всему миру с этой компанией сотрудничают более 100 университетов [10]. Поэтому вполне вероятно, что в перспективе обучение в реальном, а не виртуальном университете станет признаком элитарного образования (сегодня на долю очной формы обучения приходится около 40 %). В этой связи происходит непрерывное повышение требований к вузам, претендующим на вхождение в мировое образовательное пространство и включение в престижные рейтинги лучших университетов мира. Одним из вариантов ответа на вызов может стать координация и объединение ресурсов университетов на основе партнерских отношений для решения общих задач, в том числе по использованию современных технологий.

Еще одним вызовом отечественной системе высшего образования выступает

Ахунов Рустем Ринатович, канд. экон. наук, доктор делового администрирования (DBA), директор Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-Mail: akhunov@list.ru

Зулькарнай Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, заведующий лабораторией исследований социально-экономических проблем регионов ИНЭФБ БашГУ. E-mail: zulkar@mail.ru

Ислакаева Гузель Разимовна, канд. экон. наук, научный сотрудник лаборатории исследований социально-экономических проблем регионов ИНЭФБ БашГУ. E-mail: Islakaeva@list.ru

нарастающий запрос общества и экономики на непрерывность и индивидуализацию образования, под которыми понимается развитие разнообразных инструментов, обеспечивающих возможность включения в процесс непрерывного образования различных групп населения в течение длительного периода их жизненного цикла при одновременном учете потребностей конкретных потребителей образовательных услуг, что требует диверсификации и модульной организации образовательных программ.

Одним из способов наиболее эффективного учета потребностей обучающегося может служить анализ и обработка университетами данных о предпочтениях своих клиентов. Подобный метод уже давно применяется и отлично себя зарекомендовал в потребительском секторе бизнеса.

Существуют также вызовы, связанные с развитием непрерывного профессионального образования. В настоящее время доля населения, занятого в программах повышения квалификации и профессиональной переподготовки, составляет примерно пятую часть, что, очевидно, недостаточно. Следует отметить, что у бизнеса есть реальная потребность в том, чтобы сотрудники получали дополнительное профессиональное образование. Наблюдается нехватка технических, управленческих, экономических компетенций, а также навыков, связанных с владением информационными технологиями. Корпоративное обучение сегодня становится требованием времени. К примеру, в «Сбербанке» существует многоуровневая программа подготовки специалистов (работает около 300 тыс. человек). Менеджеры самого верхнего звена обучаются в лучших бизнес-школах США и Великобритании. Следующий уровень менеджмента – во французской INSEAD. Такая практика широко распространена в крупных корпорациях. Корпоративные университеты есть в «РЖД», «Росатом» и других крупных российских компаниях.

Немаловажным вызовом российской системе высшего образования является и качественное повышение технологичности и

эффективности функционирования университетов в мире, выражающееся в существенной оптимизации существующих бизнес-процессов и системы управления, повышении прозрачности деятельности, внедрении новых образовательных и управленческих технологий, качественном повышении их результативности [6]. Особую актуальность эти проблемы приобретают в рамках высшей школы России, где сохраняется сильная бюрократизация процессов, их негибкость и нединамичность. Развитие предпринимательских, творческих характеристик в образовательной деятельности выступает еще одним требованием современности.

Кроме того, к наиболее масштабным специфическим и свойственным России вызовам времени следует отнести:

а) демографический вызов, связанный со снижением числа абитуриентов вузов в последние 10 лет примерно на 50 %;

б) снижение общеобразовательного уровня выпускников школ при одновременном оттоке наиболее подготовленных абитуриентов из регионов в столичные вузы (около четверти студентов обучается сегодня в Москве);

в) конструирование обновленной сети университетов, основанной на сокращении числа государственных и прежде всего негосударственных вузов, реорганизации образовательных организаций путем объединения и присоединения.

Эти вызовы требуют смены управленческой модели и стратегии развития вузов страны. Если ранее университеты, как правило, реализовывали стратегию экстенсивного роста, что позволяло им экономить на масштабе, то в настоящий момент очевиден переход к интенсивному развитию. К 2020 г. сохранятся примерно 500 государственных вузов и около 150 негосударственных [13]. От сильных вузов требуется большая концентрация управленческих, экономических, педагогических усилий, чтобы преодолеть указанные выше реорганизационные процессы.

Все эти реформы направлены на эффективное выполнение университетами следующих четырех функций: обеспечение

социально-культурного развития общества; проведение научных исследований, как фундаментального характера, так и прикладного; развитие предпринимательства и коммерциализации инноваций как площадки модернизационных проектов; обеспечение кадрами сферы промышленности, услуг, общественного сектора экономики и системы государственного и муниципального управления.

В России формируется институциональный ландшафт системы высшего образования, предусматривающий его интеграцию в мировую образовательную систему, определение четкой роли каждого уровня университетов и соответствующих задач социально-экономического развития государства и отдельно взятого региона.

Первый уровень этой системы – это университеты, рассматривающиеся как кандидаты на вхождение в число мировых лидеров (стратегия университета «мирового класса») [11]. На развитие этих вузов выделяются значительные ресурсы. При этом принципиально важно, чтобы результатами данного процесса смогли воспользоваться и другие высшие учебные заведения страны.

Второй уровень образуют те федеральные университеты (ФУ) и национальные исследовательские университеты (НИУ), которые не попали в первую категорию вузов, но обладают ресурсами и возможностями проводить собственную политику (например, устанавливать собственные стандарты) и реализовывать стратегию своего развития (стратегия «массового» вуза).

Третий уровень – ведущие региональные и отраслевые вузы, прежде всего, те из них, которые получили статус «опорный вуз». На сегодняшний момент позиции и роль университетов этого уровня в стране вызывают наибольшее число вопросов. На них возлагают надежды, что они станут драйверами социально-экономического развития регионов. Однако в условиях существенного оттока абитуриентов в вузы более высоких уровней (первого и второго) стратегии региональных и отраслевых вузов должны иметь чрезвычайно изощренный характер (стратегии «нишевого» университета,

«регионального» университета), зависеть от специфики региона и обеспечивать потребности регионального рынка труда.

Четвертый уровень – остальные вузы, которые, вероятно, будут работать со «слабым» контингентом студентов, реализуя стратегию выживания, выполняя, тем не менее, важную миссию по повышению образовательного уровня населения в целом.

Республика Башкортостан – крупный регион с высоким научным и образовательным потенциалом, в котором функционирует крупнейшее в стране подразделение РАН – Уфимский научный центр, объединяющий 13 исследовательских институтов. В республике действуют 10 государственных вузов, 17 филиалов вузов, 3 негосударственных самостоятельных и 8 филиалов негосударственных вузов. Всего в этих образовательных учреждениях учатся 153 тыс. студентов [9]. Этот научно-образовательный потенциал позволяет региону занимать лидерские позиции среди субъектов Приволжского федерального округа [12] и вносить существенный вклад в повышение качества кадрового потенциала.

Вместе с тем для Республики Башкортостан характерна специфическая ситуация в плане организации образовательного пространства. В силу ряда обстоятельств объективного и субъективного характера были упущены возможности создания на территории республики одного или двух национальных исследовательских университетов, на статус которых вполне могли претендовать Башкирский государственный университет, Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфимский государственный нефтяной технический университет. Наши исследования показывают, что эти вузы не уступают, а в некоторых случаях занимают более высокие позиции в рейтинговых позициях, чем существующие вузы, получившие статус научно-исследовательских университетов [4; 7].

При этом в граничащих с нашей республикой Пермском крае, Свердловской и Челябинской областях и Республике Татарстан функционируют два федеральных университета и пять национальных исследовательских университетов.

Мы это рассматриваем как серьезный вызов системе высшего образования Башкортостана. Уже несколько лет наблюдается отток абитуриентов в другие регионы страны, однако этот процесс не получил до сих пор научного осмысления. Институт экономики, финансов и бизнеса БашГУ на базе своей лаборатории исследований социально-экономических проблем провел исследование с целью выявления и объективной оценки факторов, определяющих образовательную миграцию из Республики Башкортостан. Исследование было проведено путем анкетирования в январе-феврале 2016 г. при организационной поддержке Министерства образования Республики Башкортостан среди 3702 выпускников 11-х классов республики (20 % общего ожидаемого числа в 2016 году).

Анкетирование охватило практически все административные районы и городские округа Башкортостана, в том числе г. Уфу, где было опрошено 1383 учащихся (27 % общего числа выпускников 11-х классов) из 34 общеобразовательных учреждений (ОУ). Респондентам были предложены ряд вопросов, сгруппированных по следующим смысловым блокам (направлениям):

1. Критерии, определяющие выбор вузов выпускниками школ.
2. Информированность (источники получения информации о вузах, степень информированности и удовлетворенности информацией о вузах, представленной на их сайтах).
3. Интересующие абитуриентов направления подготовки.
4. Оценка выпускниками общеобразовательных учреждений республиканских вузов.
5. Привлекательность Башкортостана с точки зрения трудоустройства после получения высшего образования.

Результаты обработки анкет по каждому блоку вопросов были взаимоувязаны между собой, проанализированы как в разрезе город/село, так и по 7 экономическим подрайонам РБ (рис. 2), а также укрупненно по г.Уфе (37 % респондентов, 25% населения республики) и по Республике Башкортостан без города Уфы (63 % респондентов, 75 % населения республики).

Все это позволило выявить причинно-следственные связи факторов, определяющих отток абитуриентов Уфы, и предложить рекомендации по решению этой проблемы. В одной статье не представляется возможным изложить все исследование, поэтому здесь, в связи с поставленной в статье задачей, мы остановимся на первом и пятом смысловом блоках анкетирования, перечисленных выше.

Для исследования критериев, определяющих выбор вузов выпускниками школ, был задан ряд вопросов, на каждый из которых были предложены варианты ответов, из которых респонденты могли выбрать несколько или дописать свой. Результаты ответов на первый вопрос о факторах, на которые выпускники обращают внимание при выборе вуза, представлены на рисунке 1, причем отдельно по г.Уфе и Республике Башкортостан за вычетом респондентов из г.Уфы (далее – «респонденты РБ»).

Как мы видим, чаще всего абитуриенты обращают внимание на проходные баллы ЕГЭ, которые были актуальны для вузов в прошлые годы. Причем жители Республики Башкортостан (районов и малых городов) обращают на это большее внимание (62 % респондентов), а жители Уфы – меньшее (почти 47 %). Мы также видим, что та половина респондентов, которая не отметила этот вариант ответа, имеет настолько хорошую успеваемость, что они рассчитывают на высокие баллы ЕГЭ и их не заботит данный фактор при выборе вуза. Видно также, что жители Уфы чувствуют себя заметно более уверенно с точки зрения перспектив получения более высоких баллов за ЕГЭ, чем жители республики из других поселений.

Четверть выпускников как фактор, влияющий на выбор образовательного учреждения, отмечают значимость совета родителей и близких. Это сигнал, говорящий о том, на что должны быть направлены маркетинговые усилия вузов.

Около половины выпускников заявили, что придают значение рейтингу вузов, однако другие вопросы, касающиеся рейтинга, выявили, что четверть выпускников не могли найти рейтинг вузов, хотя и знали о нем, и только четверть из них знали, что это такое, и нашли

его. Это говорит о том, что вузам надо не только стремиться повысить свою позицию в различных рейтинговых листингах, но и показывать это абитуриентам на своих сайтах и в СМИ.

Жители Республики Башкортостан обращают внимание на транспортную доступность как фактор, значимый для них при выборе вуза, в два раза чаще (11 % респондентов), чем жители Уфы (5 %). Другие вопросы, заданные в этом направлении, позволили выявить, что более 70 %

респондентов Северо-запада республики планируют поступать в вузы других регионов – это наиболее высокое значение данного показателя исходя из данных 7 подрайонов (рис. 2). Высокое значение данного показателя определяется «гравитационным притяжением» соседних регионов и близостью железной дороги, связывающей этот подрайон с Екатеринбург, Пермью, Казанью и обеими столицами России.

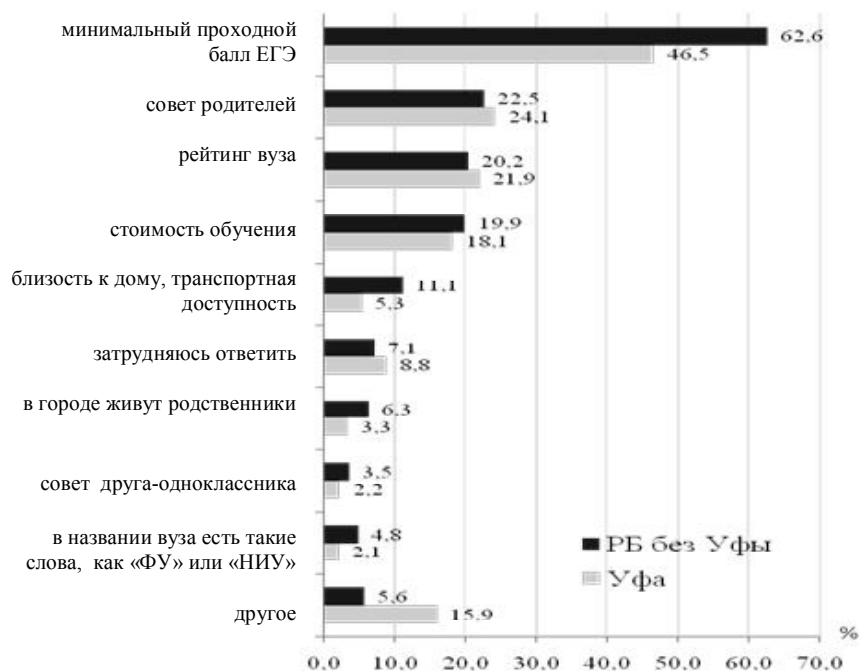

Рис. 1. Результаты распределения ответов на вопрос: «На что вы обращаете внимание при выборе вуза?»

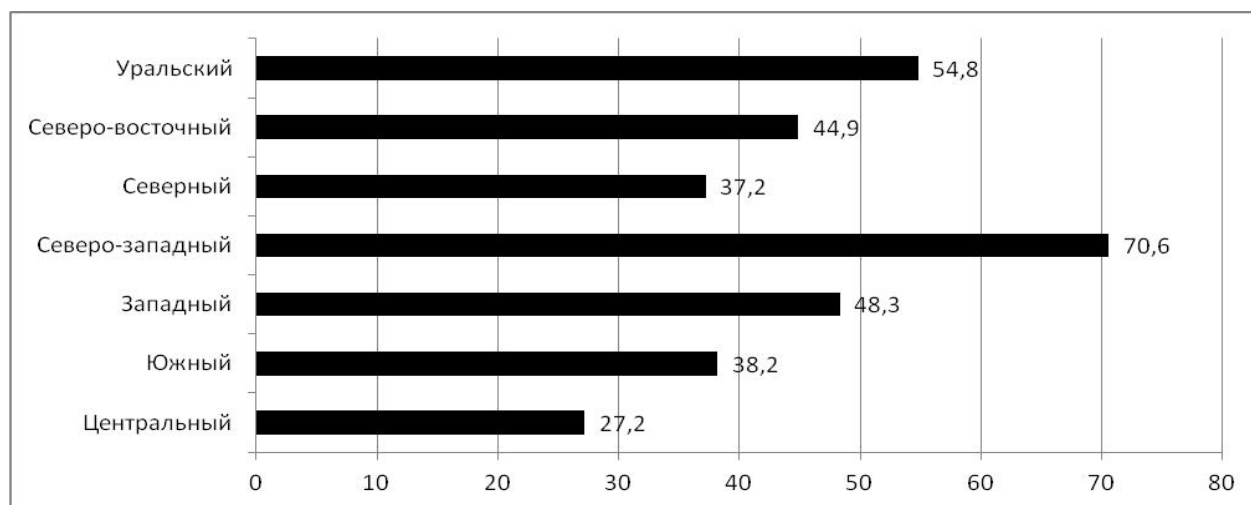

Рис. 2. Доли числа выпускников в подрайонах Республики Башкортостан, имеющих намерение уехать в другие регионы, за пределы РБ [8]

Интересно отметить тот факт, что только 5 % респондентов Башкортостана и 2 % респондентов Уфы отметили статус федерального университета и научно-исследовательского университета как фактор, который они принимают во внимание при выборе учебного заведения. Однако это могут быть абитуриенты с наиболее высокими баллами ЕГЭ. В этом отношении получение Уфимским государственным нефтяным университетом статуса опорного вуза будет способствовать удержанию лучших выпускников в республике. Другие вопросы анкетирования, направленные на исследование проблемы статусов вузов, показали, что большинство респондентов вообще не слышали или слышали, но мало знают, что означают статусы ФУ и НИУ.

Респондентам были заданы вопросы, куда они планируют поступать, и отдельно тем, кто выбирает вузы Республики Башкортостан, и тем, кто выбирает другие регионы, были заданы уточняющие вопросы, с чем связан их выбор. На рисунке 3 приведены результаты обработки ответов на вопрос, заданный респондентам, собирающихся поступать в вузы других регионов, о мотивах их намерения.

Оказалось, что наиболее значимым фактором, который влияет на мотивы выбора для половины из них, является то, что «в другом регионе больше возможностей для трудоустройства, выше заработная плата, а на родине (в РБ) нет перспектив».

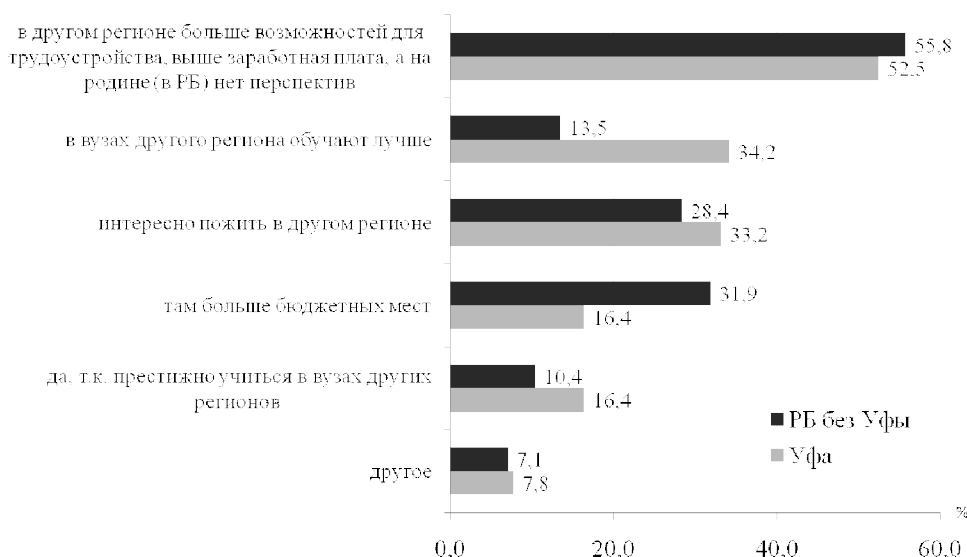

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о причинах выбора вуза другого региона

Важным фактором является также желание «пожить в другом регионе», которое отметили треть респондентов из числа собирающихся уехать за пределы Республики Башкортостан. При этом доля жителей регионов республики, которые считают, что «в вузах других регионах обучают лучше», намного ниже (13,5 %), чем уфимцев (34 %). То, что треть уфимцев из числа планирующих уехать аргументируют свое намерение более высоким качеством образовательных услуг в других регионах, является сигналом вузам Башкортостана к повышению своей

конкурентоспособности, а также наиболее эффективной организации маркетинговой работы.

Фактор наличия бюджетных мест, широко обсуждаемый вузовской общественностью Республики Башкортостан, волнует больше нестоличных жителей региона (32 %), чем жителей Уфы (16 %).

В заключение отметим, что не только система высшего образования влияет на экономику и является драйвером экономического развития региона, но и социально-экономическая обстановка, сложившаяся в регионе, влияет на

качественный состав абитуриентов, поступающих в вузы, и, соответственно, на эффективность работы системы высшего образования. Отток абитуриентов в другие регионы связан в значительной степени с тем, что существующие условия для трудоустройства в Республике Башкортостан представляются им неудовлетворительными. Абитуриенты выбирают вуз другого региона в надежде, что по его окончании, вероятно, будет легче найти работу, соответствующую их требованиям, представлениям. На этот фактор вузам трудно повлиять, и это является сигналом для органов государственного управления и местного самоуправления для принятия соответствующих мер.

В этой связи следует отметить, что отмеченный фактор студенческой (образовательной) миграции согласуется с выявленными в исследовании намерениями выпускников и носит наиболее актуальный характер и для трудовой миграции в целом [3].

Вместе с тем есть широкое поле для деятельности в области совершенствования самой системы высшего образования Республики Башкортостан. Необходимо разработать комплексную стратегию развития системы высшего образования в регионе, которая была бы тесно связана со стратегией социально-экономического развития республики.

Литература

1. Ахунов Р.Р. Оценка конкурентоспособности региона на основе структурных элементов воспроизводственного потенциала // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 2. С. 107–124.
2. Ахунов Р.Р., Мухаметова А.Д., Янгиров А.В. Трудовые ресурсы региона: демографические вызовы, межрегиональная конкуренция и оценка кадрового потенциала // Финансы Башкортостана. 2015. № 4. С. 28–33.
3. Ахунов Р.Р., Янгиров А.В. Трудовые ресурсы региона: демографические вызовы, межрегиональная конкуренция // Труд, занятость и человеческое развитие: доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / Под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Г.Р. Баймурзиной, Н.М. Лавренюк. Уфа: Восточная печать, 2015.
4. Зулькарнай И.У., Ислакаева Г.Р. Российские вузы в глобальных рейтингах // Высшее образование в России. 2015. № 12. С. 13–21.
5. Ислакаева Г.Р., Зулькарнай И.У. Региональная политика в сфере высшего профессионального образования в условиях усиления международной конкуренции // Вестник УГАЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2013. № 2. С. 67–73.
6. Ислакаева Г.Р., Зулькарнай И.У. Результативность региональной политики в сфере высшего профессионального образования // Известия Уфимского научного центра РАН. 2012. № 1. С. 39–45.
7. Ислакаева Г.Р., Зулькарнай И.У. Федеральные университеты и национальные исследовательские университеты в мировых рейтингах // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 502–506.
8. Исянбаев М.Н. Экономические подрайоны Республики Башкортостан: приоритетные направления социально-экономического развития. Уфа: Гилем, 2008.
9. Образование в Башкортостане [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Образование_в_Башкортостане
10. Петрова И. «Читать лекции на камеру нас никто не учил»: как сделать свой курс на Coursera [Электронный ресурс]. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/9608-coursera-diy>
11. Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров [Электронный ресурс]. URL: <http://5top100.ru/universities>
12. Талей Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2014.
13. Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf>
14. Юсупов К.Н., Янгиров А.В., Ахунов Р.Р., Таймасов А.Р., Токтамышева Ю.С. Региональная экономика. Уфа, 2015.

1 июня в Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан прошел научный семинар «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств», который провели доктор политических наук, профессор, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов Пермского научного центра УрО РАН Олег Борисович ПОДВИНЦЕВ и доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского научного центра УрО РАН Петр Вячеславович ПАНОВ. Оба ученых по праву могут быть названы основателями пермской политической науки и являются ведущими исследователями современной российской политологии. Редакция журнала встретилась с пермскими гостями, чтобы поговорить о современных тенденциях развития политической науки в России и ее регионах. Беседу вел С.Н. Шкель.

Российская политология сегодня: универсальные тенденции и региональная специфика

– Многие специалисты признают, что на научной карте России Пермь, наряду с Москвой и Санкт-Петербургом, сегодня является весьма заметным центром социальных наук. С точки зрения научных достижений в области политологии и ряда других обществоведческих дисциплин пермские ученые действительно добились заметных успехов, которые были достигнуты далеко не во всех российских регионах. Как бы Вы могли объяснить этот успех?

О. ПОДВИНЦЕВ. На самом деле, если говорить о социальных науках в целом, то я бы не сказал, что Пермь по всем обществоведческим дисциплинам заметно выделяется или, тем более, занимает лидерские позиции. Ситуация внутри социальных наук очень неоднородна. Если мы посмотрим на весь спектр гуманитарных профессий, то обнаружим, что одни профессии в Перми действительно находятся на очень достойном уровне, а другие – нет. В некоторых областях Пермь отстает от других регионов и уровень развития ряда профессий для города с миллионным населением, являющимся индустриальным центром крупного региона, сегодня является даже ниже, чем это необходимо.

Например, если говорить об отрицательных примерах – это журналистика. На мой взгляд, уровень развития журналистики в Перми и Пермском крае сегодня ниже, чем в некоторых других регионах, и явно отстает от уровня развития пермского сообщества, со стороны которого все же есть запрос на качественную, профессиональную журналистику.

Если говорить о политической науке, то, на мой взгляд, следует отметить, что различие траекторий развития региональных научных школ во многом обусловлено компонентами «наследия прошлого». Например, большое значение имели дисциплинарные истоки становления политологии в каждом конкретном регионе. В частности, все регионы дифференцировались в зависимости от того, каков профессиональный бэкграунд был у тех, кто стоял у истоков институционализации этой науки и кто заложил основы ее дальнейшего развития. С этой точки зрения можно выделить три основные группы российских политологов: выходцы из исторической науки, то есть бывшие историки; бывшие философы (причем, как правило, это представители достаточно специфической отрасли советского периода, которая называлась тогда «научный коммунизм»); бывшие географы.

Можно, конечно, еще выделять юристов и правоведов, которым близок институциональный подход в политологии и которые активно его развивают. Но все же, на мой взгляд, их сравнительно немного. А вот три первые перечисленные группы – это однозначно очень заметные и многочисленные когорты, которые сформировали основной корпус российских политологов. По крайней мере, если говорить о первых представителях российской политологии, так сказать, старой школе.

Поэтому очень многое зависело от того, какие научные школы были сформированы еще в советский период. Например, в Перми переход в политологию «сделали» главным образом историки. А вот в Екатеринбурге доминирующие позиции в региональной политической науке заняли бывшие философы и представители научного коммунизма.

Одним из компонентов сравнительно успешного развития политологии в Перми, конечно, был фактор богатых традиций развития исторического образования. Хотя первая кафедра политической науки была создана в Пермском государственном университете только в 1998 г., нельзя сказать, что это происходило на пустом месте. Ведь сам университет в Перми был основан еще в 1916 г. в результате эвакуации в ходе Первой мировой войны. Это был последний российский университет, созданный до социалистической революции и начала Гражданской войны. Поэтому он смог перенять и сохранить те мощные научные и образовательные традиции, которые получили развитие еще в имперской России.

И хотя в советский период политологии как отдельной и институционализированной науки не существовало, когда в начале 1990-х гг. появились условия для ее становления, этот процесс начался на базе кафедры всеобщей истории Пермского государственного университета. Историческая наука, как известно, в советский период развивалась очень интенсивно, и ее наработки оказались очень полезными для становления политологической школы. Особую активность в создании пермской политической науки проявили историки,

специализирующиеся на изучении материалов зарубежных стран. Фактически сложились обстоятельства, когда для историков, которые до этого предпочитали изучать опыт зарубежных стран, потому что в этой области было меньше идеологических ограничений советской эпохи и вообще этот опыт казался интереснее, в новых «постсоветских» условиях российская действительность стала не менее интересной. Исчезновение идеологических оков дало возможность бывшим историкам продолжить исследование почти тех же научных проблем, что они изучали раньше, но уже на базе эмпирического материала современной России, который оказался исключительно интересным и богатым.

– Можно ли сказать, что хорошее историческое образование, особенно в области зарубежной и всемирной истории, где можно найти параллели с методологией сравнительной политологии, является лучшей стартовой планкой для развития собственно политологии, чем, допустим, образование в области философии или географии?

О. ПОДВИНЦЕВ. Нет, я бы так не сказал. Дело в том, что тут многое зависело не только, и даже не столько от конкретных дисциплинарных отличий, сколько от людей. Ведь в рамках СССР научный коммунизм представлял собой очень пеструю картину. Поэтому развиваться все могло очень по-разному. Вот, например, в Пермском политехническом институте была кафедра научного коммунизма, которую в 1980–1990-е гг. возглавлял профессор З.И. Файнбург. Но несмотря на название возглавляемой кафедры он всегда идентифицировал себя как социолог, и то, чем он занимался, – это была настоящая социология. И когда стало возможно заниматься социологией и называть это собственно социологией, он это сделал и вполне успешно интегрировался в социологическую науку. Но можно привести и другие примеры, когда научный коммунизм являлся действительно просто догматическим набором мифов и после смены вывески абсолютно ничего не поменялось. То есть человек преподавал в советский период странный набор идеологием и продолжал заниматься тем же самым, называя это

«политологией» или «социологией». И надо сказать, что таких «политологов» по-прежнему еще достаточно много.

Если говорить об опыте Екатеринбурга в данной области, то следует сказать, что там сложилась еще одна интересная ситуация. Там в университете на отделении научного коммунизма при наличии достаточно свободной академической атмосферы сформировался по-настоящему сильный исследовательский коллектив. И поэтому в Екатеринбурге большую часть представителей региональной школы политологии составили выходцы именно этой кафедры научного коммунизма. Однако этот иной по сравнению с пермской школой образовательный и профессиональный бэкграунд вовсе не стал препятствием для появления в регионе исследований и научных продуктов высокого уровня.

В то же время все равно имеет место различие в подходах. Политические школы Перми и Екатеринбурга, конечно, имеют свою специфику. И хотя уже прошло более 25 лет, которые сопровождаются нашим очень тесным взаимодействием и сотрудничеством, тем не менее, эта разница в научных подходах все равно заметна и обусловлена, конечно, различиями в научно-историческом и дисциплинарном наследии. И в этом ничего плохого нет. Напротив, очень полезно взглянуть на одну проблему с точки зрения разных подходов.

П. ПАНОВ. Я соглашусь, что одним из факторов успеха развития региональной школы политологии являлось наследие прошлого, которое, в свою очередь, дополнялось «причудливым набором» других ситуативных факторов, которые систематизировать очень трудно, как и обнаружить между ними причинно-следственную связь. Например, безусловно, Перми повезло, что у истоков становления политологии в соответствующем регионе оказались историки, а не философы. А ведь этот вариант был вполне возможен и даже рассматривался. И если бы это случилось, то, конечно, политология в Перми сегодня имела бы другую специфику. То же самое можно было бы сказать, если ядро пермской школы политологии

составляли юристы или представители других обществоведческих дисциплин.

Если же вынести за скобки фактор исторического наследия и принять во внимание только постсоветский период развития науки, то мне представляется, что большую роль для дальнейшего развития политологии в каждом из регионов играло число созданных научных центров, их конфигурация и модели взаимодействия друг с другом. К примеру, в Перми первоначально возник один центр на базе Пермского государственного университета. Потом началась диффузия: появился политологический центр на базе Пермского научного центра Российской Академии наук, возник центр в Пермском политехническом университете, политология стала развиваться в пермском филиале Высшей школы экономики и т.д. При этом я хочу подчеркнуть, что это распространение центров, эта диффузия не была быстрой. Она была постепенной, последовательной и растянутой во времени. И это оказалось очень позитивным фактором для развития политической науки, потому что эти центры не вступали в соперничество друг с другом, а развивались в тесном сотрудничестве. Это было больше похоже на постепенную колонизацию единого научного сообщества, чем на формирование «враждебных» друг другу структур.

Иная модель развития и иной результат имели место в том случае, если сразу и одновременно возникали несколько научных центров, которые вступали в жесткую конкуренцию друг с другом. Реализацию этой модели отчасти можно было наблюдать в Москве и Санкт-Петербурге, но особенно показательным является пример Нижнего Новгорода. Там процессы становления политологии, которые происходили в 1990-х гг., оказались более интенсивными, в связи с чем возникло сразу несколько научных центров одновременно, и они не просто вступили в соперничество друг с другом, но стали вести борьбу с «нулевой суммой», практически на выживание, стремясь ликвидировать своих оппонентов и монополизировать научное пространство. В полной мере это сделать не удалось, но два оставшихся в регионе научных

центра в этой борьбе взаимно ослабили друг друга. В ходе такого жесткого противостояния часть перспективных и сильных ученых просто покинули Нижний Новгород и переехали в столицы. Они уехали не только потому, что на новом месте им было проще построить свою научную карьеру, но и потому, что эта война «всех против всех» не способствовала ни развитию науки, ни реализации личных устремлений ученых. В результате фактическим итогом этой борьбы оказался проигрыш всех и политологии как науки в целом.

О. ПОДВИНЦЕВ. Я бы хотел дополнить, что неблагоприятным для развития науки является не только тот вариант, когда создается сразу много центров и они вступают в жесткое соперничество друг с другом, но и модель с одним-единственным центром. В последнем случае новой генерации амбициозных ученых не хватает пространства для развития и они вынуждены уезжать в другие регионы. Происходит стагнация и деградация научного потенциала. Лучшей моделью является создание одного центра, но с обязательным его дальнейшим развитием и появлением других центров. Однако важно, чтобы новые центры воспринимались как партнерские, а не враждебные.

– **Получается, что для развития науки монополизм – это плохо, но и конкуренция – это не всегда хорошо?**

О. ПОДВИНЦЕВ. Конкуренция полезна для науки, но она должна осуществляться по определенным правилам и иметь рамки, быть в некоторой степени регулируемой.

П. ПАНОВ. Да, и при этом конкуренция может быть разной, может иметь разный смысл с точки зрения целевых ориентиров. Если смысл конкуренции в том, чтобы подавить, уничтожить, ликвидировать соперника, то благоприятного эффекта от нее не будет. Но если конкуренция – это спор, научная дискуссия и борьба идей, то в этом случае она будет содействовать научному развитию.

– **Одним из наглядных показателей, характеризующих успехи Перми в плане развития политологии, является тот факт, что кроме сильной старой школы политологов,**

сегодня здесь мы наблюдаем целую плеяду молодых ученых, которые, получив серьезную подготовку в столичных и зарубежных образовательных центрах, возвращаются в Пермь и иницируют новые проекты, развивая региональную политическую науку. Не каждый российский регион может похвастаться наличием такого пула молодых и активных исследователей. Почему в Перми это происходит? Это целенаправленная и стратегически выверенная работа преподавателей или просто особый человеческий материал, который воспроизводит столько талантов?

П. ПАНОВ. Я думаю, что сработали оба этих фактора. Но главное – это работа преподавателей. Очень важно понимание со стороны преподавателей осмысленности своей деятельности. У нас нет страха, что молодые приедут из столиц и начнут нас вытеснять. Не потому, что мы ничего не боимся, а потому, что сама по себе наша деятельность нам очень интересна. Мы прекрасно понимаем, что в других научных центрах по-другому смотрят на какие-то вещи и по-другому обучают. Мы всегда были настроены на сотрудничество, а не на борьбу «всех против всех». Поэтому мы не боимся конкуренции ни со стороны своих коллег, ни со стороны своих учеников. Мы всегда стимулируем наших выпускников на обучение в других научных центрах: в Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге, в зарубежных университетах. Многие едут, многие, конечно, и остаются. С одной стороны, жаль, что талант наших выпускников работает на пользу других регионов и других стран. Но, с другой стороны, мы ведь работаем, прежде всего, на интересы своих учеников. В то же время, что было для меня удивительно, многие наши выпускники действительно возвращаются, чтобы работать в Перми. И это уже не какие-то единичные случаи, а достаточно типичная траектория карьерного развития наших выпускников.

Еще один важный момент, который объясняет эту сторону успеха развития политологии в Перми, – это тот факт, что все пермские научные центры ориентированы не на замыкание внутри

себя, а на открытость. Изначально мы были нацелены на стратегию открытости. Это даже не обсуждалось и было само собой разумеющимся. Поездки на конференции и обмен мнениями с другими научными центрами России или других стран всегда стимулировались и имели для нас первоочередное значение. Как только у нас появлялись ресурсы, мы сразу же начинали ездить или организовывать свои конференции. Иногда мы так действуем даже в ущерб собственной заработной плате, потому что мы действительно считаем это для себя важным. И поэтому наши студенты тоже живут в такой атмосфере открытости. Для них это не является чем-то необычным. Возможно, именно поэтому они более адаптированы к тому, чтобы легко менять место своего жительства, уезжать для получения более качественного или более релевантного образования в другие регионы или страны. Таким образом, особенность наших студентов, во-первых, объясняется тем, что мы направляем и стимулируем их к мобильности, во-вторых, в ходе обучения они уже сами привыкают к этому и проще делают свой собственный выбор в этом направлении.

О. ПОДВИНЦЕВ. Но, конечно, работая в этом направлении, мы надеемся, что часть наших выпускников вернется в Пермь. И многие возвращаются. Более того, еще одним результатом этой многоцентричности и открытости пермской школы стал тот факт, что сегодня к нам едут работать ученые, которые никак прежде с Пермью связаны не были. Причем это уже вполне состоявшиеся и в значительной степени востребованные исследователи. Эти процессы действительно говорят о том, что Пермь стала весьма значимым и заметным политологическим центром России.

– **Сегодня существуют самые разные оценки уровня развития социальных наук в России. Кто-то считает, что большинство российских ученых по-прежнему сохраняют академический «провинциализм» и остаются недостаточно интегрированными в международное научное сообщество. Другие оценивают развитие российской науки в более радужных тонах. Как бы Вы оценили**

уровень развития социальных наук в России на современном этапе?

П. ПАНОВ. Однозначно оценивать эти вещи нельзя, поскольку социальные науки – это очень многогранное явление, внутри которого происходят сложные и противоречивые процессы. Но если говорить конкретно о политической науке в России, то, на мой взгляд, за последние двадцать лет выросло новое поколение ученых, которое по своему профессиональному бэкграунду намного превосходит предыдущее поколение. И это не пять или десять человек, это целая плеяда молодых исследователей, которые понимают, что такое академическое исследование, владеют современными научными методами, умеют их применять на практике и способны производить действительно научный, а не публицистический продукт. Это, безусловно, позитивный факт, который говорит о существенном прогрессе в развитии российской политической науки.

Если бы эта тенденция была линейной, то можно было бы ожидать, что через десять лет в России сформируется действительно высококлассная политическая наука мирового уровня. Но появление этой плеяды профессиональных политологов – это результат процессов, протекавших в 1990-е гг. Именно тогда в стране были созданы несколько научных центров, которые были ориентированы на подготовку исследователей мирового уровня. Именно международные научные стандарты являлись для них главными ориентирами. И сегодня представители этого нового поколения ученых могут уже автономно и независимо от этих центров себя воспроизводить. Автономность и независимость – это очень важная задача, которую уже выполнили эти научные центры. Однако наряду с этими научными сообществами в России есть структуры, которые воспроизводят то, что сложно назвать политической наукой. Это можно назвать идеологией, экспертным знанием, геополитической догматикой, как угодно, но не политической наукой. Само их существование не является какой-то угрозой. Но проблема заключается в том, что эти структуры также воспроизводят новое поколение, наделяя

его определенным и достаточно специфическим профессиональным содержанием. И надо сказать, что в этом процессе передачи знаний и воспроизводстве нового поколения исследователей «псевдополитологические» структуры количественно превосходят те центры, которые формируют действительно компетентных политических ученых. Разумеется, количество здесь не главное, но все же имеет значение. И главная опасность, на мой взгляд, состоит в том, что эти «псевдополитологи», называющие себя «политологами», могут поглотить все то здоровое и ценное в настоящем политологическом сообществе, которое, к счастью, в свое время сложилось, выросло и продолжает развиваться сегодня. От исхода этой незаметной, но вполне реальной борьбы, будет многое зависеть в плане развития политической науки в России.

– Но в некоторых странах, например, в Узбекистане, власти в прямом смысле слова запрещают преподавание политологии в университетах. Сегодня и в России можно наблюдать тенденции девальвации ценностей политического знания и роста невосприимчивости политических ученых. Большинство людей не понимают, что на самом деле есть политическая наука и зачем она нужна? Как Вы полагаете, в чем ценность политического знания? И так ли необходима политология в системе образования для большинства населения?

П. ПАНОВ. Следует разделять, с одной стороны, политологию как специальность для будущих профессиональных политологов и, с другой стороны, политологию как дисциплину, как предмет для непрофильных студентов. Во втором случае, я думаю, в идеале было бы правильным перестать эту дисциплину называть «политологией». А называть ее как-то по-другому, например, «граждановедением» или как-нибудь еще. Сам по себе такой предмет, я считаю, очень нужен для студентов. Более того, было бы хорошо дать возможность студентам непрофильных специальностей иметь возможность выбора из нескольких гуманитарных дисциплин определенных предметов по интересам, вместо того, чтобы на безальтернативной

основе заставлять их изучать единственный предмет в виде политологии, как это происходит сейчас. Например, на выбор студентам можно было бы предложить такие специальные курсы, как «Политические процессы в зарубежных странах» или «Современная политическая ситуация в России» и т.д. Ведь на самом деле у студентов есть реальный интерес к изучению подобных тем. Поэтому я против того, чтобы сокращать учебные часы за счет гуманитарных предметов у студентов технических специальностей, но я также против унификации в образовании, когда всех обучают по какому-то одному учебнику и преподают одинаковый набор дисциплин.

О. ПОДВИНЦЕВ. Если же говорить о подготовке профессиональных политологов, то в этой связи тоже важно понимать многогранность политического знания, элементы которого иногда непросто совместить. Например, очевидно, что в университетах должна осуществляться подготовка кадров для академической политологии и для воспроизводства ученых-политологов. Но ведь также понятно, что таких кадров не очень много требуется и что не так много есть людей, которые способны и хотят этим заниматься. С другой стороны, существуют потребности в профессиях, которые связаны не столько с наукой, сколько с популяризацией политического знания, педагогикой, воспитанием. Это совсем другая функция политологического образования, которая далеко не всегда может совпадать с первой. Существует еще третье направление, которое тоже имеет большое значение в системе политического образования – это политика как технология. Этому ведь тоже учат специалистов на факультетах политологии.

Студенты по своему складу ума и интересам тоже в значительной мере отличаются по этим трем направлениям. Есть студенты, которые успешно сочетают в своей деятельности науку и политическую практику и способны проводить четкую грань между этими сферами. То есть они ясно видят, что вот здесь они ученые, а вот тут уже политики и практики. Это разграничение очень важно, потому что если человек не видит

этой разницы, то он быстро теряет себя как исследователь. Именно для ученого ощущать эту грань крайне важно. Есть студенты, которые сразу идентифицируют себя как исключительно ученых и «отгораживаются» от политических технологий. Для них практика нужна только для приращения знаний о каких-либо политических явлениях, однако она им не интересна сама по себе. А есть студенты, которым политическая наука совсем не интересна, но интересна только политическая практика. И это нормально. Ведь политическая наука в академическом смысле и та область знаний, которая связана с политическими технологиями, – это в действительности две совершенно разные специальности. Во многом между ними такая же разница, как между ученым-физиком и инженером.

Более того, сама по себе область политических технологий тоже является очень многогранной, включающей в себя самые разнообразные направления. Например, есть большая разница между политическим журналистом и публицистом. Совершенно другими навыками должен обладать политический технолог, который связан с избирательным процессом или механикой политического лоббирования. И эти важные вещи надо как минимум осознавать. В то время как у нас, даже если политическое образование как-то конкретизируется и детализируется, то это делается совсем по другим основаниям. Таким образом, на уровне организации образования у нас это понимание отсутствует.

Поэтому, прежде всего, тут необходимо ответить на вопрос: а что собственно мы понимаем под политологией? Ведь зачастую человек искренне считает себя политологом, но на самом деле занимается совсем не политологией, а чем-то другим. И когда некоторые утверждают, что «политология нам не нужна», то возникает вопрос: а что они имеют в виду?

П. ПАНОВ. Да, я согласен, что такое деление политического знания существует и его необходимо осознавать. Поэтому было бы правильным, чтобы на уровне бакалавриата особенности всех этих трех направлений демонстрировались студентам, которые могли

бы за время своего обучения определиться и сделать выбор, исходя из своих интересов и способностей. В свою очередь, обучение в магистратуре должно уже строиться на четкой специализации в рамках этих трех направлений. И желательно это сделать не просто на уровне аудиторных занятий, но и на уровне прохождения студентами практики. Это то, что формат сегодняшнего нашего учебного плана принципиально отвергает, поскольку ограничивает прохождение учебной практики жесткими временными рамками. Но ведь выборы могут проходить совсем в другой период, чем это определено учебным планом. А где студенту учиться политическим технологиям, как не на выборах?

– **Мы поговорили о прошлом и современном развитии политической науки в России. В завершение нашего разговора попробуем заглянуть в будущее. Как Вы считаете, какие направления исследований являются наиболее перспективными и будут в большей мере востребованы в будущем? И что вообще Россия может дать для развития мировой политической науки?**

О. ПОДВИНЦЕВ. Это сложный вопрос. Ведь спрогнозировать тут очень непросто. Дело в том, что это сегодня легко объяснить, почему те направления, которые развивались в 1990-х гг., оказались востребованными на современном этапе. Да, сегодня понятно, что исследования политических режимов оказались востребованными, потому что сегодня мы переходим от одного типа режима к другому. Да, сегодня есть повышенный интерес к исследованию проблем региональной политической дифференциации и формированию локальных идентичностей, вопросам логики распада имперских структур и так далее. Все эти направления оказались успешными, потому что Россия в ходе своего постсоветского развития предоставила колоссальный эмпирический материал, и сегодня эти проблемы не теряют своей актуальности. И это все сегодня вполне можно объяснить. Но в самом начале развития этих политических изысканий это все было совсем не так очевидно.

Если говорить о направлениях научных исследований в будущем, то, по нашему мнению, нужно идти по пути развития уже сложившихся школ и существующих заделов. С другой стороны, понятно, что конкретная траектория политического развития России и новый эмпирический материал будут неизбежно вносить свои коррективы в развитие научных направлений политической науки. Новые политические события и информация всегда будут давать пищу для анализа и иметь определяющее значение как для развития практической политологии, так и для формирования новых теоретических концептов. Хорошим примером этого являются недавние события, связанные с волной протестной активности россиян в период electoralного цикла 2011–2012 гг. Увеличение числа новых политических исследований, посвященных проблематике массовой политической мобилизации, в этом смысле вполне понятен и закономерен. С одной стороны, возникла необходимость осмысления этих процессов, и, с другой стороны, появился новый фактический материал, который позволяет все это осмыслить. И многое будет зависеть от того, как будут развиваться политический процесс в России.

П. ПАНОВ. Если отвечать буквально на вопрос о том, чем Россия может быть интересна для политической науки, то я бы начал с ответа на вопрос: в чем состоит специфика России с точки зрения исследовательского интереса? Прежде всего, это региональное многообразие. Россия является страной, которая обладает большим числом административных единиц на субнациональном уровне, что представляет значительный интерес с точки зрения сравнительного анализа регионов. При этом дело не только в большом количестве регионов, но и в том, что они отличаются друг от друга по различным измерениям: по экономическим, социальным, демографическим, этнокультурным, географическим и т.д. Даже с точки зрения политических характеристик далеко не все так однородно, как это может казаться на первый взгляд. Да, количество партий в каждом регионе примерно одинаковое. Везде есть партия «Единая Россия». Но в каждом субъекте функциони-

рование этой «партии власти» не лишено определенной специфики. Реальная конфигурация политических сил в каждом регионе тоже имеет значительную дифференциацию. В этом смысле Россия имеет преимущество и интерес для исследователей, причем не только российских, но и зарубежных. Поэтому исследования, связанные со сравнительным анализом российских регионов, мне представляются очень перспективными.

С другой стороны, к тезисам об уникальности России я отношусь очень скептически. В чем мы можем обнаружить сугубо российскую специфику? Клиентелизм? Но это отнюдь не только российский феномен. Доминирование «партии власти»? Нет, это можно наблюдать во многих других странах. Это же касается авторитарного режима, персонализма, популизма или чего-то еще. В этом смысле я не вижу особой политической специфики России. Но это вовсе не означает, что Россия не является интересной. Напротив, Россия очень интересна для исследований, потому что ее можно сравнивать с другими странами, где мы можем обнаружить схожие политические явления. Все предметные поля, которые исследует политическая наука, в России присутствуют: выборы, избиратели, политические партии, избирательные системы – все это у нас есть. И все это мы можем сравнивать с другими странами, чтобы получать новые знания и объяснять происходящие процессы. И если идти таким путем, то, безусловно, Россия предстает как интересный объект исследования для любого политолога и политической науки в целом. Такой подход, с одной стороны, позволяет понять лучше саму Россию и способствует развитию российской политологии. С другой стороны, это способствует интеграции российской политологии в международное научное сообщество. В этом плане, как уже говорилось выше, определенные шаги уже сделаны, но еще пока явно недостаточно. Поэтому если мы будем говорить только о российской специфике, то мы никогда не станем частью мировой политической науки.

– **Большое спасибо за ответы на вопросы!**

Развитие электронной демократии на уровне местного самоуправления в Республике Болгария

Н. АРАБАДЖИЙСКИ

Понятие и сущность электронной демократии. В справочной литературе понятие «демократия» чаще всего связывается с понятием народовластия [5, 164]. Это форма государственного управления, политическое устройство общества, при котором власть «вытекает» из народа, находится в его руках. Демократия основывается на признании народа как источника власти. Демократия – политический строй, который характеризуется рядом юридических принципов, в числе которых – признание воли большинства как источника власти, выборность всех видов власти, признание равноправия и свобод граждан и др. [24, 203]. Дефиниция этого понятия допускает различные интерпретации в зависимости от политических систем, которые установлены в разных государствах, претендующих быть демократическими.

В специализированной литературе по политологии и государственному управлению существует множество определений понятия «демократия». Демократия учеными понимается как форма государственного управления, при которой граждане могут прямо участвовать в принятии решений выбранными ими публичными органами. В данной трактовке демократия подразделяется на «прямую», при которой граждане голосуют прямо или участвуют в референдумах, и «представительную». В последнем случае голосующие выбирают своих представителей, которые принимают конкретные управленческие решения, составляя законодательные и исполнительные органы власти.

Демократия понимается и как принцип управления, твердо установленный и объективно существующий в определенном историческом периоде развития конкретного государства, и как инструмент управления большинства

меньшинством. Некоторые теоретики отмечают, что демократия – режим, при котором большинство признает права меньшинств [26, 21].

Существуют и критики эффективности демократии. Они основываются на аргументах, связанных с неинформированностью граждан по многим политическим вопросам, что делает их нерациональными избирателями. Это приводит к политической нестабильности, апатии и разделению граждан в обществе.

Вследствие бурного развития информационных и компьютерных технологий и появления сети Интернет сегодня в мире значительно увеличились возможности электронной коммуникации. Структура отношений между людьми в обществах, между гражданами и органами власти изменяется. Сегодня можно говорить о формировании информационных обществ, в которых создание, распространение и потребление информации становится основой для всех политических, экономических, социальных и культурных видов деятельности, осуществляемых публичными органами и сотрудниками администрации. При этом расстояние, разделяющее граждан, политиков и органы управления в государстве, не имеет значения. Коммуникация между ними может проводиться в любой момент посредством использования информационных и коммуникационных технологий. Все это приводит к существенному ускорению политических перемен, чего не наблюдалось до сих пор в истории человечества. Подобные перемены, реализованные в соответствии с демократическими принципами и при этом с использованием информационных и компьютерных технологий, эксперты стали определять такими понятиями, как «цифровая демократия», «интернет-демократия» или «электронная демократия».

Арабаджийски Николай Запринов, д-р экономики, профессор департамента Администрации и управления Нового болгарского университета. E-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Цифровая демократия определяется некоторыми авторами как «технологии, посредством которых она реализуется, и обусловленное ими изменяющееся содержание демократии» [21, 344]. Это предполагает, что демократия реализуется посредством новых коммуникационных инструментов, что изменяет содержание политического процесса. Дигитализация превращает определенный тип данных, сигналов (телефонных импульсов, видеосигналов, телевизионных сигналов, звуковых сигналов и др.) в цифровые величины при помощи электронной техники [25, 84]. С этой точки зрения основные характеристики цифровой демократии следует изучать сквозь призму технологий, которые используют для коммуникации в одной виртуальной среде.

Интернет-демократия определяется авторами как «средство для борьбы против инфантилизации граждан в режиме, который должен был доверить им власть, средство, которое воплощает будущее демократии» [15, 110]. Демократия в данном контексте реализуется посредством использования возможностей новой технологии, которая является индустриальным, а не политическим проектом. Распространение Интернета создало новые формы коммуникации, когда люди получили возможности регистрации в различных социальных сетях, на интернет-форумах для общения друг с другом. В этом смысле основные характеристики интернет-демократии можно изучать на основе данных о степени и масштабах использования гражданами Интернет-технологий для проявления политической и гражданской активности, участия в государственном управлении и местном самоуправлении.

Другие теоретики предлагают следующие дефиниции сущности электронной демократии :

- использование информационных и коммуникационных технологий и стратегий, которые заимствованы из «демократических секторов» в политических процессах местной власти, государства и в глобальном мире. Идея об электронной демократии – это продолжение идеи об оффлайн-демократии [18, 2–3];

- использование новых ИКТ (Интернета, социальных масс-медиа, смартфонов, планшетов и др.) для защиты и развития основных демократических ценностей и, прежде всего, участия граждан в процессе принятия решений, то есть для приобщения к политическим процессам (информированию, принятию совместных решений, контролю за исполнением решений и т.д.) [7, 55–56];

- технологическая поддержка и поощрение демократии, демократического процесса и институций, связанных с участием граждан в процессе функционирования государства и управления [17, 498].

В Рекомендациях Комитета министров Совета Европы по электронной демократии CM/Res(2009)1 устанавливается, что электронная демократия включает в себя 12 элементов: электронный парламент, электронное законодательство, электронное правосудие, электронное посредничество, электронную инициативу, электронный референдум, электронное голосование, электронные консультации, электронный лоббизм, электронную агитацию, электронный подсчет голосов, электронные вопросники (анкеты).

Многообразие указанных понятий и авторских дефиниций затрудняет комплексное раскрытие сущности электронной демократии в местном самоуправлении. Обзор основных теоретических представлений о сущности электронной демократии позволяет сделать следующие предварительные заключения. Во-первых, при определении понятия «демократия» акцент обычно делается на устройстве и управлении государством, а не на управлении ее территориальными и жилищными единицами. Содержание различных исследований показывает, что сущность феномена демократии раскрывается в основном посредством анализа форм участия граждан в государственном управлении. Местное самоуправление представляет собой самостоятельный вид децентрализованного публичного управления [2, 165]. Оно выражается в праве и реальной возможности граждан и избранных ими органов решать самостоятельно все вопросы местного значения,

которые закон предоставил им в их компетенцию. Во-вторых, такие понятия, как «электронная демократия», «цифровая-демократия» и «интернет демократия», ученые рассматривают как синонимы и понимают под данным феноменом, прежде всего, использование информационных и коммуникационных технологий гражданами, политиками и органами власти в процессе демократического управления.

Исследование всех аспектов электронной демократии в рамках одной статьи представляет трудность в силу многообразия и масштабности данного социально-политического явления. В данной работе предпринята попытка выяснить сущность демократии в местном самоуправлении в Республике Болгария посредством представления возможностей электронного выбора органов местной власти и местного самоуправления; возможностей электронного участия граждан в местном самоуправлении; использования электронного контроля за деятельностью органов местной власти, местного самоуправления и местной администрации, который могут осуществлять граждане.

Электронный выбор органов местной власти и местного самоуправления. Основными структурными единицами на территории Республики Болгария в соответствии с Конституцией Республики Болгария [16] являются области и муниципалитеты. Другие административно-территориальные единицы созданы в соответствии с Законом об административно-территориальном устройстве Республики Болгария [8, ст. 2, 3]. Такими являются административно-территориальные единицы – область и муниципалитет; составные административно-территориальные единицы – район и мэрия; территориальные единицы – населенный пункт и селение [6, 64–76].

В соответствии с принятым в 1998 г. в Республике Болгария Законом об администрации [9, ч. 3, ст.19] в качестве территориальных органов исполнительной власти установлены: глава администрации и единоличные органы местного самоуправления – мэры муниципалитетов, мэры районов, мэры мэрий и исполняющие обязанности мэра.

Глава администрации – единоличный орган исполнительной власти в области, государственного управления на местах, который обеспечивает соответствие национальных и местных интересов при проведении региональной политики [9, ч. 1, ст. 29]. Фигура главы администрации возникает по системе назначения, притом бессрочного. Каждый из 28 глав администраций в Республике Болгария определяется решением Совета Министров и напрямую подчиняется министру-председателю. Главы администрации являются органами общей компетенции, несмотря на то, что их компетенция определена их ролью осуществлять деконцентрацию государственной власти с целью достижения эффективной региональной политики.

В литературе, посвященной местному самоуправлению, существует точка зрения, что термин «самоуправление» имеет неопределенное содержание [14, 18]. Современные авторы определяют его как управление, субъекты и объекты которого совпадают. Это означает, что они управляют и вступают в качестве управляющих и управляемых [22, 16].

Органом исполнительной власти в муниципалитете является мэр муниципалитета, а в районе и мэрии – соответственно мэр района и мэр мэрии. В своей деятельности мэр руководствуется законом, актами муниципального совета и решениями населения. Правомочия мэра определяются законом. Мэры функционируют и как субъекты местного самоуправления в муниципалитете, районе или мэрии, и как субъекты административного органа власти [4, 42]. Таким образом, мэры муниципалитетов, районов, мэрий и исполняющие обязанности мэра являются исполнительными органами не только с властными полномочиями, вытекающими из местного самоуправления, но и с государственно-властными.

В Республике Болгария выбираются 265 мэров муниципалитетов. Они назначают на срок своего мандата (на 4 года) одного или более заместителей мэра в соответствии с утвержденной структурой муниципальной администрации. В соответствии с Избирательным

кодексом от 2014 г. выборы мэров проводятся по мажоритарной избирательной системе с зарегистрированными в одномандатных избирательных районах списками выдвинутых кандидатов партий и коалиций и инициативных комитетов [13, ст. 400].

Муниципальный совет является коллективным органом местного самоуправления и избирается жителями муниципалитета при условиях и в порядке, определенными законом. Он утверждает структуру муниципальной администрации по предложению мэра муниципалитета. Муниципальный совет принимает Правила организации и деятельности муниципального совета, выбирает состав своих комиссий и определяет процедуры по его взаимодействию с муниципальной администрацией. Выборы муниципальных советников проводятся по пропорциональной избирательной системе с зарегистрированными в многомандатных избирательных районах списками выдвинутых кандидатов партий и коалиций и инициативных комитетов.

В Избирательном кодексе Республики Болгария подробно описана процедура проведения «машинного голосования». Данное голосование отличается от «электронного голосования», которое можно провести посредством сети Интернет или по телефону. «Машинное голосование» – это голосование с использованием специальных устройств, которыми оборудованы избирательные участки. Избиратель получает доступ к такому устройству, которое установлено в избирательной секции. Он голосует магнитной картой, при этом устройство показывает бюллетень, идентичный бумажному бюллетеню. Допускается, чтобы избиратель не голосовал ни за одну партию, коалицию или инициативный комитет. Его голос записывается и хранится в электронной избирательной урне, которая не предполагает раскрытие его личности и способа голосования. По завершении голосования информация о сделанном выборе становится недоступной для следующего избирателя. Тем самым соблюдается принцип тайного голосования.

При проведении общих выборов мэров и муниципальных советников 25 октября 2015 г. в Республике Болгария машинное голосование было допущено только для выбора муниципальных советников. Для этого 50 избирательных секций было оборудовано устройствами для машинного голосования, которые были расположены на территории Столичного муниципалитета в г. София. В процессе голосования не было обнаружено ни одной технологической проблемы. Однако следует отметить, что число граждан, воспользовавшихся данным видом голосования, оказалось весьма незначительным. Тем не менее, можно сказать, что на этих выборах была предпринята первая и достаточно успешная попытка реализации представительной электронной демократии в местном самоуправлении в Республике Болгария.

Законодательные инициативы, связанные с введением электронного голосования в Республике Болгария, были приняты в 2004 г. На 39-м Народном собрании был внесен проект Закона об электронном голосовании, который разрешает голосование по сети Интернет и телефону. Однако данный законопроект не был принят. Конституционный суд Республики Болгария отклонил проект закона, мотивируя это тем, что электронное голосование не может быть застраховано от неправомерных манипуляций и быть надежной формой физического голоса.

В 2013 г. Президент Республики Болгария внес предложение о референдуме, согласно которому при проведении выборов и референдумов предполагалось разрешить голосовать дистанционно-электронным путем. В 2016 г. 43-е Народное собрание приняло изменения в Избирательном кодексе, которые предусматривают при проведении выборов до 2018 г. создание возможности экспериментального электронного голосования по сети Интернет. Изменения предусматривают, чтобы электронное голосование проводилось в не более чем 20 избирательных секциях, которые будут определены Центральной избирательной комиссией с помощью жеребьевки по предварительно утвержденной методике.

Можно констатировать, что введение электронной демократии в Болгарии наталкивается на некоторое сопротивление со стороны политиков, которые видят для себя угрозу в расширении влияния информационных технологий на политический процесс, которое создает условия для рождения в рамках представительной демократии некоторых элементов прямой демократии. Все это в определенной степени подрывает политический вес болгарских политиков и делает их более зависимыми от простых избирателей. Поэтому, несмотря на то, что, по данным Национального статистического института, доступ болгарских хозяйств к сети Интернет составляет 59,1 %, введение электронного голосования в Республике Болгария вряд ли будет реализовано в полной мере до 2020 г.

До сих пор только в некоторых государствах – членах Европейского союза, таких как Бельгия и Эстония, электронное голосование применяется как дополнительная и альтернативная возможность голосования на выборах. В качестве эксперимента его вводили в Финляндии. Кроме того, электронное голосование применялось для граждан Франции, которые во время выборов находились за границей, а также в Ирландии, где было затем отменено. В преобладающем числе государств – членов Европейского союза электронное голосование не введено. Ведутся споры «за» и «против» его введения. В связи с этим на данном этапе трудно прогнозировать какую-либо положительную тенденцию его введения в Республике Болгария в течение следующего десятилетия.

Гражданская активность на уровне местного самоуправления. Любая форма демократии предполагает участие граждан. В последние годы ученые ввели понятие «демократия участия». В узком смысле под этим понятием подразумевается максимально возможная степень участия в общих делах [23, 7–8]. Когда акцент делается на возможности при формировании мнения граждан достигнуть консенсусных и рациональных результатов путем проведения аргументированного обсуждения, следует говорить о так называемой «делиберативной

демократии» [19]. При этом типе демократии политические решения принимаются после проведения публичных дебатов, на базе самых убедительных аргументов, причем содержание дискуссии должно быть понятно всему обществу. Когда управляющие органы включают в процесс управления граждан, социальные организации, заинтересованные стороны еще на ранних этапах формирования и реализации определенной политики, следует вести речь о «коллаборативной демократии». Ее практическое осуществление связывается с вызовами цифровых коммуникаций [20, 10] и краудсорсинга – практики ставить задачи большой группе людей, организованных «онлайн», чтобы получить рациональные идеи.

Граждане Республики Болгария могут участвовать прямо в осуществлении самоуправления. Способы и формы этого участия регламентированы в двух основных законах – Законе о прямом участии граждан в государственной власти и местном самоуправлении [12] и Законе о местном самоуправлении и местной администрации [10]. В соответствии с первым законом прямое участие граждан в местном самоуправлении осуществляется посредством следующих форм: местные референдумы, местные гражданские инициативы и общие собрания населения. В Республике Болгария реализация этих форм не осуществлялась в электронном формате. В соответствии с Законом о местном самоуправлении и местной администрации граждане и юридические лица могут вносить письменные предложения и мнения в комиссиях муниципального совета. Их можно подавать и электронно. Закон регламентирует порядок проведения процедур по защите прав и законных интересов граждан посредством институции «общественный посредник» [3, 6–26]. Защиту прав от неправомерных актов и действий органов местного самоуправления можно осуществить посредством институции «омбудсмен» согласно процедурам, регламентированным в Законе об Уполномоченном по правам человека (омбудсмене) [11]. С законодательной точки зрения допускается, что подача жалоб и сигналов в эти независимые органы осуществляется как

с использованием традиционных средств связи, так и электронным путем.

Контроль, который граждане и их организации могут осуществлять за деятельностью органов местной власти и местного самоуправления, осуществляется на практике путем подачи предложений и сигналов. Процедуры регламентированы Административным процессуальным кодексом [1], причем допускается электронная подача при соблюдении определенных условий.

В последние годы в Республике Болгария наблюдается усиленная активность ученых и неправительственных организаций в сфере реализации публичных проектов, проведения научных конференций и создания публичных форумов по проблемам электронной демократии. Целью этой активности является привлечение граждан к публичным дискуссиям, которые приводят к рациональным идеям о введении электронной демократии. Рассмотрим следующие из них:

– проект «Э-гражданственность» Стратегического фонда для научных исследований при Министерстве образования и науки. Он был создан в 2010 г. ведущими учеными Нового Болгарского университета и при участии экспертов других болгарских университетов. Вследствие его реализации создан и функционирует портал «Виртуальная агора о э-гражданственности, интернет-политике, цифровой демократии и новых формах участия»;

– проект «Поощрение электронной демократии в Болгарии посредством лучшего опыта Исландии» (гражданский проект о Зеленой книге) – реализован в 2014 году Болгарской ассоциацией по поощрению гражданской инициативы в партнерстве с Бургасским свободным университетом и Международным институтом по современным медиа (Рейкьявик, Исландия);

– международная конференция «Поощрение э-демократии в Болгарии». Это первый болгарский форум, посвященный электронной демократии и организованный Болгарской ассоциацией по поощрению гражданской инициативы, состоявшийся 29–30 мая 2015 г. в Бургасе;

– сеть э-демократии в Болгарии (E-Demokraciya.bg), созданная в 2015 г. как профессиональная сеть идейных граждан и экспертов в сфере IT без государственного финансирования.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы:

– электронная демократия в местном самоуправлении не была предметом самостоятельного научного исследования, раскрывающего целостную его сущность путем выведения его основных характеристик;

– обнаружены значительные трудности при введении электронной демократии в местном самоуправлении в Республике Болгария, которые выражаются в политическом сопротивлении, неинформированности граждан, технологической и правовой необеспеченности;

– прогноз о реальном введении электронного голосования при проведении выборов органов местной власти и местного самоуправления в Республике Болгария, скорее всего, пессимистический;

– обнаружена низкая степень участия болгарских граждан в общих делах местных общностей вследствие отсутствия правовой регламентации о проведении местных референдумов и местных гражданских инициатив электронным путем посредством использования современных информационных и компьютерных технологий;

– уровень активности ученых, экспертов и граждан в публичных дискуссиях и реализации проектов, связанных с введением электронной демократии в Республике Болгария, доминирует по сравнению с уровнем активности политиков;

– доступ болгарских хозяйств к сети Интернет, умения граждан пользоваться и распространять информацию, возможность включаться в электронно-организованные публичные форумы и выражать свои идеи и предложения об управлении общими государственными и местными делами расширяют для граждан способы воздействия на решения политиков, которым под давлением гражданского общества следует предпринять необходимые действия для введения электронной демократии в Республике Болгария.

Литература

1. Административный процессуальный кодекс, обн. ДВ. № 30/2006 г., с посл. изм. и доп. ДВ. № 27/2014 г.
2. Арабаджиски Н. Контроль в местном самоуправлении // Европейский город: урбанизация и архитектура, надежность и финансы: сб. докладов. София, 2008 г.
3. Арабаджийски Н. Участие граждан в местном самоуправлении в Республике Болгария // Муниципальная власть в современном мире: поиск ответов на вызовы времени: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Т. I. Уфа, 2013.
4. Балабанова Х. Администрация и исполнительная власть в законодательстве Республики Болгария. София, 2000.
5. Болгарский толковый словарь. София, 1994.
6. Ботев Й. Административно-территориальное устройство Республики Болгария. София, 2012.
7. Вырбанов Р. Вызов и проблемы электронной демократии в Болгарии // «Электронная демократия»: сб. ст. Бургас, 2015.
8. Закон об административно-территориальном устройстве Республики Болгария, обн. ДВ. № 63/1995 г., с посл. изм. и доп. ДВ. № 107/2014 г.
9. Закон об администрации, обн. ДВ. № 30/1998 г., с посл. изм. и доп. ДВ. № 27/2014 г.
10. Закон о местном самоуправлении и местной администрации, обн. ДВ. № 77/1991 г., с посл. изм. и доп. ДВ. № 53/2014 г.
11. Закон об Уполномоченном по правам человека (омбудсмене), обн. ДВ. № 48/2003г., с посл. изм. и доп. ДВ. № 15/2013 г.
12. Закон о прямом участии граждан в государственной власти и местном самоуправлении, обн. ДВ. № 44/2009 г., с посл. изм. и доп. ДВ. № 56/2015 г.
13. Избирательный кодекс, обн. ДВ. № 19/2014 г., с посл. изм. и доп. ДВ. № 79/2015 г.
14. Кабашов С., Гимаев И., Лаврентьев С. Местное самоуправление и муниципальная служба в системе властных отношений. Уфа, 2006.
15. Кардон Д. Интернет-демократия. Обещания и гарантии. София, 2012.
16. Конституция Республики Болгария, обн. ДВ. № 56/1991 г., с посл. изм. и доп. ДВ. № 100/2015 г.
17. Михайлова-Големинова С. Актуальные вопросы электронной демократии // Сб. статей Международной научной конференции, 21 мая 2012 г. София, 2013.
18. Николова М. Э-демократия и участие граждан в управлении // Годовое издание департамента «Публичная администрация» Нового Болгарского университета. София, 2015.
19. Петкова Т. Конфликт между цифровой и реальной демократией (подумаем о делиберативной демократии) // NotaBene. 2014. № 29. С. 56–64.
20. Проданов Хр. Коллаборативная демократия и вики-управление // «Понедельник» – журнал о теории, политике и культуре. 2010. № 11. С. 12–18.
21. Проданов Хр. Цифровая политика. Софоя, 2012.
22. Райзберг Б. Курс управления экономикой. СПб., 2003.
23. Симова О. Демократия участия. Теоретические ракурсы. Пловдив, 2014.
24. Словарь иностранных слов в болгарском языке. София, 2000.
25. Словарь новых слов и значений в болгарском языке. София, 2001.
26. Турен А. Что такое демократия? София, 1994.

Гражданское участие и развитие муниципальной демократии в современной России

И. ТРОФИМОВА

Одним из главных парадоксов сегодняшнего российского общества является противоречие между растущим недовольством граждан в отношении большинства публичных институтов и в то же время – нежеланием брать на себя ответственность за состояние и развитие этих институтов. Прежде всего, это относится к местному самоуправлению. Формируя местное сообщество, граждане выступают одновременно и субъектом, и объектом местного самоуправления, что требует от них активного гражданского участия. И если в целом можно утверждать, что в реальной жизни важны и пассивные, и активные формы гражданского участия, которые, скорее, не противостоят друг другу, но постоянно видоизменяются, сосуществуя во времени и пространстве [1], то на уровне местного сообщества гражданское участие приобретает особое значение.

Гражданское участие задает направление муниципального развития: чем выше активность граждан, тем в большей степени в это направление можно заложить интересы самих местных сообществ. Это особенно актуально в российских условиях, где местные интересы всегда уходили на задний план, уступая региональным или федеральным интересам, а в последнее время – корпоративным и частным интересам. Сегодня органы местного самоуправления вынуждены заниматься решением таких публичных вопросов, как профилактика экстремизма и терроризма, противодействие коррупции, гражданская оборона и др. Между тем функциональное значение местного самоуправления заключается в особом способе управления делами, которые непосредственно связаны с проживанием людей на конкретной территории. В данном контексте активное гражданское участие является одним из немногих способов

привлечения внимания к нуждам и проблемам местного сообщества.

Гражданское участие – это также механизм обратной связи в процессе реализации муниципальной политики. Отчужденность граждан от участия в местном самоуправлении создает только видимость благополучной ситуации. Даже отчитываясь перед вышестоящими инстанциями, муниципалитеты сегодня не могут игнорировать мнение граждан. Обратная связь с населением обеспечивает более глубокое понимание происходящих процессов, позволяет находить оптимальные пути решения возникающих проблем.

Наконец, гражданское участие – это особая характеристика индивида, его социального статуса. Опыт участия в общественно-политической жизни приобретает сегодня особое значение, потому что свидетельствует о наличии у граждан таких востребованных компетенций, как умение сотрудничать, участвовать в поиске коллективных решений, готовность к компромиссу и т.д. Все это является залогом того, что местное сообщество способно не только выражать свое мнение, не только выражать протест, позиционируя общество и власть как разные, противостоящие стороны, но быть равноправным партнером власти – причем в практических конкретных делах. Именно на уровне местного самоуправления возможен бесконфликтный перевод многочисленных и разнообразных, порой противоположных интересов в решения, исполнение которых обязательно для всех. В то же время благодаря гражданскому участию эти решения остаются доступными для последующей апробации и корректировки, что создает благоприятные условия для развития муниципальной демократии.

В России на протяжении 1990–2000-х гг. и государством, и гражданскими активистами предпринимались меры для сближения уровня публичной власти местного самоуправления и населения. Но, как показывают результаты исследований, на современном этапе доверие к органам местного самоуправления у абсолютного большинства россиян остается крайне низким. Скептическое отношение россиян проявляется как в недоверии к данному институту публичной власти, так и в отсутствии веры в то, что их участие может как-то повлиять на работу органов местного самоуправления. Все это объясняет чрезвычайно низкий уровень гражданского участия россиян по месту жительства, отсутствие мотивации людей к осуществлению коллективных солидарных действий.

Для многих граждан местное самоуправление воспринимается как продолжение государственной власти. Отчуждение населения от местного самоуправления является важным показателем уровня развития данного института публичной власти. Тем более актуальной представляется необходимость решения вопроса о потенциале гражданского участия в местных сообществах.

Проблематика развития муниципальной демократии и вопросы, связанные с восприятием органов местного самоуправления со стороны граждан, нашли свое отражение в исследованиях, проведенных Институтом социологии РАН в последнее время. Одним из важных показателей, характеризующих отношение граждан к местному самоуправлению, является уровень их доверия к данному институту публичной власти (табл. 1).

Таблица 1

Динамика уровня доверия россиян органам власти разного уровня, %

	2012	Октябрь 2014	Март 2015	Октябрь 2015	Март 2016
Президенту РФ	55	78	78	75	72
Правительству РФ	43	56	49	52	38
Руководителю региона	38	48	43	43	30
Органам местного самоуправления	*	34	27	29	22

* Вопрос не задавался.

Как показывают данные таблицы, доверие местному самоуправлению за период мониторинга всегда было ниже по сравнению с уровнем доверия к другим уровням власти. Можно говорить о сложившейся вертикали доверия по аналогии с вертикалью власти, когда чем выше уровень власти, тем выше уровень доверия к ней со стороны россиян. Нельзя не отметить также тенденцию к снижению уровня доверия органам местного самоуправления: если в 2014 г. он составлял 34 %, то в 2016 г. – 22 %. Но данный факт объясняется не столько разочарованием наших сограждан именно в деятельности местного самоуправления, сколько общественно-политической динамикой в целом. Самый высокий уровень доверия всем уровням власти был отмечен в конце 2014 г., то есть когда позитивные впечатления от воссоединения Крыма с Россией были еще свежими, а кризис только давал о себе

знать. На фоне усиления кризиса растущее недовольство россиян было связано, в первую очередь, с действиями не местных властей, а правительства и органов региональной власти, уровень доверия к которым снизился на 18 процентных пунктов, а к органам местного самоуправления – на 12 процентных пунктов. Приведенные цифры наглядно свидетельствуют о сложившемся у россиян представлении о властных уровнях, о наличии (или отсутствии) у них как «символического капитала», так и реальных ресурсов для решения актуальных для населения проблем.

Обращает на себя внимание и то, что уровень доверия органам местного самоуправления, прежде всего, зависит от уровня материальной обеспеченности и от типа населенного пункта, в котором проживают респонденты (рис. 1).

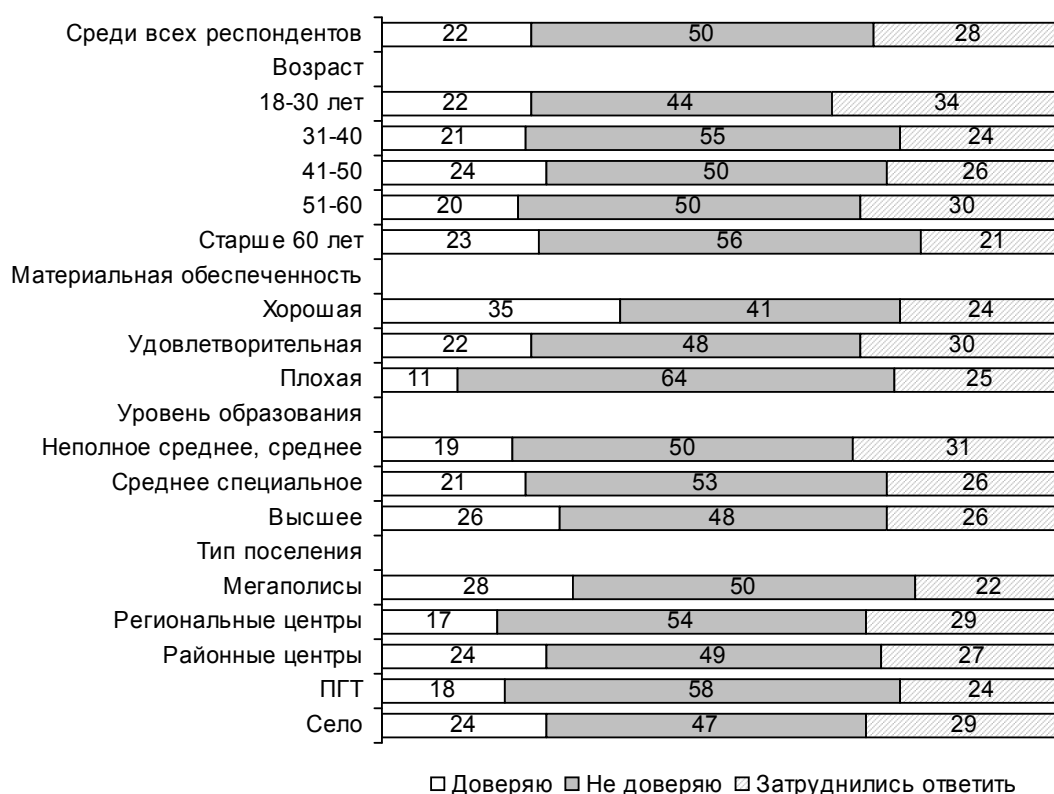

Рис. 1. Уровень доверия органам местного самоуправления, %

Это вполне объяснимая ситуация, если учитывать сложившуюся глубокую межпоселенческую дифференциацию, причем не только по типу поселения, но и в границах одного региона или даже одного муниципального района. Мы видим, что жители мегаполисов в большей степени доверяют органам местной власти, что связано не столько с удовлетворенностью их деятельностью, сколько с удовлетворенностью жизнью в целом. Да и сталкиваются жители мегаполисов с деятельностью органов местного самоуправления весьма опосредованно. Все значимые решения для города принимаются на

уровне субъекта Федерации. В то время как уровень жизни в подавляющем числе поселений намного ниже, а муниципалитеты сталкиваются с острой нехваткой средств и полномочий для решения насущных проблем. Самый низкий уровень доверия отмечен среди жителей поселков городского типа и региональных центров, то есть там, где ресурсы населения и ресурсы местной власти ограничены.

При этом, если учитывать, что россияне меньше всего доверяют органам местного самоуправления, именно данный уровень власти является наиболее доступным (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов россиян на вопрос о степени их влияния на политику разных уровней власти, %

Обращает на себя внимание тот факт, что всего 2–3 % респондентов уверены в своей абсолютной возможности влиять на власть всех уровней. В той или иной степени своего влияния на политику государства в целом уверены 14 % респондентов, региональных властей – 18 %, местных властей – 23 %. Что касается муниципальных властей, то большим оптимизмом в этом вопросе отличаются жители мегаполисов: 30 % из них отметили, что в той или иной степени могут влиять на их политику, тогда как среди жителей поселений городского типа таковых оказалось всего 17 %.

Интерес россиян к проблемам местного сообщества оказался достаточно высоким. Исследование показало, что 45% опрошенных регулярно, а еще 47 % – время от времени, обсуждают события местной жизни с друзьями, родственниками. При этом проблемы местного уровня несколько не уступают по степени востребованности событиям регионального и федерального масштаба. Интерес к обсуждению локальной повестки дня в целом почти не зависит от типа населенного пункта. Единственным исключением являются мегаполисы, в которых она заметно меньше, чем среди всех опрошенных. В них, как уже отмечалось выше, на городском уровне активно действуют и создают информационные поводы не только местные, но и региональные власти, что естественным образом приводит к дезориентации респондентов. В свою очередь, в Москве и Санкт-Петербурге муниципалитеты, как самостоятельные субъекты городской публичной политики, вообще малоизвестны простым жителям, поскольку управление городским хозяйством в столицах осуществляют органы государственной власти.

Местные проблемы также являются для россиян значимым интегративным и коммуникационным фактором. 65 % опрошенных заявили, что в вопросах, касающихся жизни в их городе, районе или доме, им нужны единомышленники, разделяющие их интересы, принципы и жизненные цели. В плане вопросов музыки, культуры, искусства такой позиции придерживаются 47 %, политики – 46 %, национальных отношений – 42 %, религии – 36 %,

бизнеса – 34 %. Причем из этих 65 % опрошенных 38% признались, что таких единомышленников у них недостаточно.

Что касается непосредственного участия граждан в различных формах гражданской активности по месту жительства, то следует отметить, что лишь около 2 % респондентов заявили об опыте такого участия и еще 6 % опрошенных выразили свою готовность к участию, причем в большей степени это относится к жителям сел и малых поселений, а не крупных городов и мегаполисов.

В работе органов местного самоуправления готовы принять участие 9 % сельчан и 7 % жителей поселков городского типа, а также 8 % респондентов в возрасте 41–50 лет, 10 % граждан с высшим образованием и 8 % граждан, имеющих хорошее или очень хорошее материальное положение. Заметно меньше потенциальных желающих среди жителей районных центров (5 %), граждан старше 61 года (4 %) и имеющих только среднее образование (3 %). Так, согласно данным опроса, в публичных слушаниях по вопросу размещения новых объектов капитального строительства участвовало 7 % респондентов при 50 % гипотетически выразивших свою готовность. В инициативные группы граждан по сбору подписей в поддержку или против какого-либо нововведения, строительства потенциально могли бы войти 42 % опрошенных, но на практике в деятельности соответствующих групп приняли участие только 7 %. В добровольных дружинах по охране общественного порядка состоят или состояли 5 % россиян, готовы вступить в их ряды 34 % респондентов. Наиболее же близки по уровню реального и потенциального участия такие формы активности по месту жительства, как субботник по благоустройству двора (48 % и 33 % соответственно), а также собрания собственников жилья в многоквартирном доме, членов ТСЖ, членов дачного кооператива и т.д. (26 % и 38 % соответственно).

Сравнительно невысоким оказался уровень вовлеченности граждан в деятельность многообразных общественных организаций – благотворительных, волонтерских, молодежных,

экологических и т.п. (от 1 до 6 %). Лишь 6 % опрошенных непосредственно сталкивались с работой подобных организаций по месту своего жительства, 20 % осведомлены об их деятельности, а еще 39 % отметили, что что-то о них слышали. К сожалению, как раз на местном уровне большинство общественных объединений страдает от нехватки средств, в том числе для привлечения внимания общественности к своей деятельности. Если сравнивать деятельность НКО в России и, например, в США и Западной Европе, то необходимо отметить, что важной особенностью последних является их нацеленность на создание условий для социальной интеграции, прежде всего, по месту жительства. Поэтому в США и Западной Европе много организаций, оказывающих помощь и поддержку тем, кто оказался в тяжелой жизненной ситуации – бездомным, безработным, безнадзорным детям, мигрантам, инвалидам, жертвам семейных конфликтов и др.

Восприятие и решение социальной проблемы вне контекста местного сообщества во многом объясняется спецификой гражданской идентичности россиян. Значение гражданской идентичности для россиян опосредовано не столько отношениями с согражданами, сколько отношениями с государственными институтами, что свидетельствует об ее государственно-гражданском характере. На это, в частности, указывает

тот факт, что две трети россиян, независимо от возраста, главным фактором единения считают государство. В своеобразной топографии идентичностей россиян преобладает отождествление себя с целой страной, с народом, когда нивелируются различия между социальными группами и слоями, но не с конкретным гражданином, когда эти различия подчеркиваются. С этим связаны трудности формирования толерантного отношения к людям, имеющим иные взгляды, демонстрирующим неготовность к сотрудничеству и компромиссам, низкий уровень личной ответственности за происходящее вокруг, что особенно характерно для молодежи, представители которой имеют активные жизненные устремления и в то же время испытывают недостаток жизненного опыта.

Дополнительный вклад в понимание специфики гражданской идентичности россиян вносят результаты шестой волны проекта Всемирный обзор ценностей (World Values Survey) [2]. В частности, даже выборочное сопоставление ответов респондентов свидетельствует о том, что наибольшее значение для россиян приобретает их идентификация с целой страной (нацией). В то время как для жителей развитых (Германия, Швеция, США) и быстро развивающихся (Китай) стран важно чувствовать себя частью и местного сообщества, и мира в целом, а также автономным индивидом (табл. 2).

Таблица 2

Доля ответов «полностью согласны и согласны» на вопрос, кем ощущают себя граждане той или иной страны (2011), %

	гражданином мира	частью страны (нации)	частью местного сообщества	автономным индивидом
Среднее значение по всем странам, включенным в исследование	47,2	91,0	22,5	24,8
РФ	46,3	92,6	23,6	22,4
Беларусь	48,6	89,3	20,6	28,7
Китай	55,6	84,9	82,4	79,0
Германия	60,0	85,9	77,9	80,1
Швеция	78,1	96,6	90,5	91,1
США	67,4	93,2	85,3	64,2

Прежде всего, обращает на себя внимание низкая доля россиян, ощущающих себя частью местного сообщества (23,6 %), – вполне сопоставимая со средним значением (22,5%) по всем странам, включенным в исследование, или, например, по Беларуси (20,6%), но резко контрастирующая с такими странами, как, например, Швеция, Германия, Китай или США. Аналогичные результаты получены и при оценке респондентами себя как автономного индивида. Приведенные цифры показывают, что россияне, ощущая себя частью страны (нации), в то же время не придают большого значения своим взаимодействиям с другими членами местного сообщества, в границах которого они осуществляют свою повседневную деятельность, в том числе учатся, работают, воспитывают детей и т.д. Соответственно местное сообщество в силу своей разобщенности не способно сформировать культуру сотрудничества между гражданами, а на уровне государственной политики или в процессе реализации сугубо личных интересов сделать это весьма проблематично. Таким образом, не только отношение гражданина к публичным институтам, но и его отношение к согражданам является важной предпосылкой гражданского участия.

Гражданская активность по месту жительства представляет собой огромный, но в то же время не востребованный и слабо реализованный потенциал развития местного самоуправления. Распространенная точка зрения,

согласно которой у россиян отсутствует запрос на реальное местное самоуправление, предусматривающее активное непосредственное участие в решении вопросов местного самоуправления, не соответствует действительности. Граждане внимательно следят за происходящим в их локальных сообществах и хотели бы активно участвовать в улучшении среды своего обитания. Вместе с тем респонденты в настоящее время действительно не видят возможностей для оказания действенного влияния на местную власть, что прямо отражается на уровне ее поддержки.

Таким образом, чем активнее россияне будут участвовать в различных формах и практиках гражданской активности, тем в большей степени местное самоуправление будет иметь собственное, а не прикладное значение. Чем более правомочным и полномочным будет ощущать себя местное сообщество, тем больше будет возможностей для развития муниципальной демократии.

Литература

1. Ключарев Г.А., Трофимова И.Н. Несколькое «уроков» теории и практики гражданского образования // ПОЛИС. 2016. № 1. С. 175–191.
2. World Values Survey Wave 6: 2010–2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>

Проблемы развития Комитетов территориального общественного самоуправления городского округа г. Омск

Е. БЕЗВИКОННАЯ

Ключевым субъектом и одновременно ресурсом развития определенной территории (региона, муниципального образования) в условиях политических и социально-экономических катаклизмов и кризисных проявлений, затрагивающих различные сферы общественных отношений, оказывается население – местное сообщество (иначе – территориальный коллектив). Представляя собой весьма неоднородную «естественную организованность» [10, 42], местное сообщество охватывает разнообразные формальные и неформальные объединения, непосредственно связанные с определенной территорией (местом) на основе совместных интересов и осознанного субъективного выбора (мотива). Как самоорганизующееся (стихийное по своей структуре), самобытное (обусловленное историческими и территориальными особенностями) и самовоспроизводящееся (в условиях нарушения привычной среды обитания) объединение, местное сообщество основано на общих ценностях и самоопределении [10, 44] различной степени формализации. Стихийный характер процессов самоорганизации затрудняет (зачастую лишает возможности) достижения консенсуса (не компромисса!) между естественным характером процессов жизнедеятельности местного сообщества и институционализированными, рациональными принципами функционирования публичной власти. Реализуемые на местном уровне политической власти механизмы соучастия граждан в решении проблем развития конкретной территории посредством как пассивных (информирование населения, социологические опросы), так и активных форм (публичные слушания, собрания, правотворческая инициатива, обращения и т.д.),

основаны на преобладании вертикальных каналов коммуникации, в ущерб потенциалу горизонтальных. Сложившаяся тенденция окончательно возобладала после трансформации модели местного самоуправления в России в 2003–2006 гг. в направлении универсализации и централизации, первоначально в пользу федерального уровня публичной власти, а с 2014 г. – регионального.

В этих условиях процессы самоорганизации утрачивают стихийный характер и приобретают форму особых «искусственных конструкций», отличающихся ситуативным характером [1, 201–202], преимущественно под влиянием внешних и внутренних угроз для привычной среды обитания и жизнедеятельности местного сообщества. Как субъект социального управления местное сообщество оказывается включенным во взаимодействие с органами публичной власти с целью достижения баланса интересов [14, 86], а также создания атмосферы «взаимного доверия и диалога» [11, 3] – достижения компромисса между всеми ключевыми акторами, действующими на муниципальном политическом пространстве. С другой стороны, местное сообщество оценивается и как форма гражданского общества, основанная на территориальной самоорганизации и самоуправлении, ориентированная на формирование гомогенного (однородного) сообщества [3, 369, 371], объединенного общей локальной идентичностью, в первую очередь, совместной территорией проживания и общими интересами.

Системное противоречие в осмыслении сущности местного сообщества заключается в том, что попытки найти компромисс между пониманием его как субъекта социального

управления и самодостаточной единицы социально-политического пространства определенной территории (местности) посредством формально-политического механизма (в первую очередь, форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления) не позволяет использовать все возможности местных сообществ для реализации политического и социально-экономического потенциала территории. Взаимоотношения местного сообщества и институтов публичной власти всегда предполагают диалог, основанный на консенсусе интересов и потребностей. В противном случае возникает стремление публичной власти воспользоваться потенциалом сообществ для решения собственных исключительно политических или институциональных задач. Весьма показательны в этом отношении попытки разработать механизмы (а зачастую и «модели») вовлечения населения в решение проблем развития территории в условиях кризисных ситуаций, чрезвычайного положения. Так, Л.Л. Шпак и Ю.В. Токмашева предложили собственную модель мобилизационно-управленческого механизма взаимодействия муниципальной власти с местным сообществом. Но ее предназначение становится очевидным после следующего утверждения авторов: «Мобилизационно-управленческий механизм в соответствующих мобилизационных ситуациях *подстраивается* (курсив мой. – прим. Е.Б.) под запросы местного сообщества и активизирует его деятельность в условиях, требующих концентрации совместных усилий власти и населения в решении острых и неотложных проблем» [13, 31]. Стремление адаптировать формы политической активности граждан, проживающих на определенной территории, к потребностям вертикальной иерархии управления, весьма консервативным бюрократическим практикам влечет за собой перераспределение ресурсов власти с диалоговых коммуникаций на манипуляторные стратегии управления, стихийное использование механизмов связей с общественностью для получения сиюминутной поддержки со стороны определенных групп интересов, общественных объединений.

Подобная ситуация свидетельствует о дискредитации истинного смысла демократии, переходе к постдемократическим ценностным ориентирам и практике политического управления. Оценивая сущность феномена постдемократии, Колин Крауч отмечал: «При этой модели, несмотря на проведение выборов и возможность смены правительств, публичные предвыборные дебаты представляют собой тщательно срежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов, которые владеют техниками убеждения, и ограниченный небольшим кругом проблем, отобранных этими командами. Масса граждан играет пассивную, молчаливую, даже апатичную роль, откликаясь лишь на посылаемые им сигналы. За этим спектаклем электоральной игры разворачивается непубличная реальная политика, которая опирается на взаимодействие между избранными правительствами и элитами, представленными преимущественно деловыми кругами» [5, 12]. В отличие от избирательной демократии, реализуемой преимущественно на верхних этажах политического управления, муниципальная демократия оказывается в меньшей степени вовлеченной в «непубличную реальную политику», что свидетельствует о наличии в ней потенциала для самоорганизации местных сообществ при условии четкого осознания их природы, динамичных характеристик, консенсусных возможностей в процессе согласования коллективных и индивидуальных интересов представителей различных социальных групп. Муниципальная демократия, действуя в границах, определенных пределами вопросов местного значения, лишается потенциала самоорганизации, поскольку ее пространство неизменно сужается границами вопросов непосредственной жизнедеятельности местного сообщества.

Самоорганизация граждан по месту жительства как сложившийся социально-политический механизм муниципальной демократии оказывается ресурсом развития определенной территории, поскольку обеспечивает складывание исторически укоренившегося сообщества жителей [12, 10], объединенных схожим

укладом и образом жизни, потенциально готовых к включению в различные вертикальные и горизонтальные каналы коммуникации, преимущественно определенных формами участия граждан в осуществлении местного самоуправления. С этой точки зрения социально-политический механизм муниципальной демократии реализуется посредством различных форм социально-политической активности местного сообщества, включенных в структуры муниципальной власти или являющихся следствием стихийных форм самоорганизации, преимущественно в условиях наличия угрозы для привычной среды обитания граждан.

Поскольку ключевой формой самоорганизации граждан по месту их жительства оказывается территориальное общественное самоуправление, которое в условиях крупного города становится практически единственным механизмом самоорганизации, именно этот механизм формирования локальной идентичности оказывается в центре нашего внимания. В качестве экспериментальной площадки для нашего исследования выступает городской округ город Омск – типичная для Сибирского федерального округа столица субъекта Российской Федерации, характеризующаяся замкнутостью политического процесса, патриархальностью политической элиты и слабостью элементов локальной идентичности в среде городского сообщества [4, 10]. В то же время следует отметить устойчивую политическую активность отдельных (замкнутых) инициативных групп граждан в рамках Комитетов территориального общественного самоуправления (КТОСов), поддерживаемую политической волей органов местного самоуправления [7]. Устойчивость проявлений политической активности КТОСов заключается в использовании двух организационно-правовых форм самоорганизации граждан по месту жительства – Комитетов и Собраний, а также сохранением неизменной численности КТОСов на протяжении 2005–2016 гг. – 76 [8].

Сохранение постоянной численности КТОСов в городском округе может свидетельствовать о двух тенденциях. Во-первых, с 2005 г. наблюдается негативная динамика социально-

политических процессов в городе Омске в связи с ограничением автономии Комитетов территориального общественного самоуправления и расширением области вмешательства в их деятельность со стороны органов местного самоуправления. Так, в 2005 г. при мэре г. Омска как главы местной администрации создается совет по ТОС, в функции которого входит координация деятельности всех комитетов, а также подготовка экспертных заключений для профильного Департамента социальной политики и общественных отношений. Во-вторых, имело место усиление противоречий между инициативами КТОСов, поддерживаемых местной администрацией, и реальными жизненными потребностями местного сообщества. Содержание ТОС как формы самоорганизации по месту жительства заключается в использовании не только вертикальных, но и горизонтальных каналов коммуникации для привлечения местного сообщества к решению проблем развития локальной территории. Только при соблюдении этого условия можно вести речь об использовании данного социально-политического механизма муниципальной демократии как «точки роста местного сообщества» [6, 20]. В условиях крупного города практически невозможно добиться высокого уровня локальной идентичности населения, за исключением наличия отдельных непосредственных интересов, объединяющих членов местного сообщества. Данный фактор оказывается ведущим и при обосновании причин неизменности численности КТОСов в г. Омске с 2005 г. Общее снижение уровня жизни, социально-экономические катаклизмы, связанные с перестройкой модели организации местного самоуправления, привели к формированию потребности публичной власти базироваться на уже ставших традиционными формах политической активности. В то же время последующие процессы сохранения численности КТОС и, напротив, укрепления механизмов их централизации в форме Фондов объединения и развития КТОС свидетельствовали о неготовности органов местного самоуправления городского округа к симметричному диалогу с представителями инициативных групп населения, входящих в состав комитетов.

С позиции процессов самоорганизации любые проявления социально-политической нестабильности способны, при определенных условиях, привести к усилению солидарности местного сообщества с инициативами представителей местной власти и авторитетных политических лидеров. Динамика численности КТОСов в Омске свидетельствует о наличии высокого потенциала форм политической активности городского сообщества, поддержанного главой местной администрации (мэром), на этапе формирования местного самоуправления (1998–2005 гг.), отсутствия единой политической воли, способной изменить расклад политических сил на местах. Напротив, формирование единой модели организации местного самоуправления с 2003–2006 гг. повлекло за собой нарушение стихийного по своей природе баланса сил, породив замкнутые структуры (фонды), получающие средства из местного бюджета и решающие отдельные вопросы местного значения (их часть) посредством механизмов КТОСов. Относительная устойчивость форм ТОС в городском округе связана с осознанием отдельными активистами его потенциала как источника получения политической и финансовой поддержки со стороны муниципальной власти, а также средства разрешения насущных проблем развития территории.

Факт наличия у инициативных групп граждан, образующих «ядро» КТОС, мотивации на получение поддержки своих инициатив со стороны Администрации города Омска, подтверждает проведенный сравнительный анализ динамики получения КТОСами муниципальных грантов для некоммерческих организаций, ежегодно выделяемый Департаментом общественных отношений и социальной политики. На протяжении 2014–2016 гг. отмечена положительная динамика изменения количества КТОСов, выступающих с собственными проектами для получения грантовой поддержки (с 23 в 2014 г. до 48 в 2016 г.) [9]. Она свидетельствует также и о готовности социально активной части горожан участвовать не только декларативно, но и потенциально (при наличии

определенных условий), а зачастую и реально в совместных действиях, направленных на решение конкретных проблем развития территории.

Осуществление совместных действий становится возможным в связи с наличием не только общей проблемы (пространства совместных действий), но и доверия между акторами, наделенными взаимными ожиданиями и обязательствами, связанными с совместным проживанием на определенной территории [2, 81]. Данный социально-политический механизм доверия в городском округе формируется и реализуется в рамках мероприятий, проводимых для жителей микрорайонов (конкурсов, праздников и т.д.), результаты которых заносятся в книгу «История славных дел ТОС города Омска» [8], представляющую собой весьма солидное подарочное издание, содержащее описание достижений отдельных руководителей и представителей КТОСов города Омска. Принимая во внимание то обстоятельство, что формирование доверия в местном сообществе основывается на устойчивых горизонтальных связях, не представляется возможным использовать для этого исключительно средства местного бюджета, включенные в вертикальные каналы коммуникации с администрацией города Омска. Несомненно, структуры соседских сообществ, получившие развитие в советский период, в городских округах не способны выйти за рамки доверительных отношений внутри достаточно замкнутого коллектива соседей по подъезду, лестничной площадке, дому, приобрести устойчивость в рамках более крупного территориального пространства.

Несомненно, потенциал процессов самоорганизации местных сообществ в условиях крупного городского округа не может быть равномерным по сравнению со значительно меньшим потенциалом сельских сообществ. Дифференциация местного сообщества городского округа по месту жительства, его автономность требуют участия в процессе самоорганизации отдельных политических (общественных) лидеров и различных институтов (органов местного самоуправления, фондов

развития КТОС), которые задают формы и механизмы формирования практик самоорганизации в местных сообществах. Именно их участие, преимущественно на этапе образования определенных форм самоорганизации, выполняет функцию социально-политического механизма формирования групповых ценностей и норм, а впоследствии – самостоятельных социальных институтов, регулирующих поведенческие мотивы и деятельность населения на местах. В качестве ключевых регуляторов формирования структур ТОС в городском округе выступили представители Омского городского совета и Администрации г. Омска, которые в условиях переходного периода социально-политического развития 1990-х – начала 2000-х гг. осознали потенциал открытой неравновесной системы гражданского общества, которое спонтанно выражало свою готовность принять участие в разрешении социально-экономических проблем локальной территории посредством формирования общественных организаций и объединений (как правило, в форме комитетов общественной самодеятельности). Стихийность данных процессов могла стать угрозой политической стабильности в силу спонтанного характера проявлений активности населения. Следствием этого становится реализация комплекса организационных мероприятий (преимущественно в форме проведения собраний и конференций при участии инициативных групп граждан), направленных на переход процесса самоорганизации к более упорядоченным и сложным формам – комитетам (собраниям). Но в этом и заключалось ключевое противоречие данного процесса. Дело в том, что процессы самоорганизации по своей природе носят спонтанный характер, поэтому переход к более сложным формам организации возможен только под влиянием внутреннего потенциала сообщества, достигшего определенного уровня политической зрелости. Любые попытки использовать внешние импульсы приводят к разрушению равновесия и порождают появление искаженных форм спонтанной самоорганизации, способных разрушить политическую систему.

С другой стороны, несомненным является и другое обстоятельство – в случае, если внешний импульс обусловлен потребностью определенного политического актора получить поддержку территориального коллектива в условиях отсутствия привычных механизмов вертикальных политических коммуникаций, наличия импульсов спонтанной самоорганизации, он способен стать источником идеи, явления (события), «запустив» процессы самоорганизации в русло определенных организационно-политических форм, «привычных» для централизованной политической системы России. В сложившихся условиях процессы самоорганизации граждан по месту жительства в условиях городского округа приобретают форму социально-политического механизма, поддерживающего оптимальный баланс (расстановку сил) на переходном этапе политического развития, но способного сохранить свой потенциал только при условии сохранения пространства самоорганизации и ответственного выбора со стороны представителей местного сообщества, обладающих высоким уровнем гражданской культуры.

Оценивая значение процесса самоорганизации граждан по месту их жительства в городском округе, необходимо выделить несколько аспектов гражданского участия в решении вопросов жизнедеятельности конкретной территории как выражения сущности муниципальной демократии как таковой.

Во-первых, преобладание вертикальных каналов коммуникации и консервативных структур в территориальном общественном самоуправлении, следствием которых оказывается снижение доли инициативных групп граждан, готовых принимать участие в деятельности Комитетов ТОС.

Во-вторых, слабость внутренних мотивационных импульсов и нерегулярность внешних импульсов в условиях неразвитости активистской политической культуры приводит к неиспользованию потенциала самодеятельности, который пока сохраняется в деятельности ТОС. Невыраженность стратегий конфронтации или сотрудничества во взаимоотношениях с

органами местного самоуправления порождает конформистские установки, лишенные импульса самоорганизации.

В-третьих, слабость структур местного сообщества городского округа порождает недооценку их потенциала со стороны представителей местной политической элиты, а зачастую их игнорирование.

В-четвертых, ТОС в условиях городского округа превращается в наиболее продуктивную форму гражданского участия в решении проблем локальной территории при условии складывания определенной инфраструктуры, обеспечивающей внешнюю поддержку, в том числе консультативную, всем инициативам сообщества. Несмотря на наличие принципиального противоречия между процессами самоорганизации и внешними импульсами, в условиях значительной территории запустить или активизировать процессы возможно только при наличии умеренных внешних воздействий, скоординированных с учетом состояния и потребностей сообщества.

В-пятых, повышение конфликтности взаимоотношений политических сил на региональном и местном уровне порождает динамику политических процессов, зачастую приводя к вовлечению в них местного сообщества в лице КТОСов. Следствием данных процессов оказывается падение доверия населения в работе данных структур как «заведомо ангажированных» определенными политическими силами.

В-шестых, консерватизм подходов политической элиты и властных структур к формам вовлечения граждан к участию в решении проблем развития территории не способствует привлекательности КТОСов как механизма выражения воли сообщества или эффективного способа решения проблем развития определенной локальной территории.

В-седьмых, развитость механизмов внешней поддержки ТОС в рамках муниципальных программ, грантов, несомненно, могло бы стать импульсом для реализации процессов самоорганизации, но только при условии сформированности внутренних импульсов, наличия проявлений гражданского участия,

пусть и спонтанного, но достаточно разнообразного и разнонаправленного.

В-восьмых, одним из наиболее очевидных приоритетов деятельности ТОС в городе Омске становится культивирование длительности исторических традиций, которые оказываются дополнительным импульсом для сохранения «сложившейся годами» и «оправдавшей себя» организационной формы комитетов (собраний).

В-девятых, сотрудничество КТОСов с различными общественными организациями, коммерческими предприятиями, предпринимателями проявляет себя в гораздо меньшей степени, поскольку требует использования горизонтальных каналов коммуникации, что при низком уровне гражданского участия зачастую оказывается затруднительным.

В-десятых, недооценка механизмов самоорганизации в форме ТОС со стороны всех акторов, вовлеченных в структуру территориального пространства, порождает ограниченность использования его потенциала, несмотря на устойчивость данного механизма в условиях городского округа.

Оценивая перспективы развития территориального общественного самоуправления как формы самоорганизации граждан по месту их жительства и механизма гражданского участия, следует обратить внимание на две взаимосвязанные тенденции. Во-первых, несмотря на консерватизм сложившихся практик ТОС в городских округах, преобладание вертикальных каналов коммуникации, ограниченность инициативных групп граждан, принимающих участие в их деятельности, нельзя игнорировать сохранение внутреннего потенциала самоорганизации, который в условиях политической нестабильности может привести к стихийным «выбросам» энергии отдельных групп интересов. Данная тенденция должна стать объектом пристального внимания представителей политической элиты и местной власти, но не приводить к нарушению сложившегося баланса сил и интересов между властью и обществом. Во-вторых, влияние ТОС на усиление активности гражданского участия на местном уровне становится возможным только при разнообразии

форм самоорганизации граждан по месту жительства и вовлечение в данный процесс не только сложившихся структур, но и иных групп населения, бизнес-сообщества, общественных организаций. Недооценка потенциала территориального общественного самоуправления в развитии механизмов муниципальной демократии может привести к окончательной ликвидации всех проявлений (пусть и спонтанных) гражданской активности, а значит – уничтожить основы самого демократического уклада в российском обществе и государстве.

Литература

1. Антипов К.А. Проблемы формирования местных сообществ в российских городах // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1. С. 199–202.
2. Габеркорн А.И. ТОС как институт привлечения населения к делам местных сообществ // Вестник Сургутского государственного университета. 2015. № 1. С. 79–82.
3. Ефстифеев Р.В., Задорин И.В., Крупкин П.П., Лебедев С.Д. Городские локальные идентичности: проблемы дифференциации и факторы консолидации местных сообществ // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: реалии и новые вызовы. V Сухаревские чтения. 2015. С. 368–373.
4. Жуков И.К. Основные тренды функционирования региональной политической элиты Омской области: автореф. дис. ...канд. полит. наук. Екатеринбург, 2011.
5. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. М.: Изд. дом гос. ун-та. Высшая школа экономики, 2010.
6. Мельник С.А. Местное сообщество как субъект муниципального управления // Вестник Костромского государственного технического университета. 2015. № 1. С. 20–22.
7. Муниципальная программа г. Омска «Социальная поддержка граждан и развитие общественных отношений» на 2014–2018 гг., утв. Постановлением мэра города Омска от 14 октября 2013 года № 1168-п.
8. Официальный сайт Администрации города Омска [Электронный ресурс]. URL: https://docs.google.com/viewer?url=http%3A%2F%2Fadmomsk.ru%2Fdocument_library%2Fget_file%3Fp_1_id%3D277812%26folderId%3D277853%26name%3DDLFE-39808.pdf
9. Официальный сайт КТОС г. Омска: [Электронный ресурс]. URL: <http://ktosomsk.ru/>
10. Прохоров Д.В., Цаф В.М. Проблемы организации партнерства между местными сообществами и органами государственной власти и местной власти / Социальные системы и право: сб. науч. трудов / отв. ред. Л.Б. Герасимов. Самара, 2015. С. 41–49.
11. Пясецкая Е.Н. Факторы формирования активности местного сообщества // Политика, экономика и инновации. 2016. № 1. С. 1–5.
12. Токмашева Ю.В. Управленческие и самодеятельные начала во взаимодействии муниципальной власти с местными сообществами // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1. С. 231–235.
13. Шпак Л.Л., Токмашева Ю.В. Мобилизационно-управленческий механизм взаимодействия муниципальной власти с местным сообществом // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 28–33.
14. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. СМ. Червонной. М.: Логос, 2005.

Основные направления и методы развития социальной активности населения в осуществлении местного самоуправления

Н. ФИЛИППОВА

На современном этапе местное самоуправление рассматривается как: форма публичной власти; институт предоставления муниципальных услуг населению; как система влияния на социальную активность населения; как связующее звено между обществом и государством; как вид деятельности населения по решению вопросов местного значения на территории своего проживания; как форма самоорганизации граждан в процессе принятия решений, влияющих на качество жизни всего населения конкретной территории.

Самоуправляемой является та социальная система, в которой человек (население) становится не объектом, а субъектом управления, реализуя потенциал своей социальной активности.

Исследователи выделяют следующие типы социальной активности населения на местном уровне:

а) иждивенческая активность – жалобы и прошения, направленные на то, чтобы власть решила проблемы жителей, в том числе те, за которые власть не отвечает;

б) протестная активность – возникает из желания жителей противодействовать действиям и планам властей, не принимая во внимание альтернативные планы. Такая активность развивается в формах пикетов, митингов, коллективных жалоб, перекрытий дорог, согласованного бойкота выборов, протестного голосования на выборах;

в) фиктивно-демонстративная активность – использование населения в качестве статистов для реализации рекламных или политических проектов. Активность при этом

имитируется за счет нанятых и оплаченных участников и не является самостоятельной;

г) конструктивная активность – инициативы, попытки корректировки действий властей и предприятий для создания более благоприятных условий жизнедеятельности территории. Конструктивная активность предполагает партнерское взаимодействие властей и населения [1].

В настоящее время конструктивное участие в осуществлении местного самоуправления не является для населения достаточно значимым ввиду отсутствия у него доверия к власти. Большая часть населения убеждена, что местная власть сознательно препятствует участию жителей в принятии решений по вопросам местного значения, хотя в соответствии с законом население имеет право:

– непосредственно участвовать в решении вопросов местного значения через местный референдум или сход;

– избирать и быть избранным в органы местного самоуправления;

– получать равный доступ к муниципальной службе;

– на индивидуальное и коллективное обращение в органы местного самоуправления и к должностным лицам местного самоуправления;

– получать полную и объективную информацию о деятельности органов местного самоуправления;

– защищать свои права на участие в местном самоуправлении в судебном порядке;

– осуществлять территориальное общественное самоуправление;

- выступать с правотворческой инициативой;
- обращаться с инициативой о проведении публичных слушаний;
- проводить собрания и конференции;
- голосовать за отзыв депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования;
- участвовать в других формах прямого волеизъявления.

На практике же население не может реализовать эти права. С одной стороны, оно не обладает культурой и навыками их реализации, с другой стороны, органы местного самоуправления зачастую копируют стиль и формы работы государственной власти, основанные на жесткой централизации и авторитаризме. Однако чем сильнее власть «закручивает гайки» тотального контроля и принуждения, тем люди, зачастую спонтанно и неосознанно, сопротивляются этому, сплачиваясь вокруг защиты своих интересов на основе принципов равноправия, солидарности и партнерства. В процессе кооперации к людям приходит осознание своей идентичности с группой общих интересов.

Жесткие иерархические системы управления в условиях протекания трансформационных процессов в наибольшей степени подвержены разрушению. Единственным способом противодействия этому является повышение уровня адаптивности системы к любым изменениям. В сложившейся социально-экономической ситуации ученые обращают внимание на перспективность подхода и ряда управленческих методов, которые характеризуются сочетанием централизации и децентрализации в принятии решений. Согласно этому подходу, централизация должна обеспечить устойчивость и целенаправленность развития системы, а децентрализация – ее гибкость и адаптивность.

В системе местного самоуправления это позволит достигнуть следующего [2]:

- повысить качество принимаемых местными властями решений и качество местного управления;
- преодолеть отчужденность граждан от власти, повысить уровень доверия населения по отношению, как к муниципальному уровню управления, так и к власти в целом. Это увеличит поддержку принимаемых властных решений;
- снизить затраты на решение вопросов местного значения и переданных государственных полномочий за счет включения ресурсов добровольчества и благотворительности;
- создать один из механизмов снижения политической напряженности в обществе и увеличения «человеческого капитала» как ресурса устойчивого развития общества и государства.

В настоящее время в России органами государственной власти, на наш взгляд, осуществляется формирование нормативно-правовой и организационно-административной конструкции по использованию самоорганизационного потенциала населения в целях укрепления российской государственности и местной гражданской (патриотической) идентичности. Основой этого процесса является соблюдение принципов вовлеченности, соучастия, самоорганизации.

Вовлеченность населения в реализацию указанного процесса характеризуется высоким уровнем эмоциональной связи населения с властью (лицами, принимающими решения), призывающей людей самостоятельно прилагать больше усилий к осуществлению социально-экономической общественно полезной деятельности. Степень вовлеченности определяется по таким признакам, как положительные отзывы населения; стремление стать частью местного сообщества, активным гражданином; добровольное участие в общественно полезной деятельности.

Вовлеченность основана на самостоятельном выборе человека. Заставить человека проявлять искреннюю активность нельзя, но можно создать условия, позволяющие ему

сделать выбор в ту или иную сторону. К ним можно отнести выявление общественного актива, лояльного к власти, поиск объединяющей власть и общество идеи, обозначение общих с ними целей, поощрение активности, участие в совместной с органами власти деятельности, учет мнения людей, создание условий для развития их деятельности и участия в мерах по ее регулированию.

«Общество соучастия» основано на привлечении широких слоев населения к участию в социально-экономическом развитии страны. Изначально концепция «общества соучастия» [3] носила исключительно корпоративный, а не государственный характер. Она представляла собой такой способ правления компаниями, когда каждый ее служащий мог иметь право на часть получаемой прибыли за счет приобретения ее активов. На уровне общества в целом концепция «соучастия» нацелена на вовлечение основных организаций, движений и групп, составляющих инфраструктуру гражданского общества, в управленческий процесс, и в этом плане она во многом совпадает с концепцией «многосоставной демократии», сформулированной А. Лейпхартом. Однако и на этом уровне она предполагает вовлечение в процесс демократического действия не только политических, но и экономических акторов, и прежде всего институтов, задающих основные параметры промышленной и финансовой политики. Помимо расширения круга участников демократического процесса, такого рода взаимодействие призвано ограничить чрезмерную власть финансовой олигархии и обеспечить более эффективное сотрудничество финансов и промышленности в интересах национальной экономики. В области социальной политики и социального государства концепция общества участия перекликается с идеями «общества всеобщей включенности», развиваемыми современной социал-демократией.

Рассматривая общественную самоорганизацию как основу демократических процессов в системе местного самоуправления, необходимо

принять за основу представление об обществе не как о целенаправленно организуемой форме, а как сложной самоорганизующаяся среде жизнедеятельности людей, возникающей из их жизни и включенной в нее [3]. Спонтанный социальный, экономический и политический порядок с точки зрения самоорганизующихся систем является результатом взаимодействия различных, часто противоположных стремлений, целей и интересов огромного количества его участников.

Сам процесс общественной самоорганизации возникает в критических ситуациях общественной жизни и представляет собой определенную последовательность. Общество как открытая система состоит из большого числа людей, которые имеют определенную структуру связей, отношений и взаимодействий. Под воздействием определенных обстоятельств, которые угрожают этой устоявшейся структуре разрушением, общество вынуждено менять свою структуру, приспосабливаясь, адаптируясь к изменившейся окружающей среде. Эти изменения под воздействием случайных факторов незаметно начинаются на микроуровне, которые, накапливаясь, вдруг становятся заметными на макроуровне. Следствием этого является скачкообразный переход на более высокий и качественно новый уровень упорядоченности по сравнению с предыдущим, но конкретные характеристики которого заранее предсказать невозможно.

В условиях, когда кризисы и неопределенность все в большей степени влияют на жизнь общества и государства, только цикличность процессов общественной самоорганизации – от беспорядка к порядку, приводит к образованию устойчивых социально-экономических структур.

С помощью мер нормативно-правового регулирования и организационно-управленческих изменений, касающихся низовых звеньев взаимодействия власти и общества на уровне местного самоуправления, государство предпринимает определенные попытки реализации принципов вовлеченности, соучастия и

самоорганизации. Они осуществляются в определенных формах, дополняющих возможность участия населения в осуществлении местного самоуправления. Прежде всего, эти формы касаются элементов управленческого цикла, в

процессе которого вырабатываются, принимаются, осуществляются, контролируются и оцениваются управленческие решения. Анализ реализации потенциала населения в социально-экономическом развитии представлен в таблице.

Реализация потенциала населения в социально-экономическом развитии

	Вовлеченность	Соучастие	Самоорганизация
Анализ ситуации	Советы депутатов всех уровней	ОНФ, Общественные палаты	Партии
Проектирование (стратегия, цели, планы)	Стратегический диалог (урбанистика) Общественные слушания	Профсоюзы, экспертные советы	Фонды местных сообществ
Привлечение ресурсов и реализация планов	СРО (сообщества по профессиональным интересам) Стартап-акселераторы, бизнес-инкубаторы, технопарки, венчурные фонды	Инициативное бюджетирование ГЧП, МЧП НКО – поставщики социальных услуг	ТОС, ТСЖ, ТСН (соседские сообщества) НКО (сообщества по социальным интересам) Кооперативы (сообщества по экономическим интересам)
Анализ результатов (наличия, продуктивности, эффективности)	Общественный контроль государственных и муниципальных органов исполнительной власти	Независимая оценка качества предоставления государственных и муниципальных услуг	Союзы, ассоциации

Вместе с тем санкционированные через нормативно-правовое регулирование формы вовлечения, соучастия и самоорганизации населения в решении всех жизненно важных вопросов общества не касаются самих процессов принятия властных решений. Пока этот процесс остается непрозрачным и практически недоступным для влияния общественности.

Литература

1. Гальченко В.В. Роль местного самоуправления в развитии социальной активности населения муниципального образования // Сервис plus. 2012. № 4. С. 48–52.
2. Основные направления развития механизмов местного самоуправления в Российской Федерации на среднесрочный период: проект. (итоговый документ Всероссийского съезда

муниципальных образований) // Местное право. 2013. № 6. С. 55–123.

3. Охошин О.В. «Общество соучастия» как новая концепция социальной политики на примере Великобритании (1995–2005 гг.) // Вестник РГГУ. 2013. № 13 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-souchastiya-kak-novaya-kontseptsiya-sotsialnoy-politiki-na-primere-velikobritanii-1995-2005-gg>

4. Перегудов С.П. «Корпоративный переворот» и будущее демократии // Политические институты на рубеже тысячелетий: сб. статей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/center/syst/parties06.htm>

5. Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственное управление: автореф. дис. ...д-ра социол. наук. М., 2000.

Современные управленческие технологии вовлечения населения в решение вопросов местного значения

М. ХАЛИКОВ

Проблема участия граждан в решении вопросов местного значения является ключевым вопросом, с которым сталкивается система местного самоуправления. Это обусловлено уже тем, что местное самоуправление – это право и способность граждан решать эти вопросы, следовательно, степень и качество реализации самоуправления прямо и непосредственно связаны с тем, как и в какой степени население участвует в решении общественных задач на местном уровне.

Проблема эта ставилась и решалась всегда, но по-разному. В первобытном обществе – через механизм клановых традиций, затем – через административно-формализованные процедуры. Особенно ярко реализация последних проявлялась в советской модели местного самоуправления. В современной России на нормативном уровне определены основные формы участия граждан в решении вопросов местного значения: местные выборы, участие в собраниях, сходах, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания и т.д. Однако полноценная реализация этих и других форм участия граждан сдерживается применением явно устаревшего и неэффективного механизма административно-формализованного привлечения людей в сферу местного самоуправления. В итоге и само местное самоуправление превращается в фикцию, становится лишь «ширмой» для реализации интересов корпоративных и властных структур.

Среди ответов на вопрос о причинах пассивности российских граждан в системе местного самоуправления достаточно распространенными являются ссылки на дефицит знаний

у большинства населения, их исторически обусловленную пассивность, недостаточный опыт решения проблем с помощью коллективных действий. С нашей точки зрения, все это имеет место, но не является главным. Ключевая причина заключается в том, что у граждан просто нет реального интереса участвовать в решении вопросов местного значения. Известно, что именно интересы определяют мотивацию и, соответственно, поведение человека. Роль интересов как инструмента управления резко возрастает в современных условиях, где формируется партнерский тип отношений, в том числе в сфере местного самоуправления. Партнерский тип управления приходит на смену административно-формализованному типу и предполагает формирование таких управленческих отношений, где и субъект и объект управления строят отношения в соответствии с принципами добровольности и взаимной выгоды.

Интересы, как известно, объективно определяются теми реальными условиями жизнедеятельности, в которых находится тот или иной субъект. В нашем случае отсутствие реального интереса к участию в решении вопросов местного значения означает, что граждане прекрасно понимают, что от степени их участия в решении вопросов местного самоуправления их условия жизнедеятельности никак не зависят. Это больше зависит от властных структур, регулирующих социальные отношения и финансовые процессы.

Поэтому граждане, если и участвуют в системе местного самоуправления, то либо на уровне энтузиастов-одиночек, либо через

формально-административное принуждение, либо в рамках давно сложившихся традиций. Даже если это участие будет носить массовый и даже активный характер, оно не будет эффективным, поскольку это участие напоминает скорее «массовку статистов», чем деятельность заинтересованных лиц. Природа участия в большей степени носит характер мероприятия, спектакля, а не формы выражения и защиты своих местных интересов. В такой ситуации материальные и духовные интересы населения реализуются не через активную и реальную деятельность граждан, а через аппаратную работу, лоббирование местными руководителями интересов своих территорий во властных структурах для получения дополнительных льгот, субсидий, иных преференций. В дореволюционной России и в Советском Союзе эта система была достаточно дееспособной. Но сегодня, в условиях рыночного общества, она не обеспечивает эффективное местное самоуправление.

Критерии оценки участия тоже носят чисто формальный характер: к количественным относится численность граждан в рамках той или иной формы участия; к качественным – единство мнений, отсутствие острых противоречий, скандалов и т.п. Какие свои интересы граждане выразили или защитили и, самое главное – как это сказалось или скажется на их реальных условиях жизни – эти вопросы априори остаются вне анализа.

Таким образом, основная причина неэффективного участия граждан в решении вопросов местного значения заключается в том, что у них просто отсутствует реальный интерес это делать. Другими словами, они наблюдают отсутствие эффективных результатов от гражданской активности для решения своих местных проблем. Используемые сегодня многочисленные (пусть даже профессионально) методы привлечения людей принципиально проблему не решат.

При этом важно отметить, что большую часть населения такая ситуация вполне устраивает, поскольку за граждан их вопросы кто-то решает (от президента страны до главы сельской администрации), а они лишь пассивно

принимают эти решения. Это устраивает большую часть традиционного руководящего корпуса, органы местного и регионального управления, поскольку они ментально, структурно и технологически формировались для работы именно с таким населением. Следовательно, нужно менять интересы как населения, так и властей.

Для решения этой сложной проблемы необходимо, в первую очередь, определить весь спектр угроз и возможностей, связанных с менталитетом населения, с социально-экономическими процессами, с изменениями в идеологии, с технологической революцией и т.п. Основными инструментами достижения данной цели выступают социальные управленческие технологии, которые реализуются в социальном управлении. Социальное управление – это функция общества (социальных систем), направленная на обеспечение его выживания посредством координации социальных элементов данной системы как между собой, так и с внешней социальной средой [1, 29]. Профессиональная реализация данной функции возможна только на уровне соответствующих технологий.

Технологии – это совокупность операций (алгоритм действий), которые гарантированно обеспечивают достижение заданного результата. Гарантированное достижение заданного результата – это принципиальная особенность технологии, отличающая ее от обычного метода, где алгоритм действий просто направлен на достижение некой цели [1, 82]. Технологии социального управления, или социальные управленческие технологии, – это алгоритмы деятельности, обеспечивающие гарантированное достижение целей в области управления людьми и организациями.

Один из важнейших принципов социального управления – принцип воспитания гласит, что люди, социальные группы на практике проявляют необходимые качества (свойства) только через формирование системы соответствующих социальных отношений. В нашем случае это означает, что население будет реально заинтересовано в участии в решении вопросов местного значения только тогда, когда будут

сформированы определенные социальные отношения. Это необходимо в связи с тем, что реальные интересы людей определяются той системой отношений, в которой они находятся.

Система социальных отношений в рамках естественного развития меняется либо в ходе реформ, либо в результате революции, а затем легитимируется и закрепляется посредством нормативного регулирования. Сегодня реформы и их легитимизацию лучше проводить на основе управленческих технологий, поскольку это ведет к гарантированному результату с минимальными издержками.

Основным правовым инструментом реализации современной муниципальной реформы является ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131). В соответствии с этим законом были инициированы и определены направления и методы современной реформы местного самоуправления, причем способной качественно изменить в лучшую сторону решение вопросов местного значения в нашей стране.

Чем обусловлен революционный характер изменений в системе местного самоуправления? Прежде всего, тем, что в данном случае оптимально выстраивается не только баланс централизации и децентрализации, прав и ответственности применительно к современным условиям, но и баланс интересов ключевых акторов местного самоуправления, к которым можно отнести население, органы местного самоуправления, региональную элиту и федеральный центр. По сути, предлагались вполне естественные и назревшие преобразования, связанные с внедрением современных рыночных отношений в систему местного самоуправления.

Ключевое направление муниципальной реформы, заданной ФЗ № 131, – это формирование реального интереса у местного сообщества к максимальному развитию и использованию всех возможных ресурсов для решения вопросов местного значения. Следует особо подчеркнуть, что главное в реализации этой реформы – формирование системы интересов,

побуждающих население проявлять соответствующую активность. Все остальные рычаги – экономические, финансовые, организационные, социальные и даже кадровые – выступают лишь инструментами в реализации этой задачи.

К сожалению, эта истина пока еще слабо осознается в нашем обществе. Например, широко распространено мнение, что основная проблема состоит в том, что муниципалитетам катастрофически не хватает средств для решения вопросов местного значения. Это действительно так, но это не является главной проблемой, ведь наличие необходимых материально-финансовых ресурсов при отсутствии соответствующей системы интересов не сделает местное самоуправление эффективным. Важнее не столько передача средств, сколько создание системы стимулов и санкций, которые заставят местное сообщество как можно более рационально и эффективно использовать свои возможности. Однако следует подчеркнуть: должны быть реальные стимулы и санкции. Например, стимулом может выступать реальная перспектива за два-три года уйти от дотационности местного бюджета. С другой стороны, в качестве эффективной санкции могла бы выступать угроза муниципального банкротства. Эти стимулы и санкции должны проводиться жестко и последовательно в реальную практику. Если же они носят только гипотетический характер, то не смогут добиться цели роста гражданской активности населения.

Эффективность закона обусловлена не только верным определением содержания реформы, но и правильным выбором средств для ее реализации. Как известно, интересы граждан определяются условиями их существования. Основное содержание закона как раз и было направлено на изменение сложившихся организационных, социальных, экономических условий в системе местного самоуправления, которые объективно формировали интересы, прежде всего, у главы муниципального образования в максимальном использовании местных ресурсов. Система распределения полномочий между муниципальными образованиями, межбюджетные отношения, характер

взаимодействия муниципальных органов с государственными, возможность банкротства муниципального образования (введение временной финансовой администрации) – все это было направлено на то, чтобы способствовать формированию у населения самостоятельного и ответственного подхода к развитию муниципального образования. Этот подход характерен для предпринимательской модели местного самоуправления и реализован в нашей стране, хотя и крайне непрофессионально, еще с начала 1990-х годов. Местное самоуправление в этом смысле оставалось рудиментом советской административной системы.

К позитивным результатам реализации ФЗ № 131 можно отнести формирование развернутой правовой базы, создание стройной системы муниципальных образований, четкое распределение полномочий между различными акторами местного самоуправления, увеличение заинтересованности муниципальных образований в максимальном использовании собственных ресурсов. Однако муниципальная реформа не была реализована в полной мере и не привела к тем результатам, которые потенциально были в ней заложены. Это связано со следующими факторами.

Во-первых, не были созданы реальные возможности для формирования местными сообществами достаточного объема собственных финансово-экономических ресурсов, необходимых для нормального решения вопросов местного значения. Недофинансирование муниципальных бюджетов – одна из наиболее острых проблем, причинами которой являются не только низкий уровень развития ряда муниципальных образований, но и неудачно выстроенные налоговые и бюджетные потоки, а также неоправданные ограничения с точки зрения возможности формирования доходной части бюджета за счет собственной деятельности. Принцип самодостаточности муниципальных образований, заложенный в ФЗ № 131, в данном случае не реализуется в полной мере.

Во-вторых, имеют место организационные проблемы в сфере местного само-

управления. Это, прежде всего, искусственное разделение государственного и муниципального уровней управления, обусловленного ст. 12 Конституции Российской Федерации. В культурно-историческом плане Россия не была готова к введению этой нормы, характерной для англо-саксонской модели местного самоуправления. В результате государство все равно де-факто осуществляет административное управление территориями, а государственный контроль становится даже более жестким, но де-юре переносит ответственность за решение муниципальных проблем на органы местного самоуправления. Попытки упорядочить эту ситуацию посредством общих заявлений или создания межведомственных комиссий мало что дадут. Принципиальное решение данной проблемы возможно через формирование муниципальных образований более высокого уровня, чем районы, то есть на уровне субъекта РФ. Другой путь решения этой проблемы связан с встраиванием местного самоуправления в вертикаль государственной власти. Последний вариант, выполненный в соответствии с принципами континентальной модели местного самоуправления, выглядит сегодня более предпочтительным. Еще одна организационная проблема состоит в отсутствии субординации между муниципальным районом и входящими в его состав поселениями.

Решение проблем обеих групп сегодня крайне актуально, они очевидны, находятся на поверхности. Для главы администрации эти проблемы проявляются в том, что, с одной стороны, нет реальных возможностей для формирования местного бюджета, но при этом растет контроль со стороны проверяющих вышестоящих органов: ведутся постоянные проверки, налагаются штрафы, часто приходится участвовать в административно-судебном производстве, выполнять несвойственные функции без достаточного обеспечения – и все это не помогает, а, скорее, мешает решению вопросов местного значения [2, 25].

И все же, по нашему мнению, данные нерешенные вопросы, с учетом их значимости и остроты, являются вторичными по отношению

к главной проблеме местного самоуправления – формированию интереса у муниципальных образований в максимальном развитии и использовании собственных ресурсов. Иными словами, ни местные власти, ни граждане не заинтересованы в реальном и активном решении вопросов местного значения.

Если муниципальным образованиям в соответствии с ФЗ № 131 реально дали бы свободу (возможность использовать свои ресурсы) и ответственность, то некоторые из них в социально-экономическом отношении обязательно вырвутся вперед, причем, возможно, даже с большим отрывом. Безусловно, каждый муниципалитет имеет разный набор характеристик и разные стартовые возможности: наличие экономического потенциала, удачное географическое расположение, более эффективное руководство, благоприятная внешняя конъюнктура и т.д. Реальная реализация реформы привела бы к определенным издержкам в виде существенной дифференциации муниципальных образований с точки зрения их экономического развития. Но выгод от реализации реформы в виде роста активности населения было бы больше. Однако реформа не была реализована на практике. Принудительное уравнивание в доходах через административное перераспределение средств привело к определенному внешнему эффекту – отсутствию социальных контрастов, а также явных муниципальных аутсайдеров. Однако «издержки» являются более существенными: в их числе отсутствие интереса и у населения, и даже у глав муниципальных образований к максимальной активности в решении местных вопросов. «Много заработаю – отберут, мало заработаю – помогут» – вот кредо современного муниципального иждивенца. В очередной раз цели и задачи реформы были принесены в жертву интересам неконкурентоспособной части общества. Таким образом, причина незавершенности реформы кроется не только в недостаточном понимании реформаторами сути перемен, но и в наличии весьма стойких уравнильно-иждивенческих традиций российского

социума, основанных на принципах общинного сознания и поведения.

Что необходимо сделать для формирования интереса граждан участвовать в решении местных вопросов? Прежде всего, дать возможность муниципальным образованиям самостоятельно зарабатывать средства в бюджет. Для «депрессивных» территорий это, конечно, станет вызовом, но основная часть местных сообществ сможет почувствовать себя реальными и успешными хозяевами на своей территории. Дать возможность муниципальным образованиям стать самодостаточными можно и через предоставление определенных льгот, и через повышение степени их экономической свободы, и через направление ряда налогов в местные бюджеты, и даже через более значительную компенсацию от осуществления муниципальными образованиями отдельных государственных полномочий.

Последовательная реализация принципа баланса свободы и ответственности обязательно приведет к увеличению социально-экономической дифференциации муниципальных образований. Разрыв в уровне доходов – это очень мощный фактор, обеспечивающий сильный, устойчивый и долговременный интерес местных сообществ в активном использовании всех возможных ресурсов для решения вопросов местного значения. Однако для эффективной работы этого фактора необходимо учитывать по меньшей мере следующие обстоятельства.

Во-первых, очень важным с точки зрения управленческих технологий является уровень социально-экономической дифференциации муниципальных образований. В принципе такая дифференциация существует и сейчас, но ее уровень недостаточно высок для того, чтобы граждане сопоставимых муниципальных образований (например, жители соседних сельских поселений) в своей реальной жизни ее ощутили. Это касается, прежде всего, разнообразия и качества оказываемых муниципальных услуг и предоставляемых возможностей – от детского сада до уборки мусора и содержания

кладбища. Разумеется, муниципальным образованием нужно управлять, поскольку значительный уровень дифференциации может привести к деградации населения или к возникновению деструктивных социальных конфликтов, но это естественные риски.

Во-вторых, важен не только уровень разрыва, но и его причины, основания. Причины дифференциации напрямую влияют на характер активности населения. Если одно муниципальное образование выигрывает за счет того, что имеет какие-то особые привилегии со стороны, допустим, региональной власти, то у сравнимых местных сообществ этот разрыв не вызовет формирования интереса к активному использованию собственных ресурсов и участию граждан в решении вопросов местного значения. Другое дело, когда причина разрыва связана с неэффективным использованием собственных ресурсов и возможностей в решении вопросов местного значения.

В-третьих, большую значимость имеет идеологическое обеспечение дифференциации муниципальных образований, правильная подача этой ситуации населению. На семейно-индивидуальном или организационном уровне (в рамках семей, предприятий, организаций) за последние 25 лет люди уже привыкли к социальной и материальной дифференциации и пытаются максимально использовать свои ресурсы для обеспечения если не процветания, то хотя бы выживания. Однако когда речь идет о территориях, то в данном случае срабатывает принцип социальной справедливости как социальной «уравниловки»: «Почему у них есть, а у нас этого нет? Это несправедливо, ведь нарушаются «права и гарантии граждан», страдают дети, семьи, нетрудоспособные и т.п.». Подобная социальная демагогия и стремление уйти от ответственности, оставаясь на позиции социального иждивенчества, по нашему мнению, и не позволили в полной мере реализовать потенциал муниципальной реформы, заложенный в ФЗ № 131. Тем не менее, в настоящее время люди должны понимать, что при сбалансированной системе возможностей

и ответственности иждивенческий подход со стороны дееспособных граждан приведет к относительной деградации и нищете муниципального образования в целом.

Минимизировать эти риски и системно, последовательно сформировать эффективное местное самоуправление может помочь специальный федеральный орган, который был бы ответственен за обеспечение и проведение данной реформы, а также разработку стратегии и дальнейших направлений развития местного самоуправления в стране. К сожалению, Министерство регионального развития РФ упразднено, а возможностей Общероссийского конгресса муниципальных образований здесь явно недостаточно. Необходимо разработать и принять Концепцию развития местного самоуправления в Российской Федерации, в которой следует определить стратегию местного самоуправления, обозначить степень ответственности не только органов местного самоуправления, но и граждан за решение вопросов местного значения, увязать полномочия органов местного самоуправления с его финансовой базой, урегулировать взаимоотношения органов местного самоуправления с органами государственной власти.

Таким образом, огромные созидательные возможности местного самоуправления в Российской Федерации могут и должны быть реализованы в полной мере только самими гражданами при условии системного, последовательного и профессионального подхода к обеспечению их участия в решении вопросов местного значения.

Литература

1. Халиков М.И. Управление и менеджмент: теоретико-методологический анализ: монография / М. И. Халиков. М.: Флинта: Наука, 2013.
2. Халиков М.И. Муниципальная реформа в России: проблемы, достижения, перспективы // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2013. № 2. С. 20–26.

Между централизацией и регионализацией: развитие муниципальной демократии в современной Европе

Э. РЫСАЕВА

Интеграционные процессы в Европе, в результате которых был сформирован Европейский Союз, являются одними из самых значительных событий XX века. В Европейский Союз (ЕС) сегодня входят 28 стран общей численностью населения 500 млн человек и общей территорией около 5 млн кв. км, что соответствует третьему месту в мире по численности населения и седьмому – по территории. Естественно, Европейский Союз был сформирован не сразу. Развитие интеграционных процессов в Европе происходило постепенно, поэтапно и достаточно противоречиво. В своем развитии европейские страны прошли большой путь от торгово-экономического сотрудничества до создания общеевропейского политического интеграционного объединения.

Накопленный Европейским Союзом полувековой успешный опыт евроинтеграции является уникальным и стал объектом пристального теоретического изучения со стороны многих исследователей. На вопрос о том, что представляет собой Европейский Союз как политическая структура, до сих пор нет однозначного ответа. Дискуссионными являются и вопросы, связанные с определением причин и мотивов его образования. Если в 50–60-х гг. XX века интеграция европейских стран была мотивирована в основном желанием сохранить свое лидерство в мире, то в XXI в. сохранение Европейского Союза – это уже необходимость для самих стран – участниц альянса с точки зрения их выживания в глобальной конкуренции. С другой стороны, евроинтеграция пока не является для многих «проблемных» европейских стран (Греция, Испания, Португалия, Ирландия, Исландия) панацеей от финансово-экономического кризиса. Еврокризис продолжается. В связи с этим сохраняется угроза выхода

некоторых стран из зоны евро. И, соответственно, увеличивается число «евро-скептиков». Их достаточно много как среди рядовых граждан ЕС, так и среди политических элит. Сценариев развития Европейского Союза также существует множество. Если ЕС сможет преодолеть социально-экономические и политические вызовы и угрозы современности, то будет способен обеспечить свое лидерство в новом глобализирующемся мире. Можно даже сказать, что от успешности проекта ЕС зависит не только будущее Европы, но и всего мира.

В процессах европейской интеграции на всех ее этапах активное участие принимала Германия. Для Европейского экономического сообщества ФРГ всегда служила «локомотивом» в сфере экономики, способствующему более тесному наднациональному сотрудничеству во всех направлениях. Эта страна стояла у истоков объединения отдельных отраслей промышленности западноевропейских стран, активно участвовала в создании единого рынка, а затем экономического и валютного союза, выступила инициатором проведения согласованной внешней политики европейских государств. В результате объединения Германии коренным образом изменилась ее роль в Европе и в мире, как в двусторонних, так и в многосторонних отношениях с другими странами, в том числе с партнерами по Евросоюзу. Можно с уверенностью сказать, что от позиции Германии зависит сегодня будущее проекта ЕС.

Стратегия развития местного самоуправления в Европейском Союзе в целом и в ФРГ в частности зависит от степени и глубины евроинтеграционных процессов и их изменений. Местное самоуправление в европейских странах переживает в настоящее время кардинальные перемены [2, 40]. Вследствие масштабных

изменений, таких как глобализация мировой экономики, переход к информационному обществу, изменение факторов международной конкуренции, усиление миграционных процессов, вопросы дальнейшего развития муниципальной демократии в европейских странах требуют углубленной теоретической проработки с целью ее практической адаптации к этим изменениям. Изменения технологического, демографического и социально-экономического характера ведут к фундаментальной переоценке всех сторон жизни в муниципальных образованиях, которые открывают перед ними как новые возможности, так и новые риски. На какие стороны местного самоуправления сегодня оказывается наибольшее влияние в европейских странах в связи с развитием европейской интеграции?

В первую очередь, это касается стиля жизни местных сообществ и характера оседлости граждан – членов этих сообществ, которые являются важными для их участия в осуществлении местного самоуправления и оценки ими роли муниципальной демократии как основополагающего фактора в реализации субсидиарного принципа социального управления. Если раньше для большинства европейских граждан развитие местного сообщества и участие их в этом процессе рассматривалось как жизненно важное обстоятельство, то сейчас, в связи с ускорением миграционных процессов как извне, так и внутри самого ЕС, ослаблением общинно-коммунальных отношений и передачей частей функций социального управления наднациональным институтам Евросоюза, актуальность муниципальной демократии несколько снижается. В этих условиях факторы глобального «выживания» оказываются более важными, чем конкуренция между регионами и городами.

Во-вторых, в Европе на место прежней системы городского управления, с характерной для европейских городов автономии, приходит европейская система регионального развития. Формальное признание субсидиарных принципов Маастрихтским договором означает подтверждение политической тенденции к децентрализации власти на всем континенте.

Вопрос о политической децентрализации внутри каждой европейской страны сегодня рассматривается больше с позиции автономии и самостоятельности внутри ЕС. Данная тенденция наблюдается и в плане формирования и работы наднациональных институтов ЕС, так и в борьбе «евроскептиков» и «еврооптимистов» в самих национальных государствах. «Европа регионов» – понятие, возникшее вследствие развития интеграционных процессов в современной Европе. Субъектами этого процесса являются субнациональные регионы (департаменты во Франции, области в Италии, графства в Великобритании, земли в Германии, фюльке в Норвегии, кантоны в Швейцарии и др.), участвующие в «трансграничном» сотрудничестве. Субъектность этих регионов выражается в росте их самостоятельности и самоуправления. Таким образом, на современном этапе в Европейском Союзе формируется пространство, в пределах которого «субнациональные» и «трансграничные» регионы приобретают большую роль и значение. Новый импульс этому процессу дала «Европейская (Мадридская) рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве территориальных образований и их властных органов» (1989 г.). В 1988 и 1991 годах Европейский парламент принял две хартии – «Хартию Сообщества по проблемам регионализации» и «Хартию регионов Сообщества». Стратегия Евросоюза направлена на обеспечение реализации общеевропейских целей и развития межрегионального трансграничного сотрудничества при сохранении существенных различий между муниципальными образованияами европейских стран.

Другой задачей Евросоюза в этой связи является развитие прямых связей региональных институтов с местными властями в обход негибких национальных бюрократических государственных структур. Сторонники теории «Европы регионов» будущее ЕС видят не в федерализации, а регионализации, признав за регионами правомочия для того, чтобы они могли выступать самостоятельными акторами европейской интеграции и радикальной демократизации европейских отношений. Однако в современной Европе существует и

другая точка зрения, связанная с развитием традиционного федералистского взгляда на европейское строительство с сохранением центральной роли национальных государств. При этом в качестве примера сторонники данной точки зрения часто ссылаются на Основной закон ФРГ (ст. 72), в соответствии с которым федеральное правительство обеспечивает сохранение политического и экономического единства страны и равенства условий жизни граждан независимо от территориальных границ федеральных земель. Во всяком случае на сегодняшний день во многих европейских странах попытки уменьшить влияние центральной государственной власти на региональном уровне и приблизить институт власти к народу пока не привели к успеху. Напротив, пока можно наблюдать иные тенденции, связанные с чрезмерным расширением местного бюрократического аппарата и ростом централизации, сепаратизма и национализма, что не способствует реальному развитию муниципальной демократии.

В современной Европе необходимо разработать систему нового равновесия между наднациональными, государственными, региональными и местными институтами власти с сохранением принципов субсидиарности, партнерства и гибкого финансирования в сфере разграничения полномочий между ними. Пока деятельность органов местного самоуправления в каждой отдельно взятой европейской стране регулируется в соответствии с национальным законодательством и в недостаточной мере адаптировано к современным реалиям европейской интеграции и межрегионального сотрудничества.

В-третьих, в условиях доминирования информационной экономики факторы местоположения производственных мощностей и сектора услуг не являются столь важными, как раньше. Во всем мире сегодня крупные города и столичные регионы становятся центрами концентрации ведущих отраслей развития экономики. Интернационализация экономики ослабляет экономическую власть и управленческие возможности как местных коммун, так и центральных правительств. И в этой связи

уменьшается значимость социально-экономического фактора в развитии периферии и роль муниципальной демократии как мотивационной основы экономического развития местного сообщества. На местах направление муниципально-частного партнерства все больше смещается в сторону частно-муниципального сотрудничества. Если экономическая составляющая местного сообщества перестает быть жизненно важной для местных граждан, то, естественно, возникает вопрос, в какой степени и в рамках каких институций они должны участвовать в процессе принятия муниципальных решений [1]. Основная проблема во многих европейских странах заключается в том, чтобы найти стимулы для организации и осуществления сотрудничества граждан при решении вопросов местного значения.

В-четвертых, в европейских странах сегодня можно выделить три модели развития местного самоуправления: англо-саксонскую, континентальную и смешанную. Они отличаются между собой степенью самостоятельности и автономии органов местного самоуправления, характером вмешательства государства в осуществление местного самоуправления и содержанием принципов нормативно-правового регулирования местного самоуправления, а также форматом социально-экономической и финансовой самостоятельности местных сообществ [4].

В странах, где функционировала англо-саксонская модель развития местного самоуправления, местные и совместно используемые с государством налоги являлись важным источником регионального и местного дохода. А это, в свою очередь, приводило к увеличению объемов «местных» финансов за счет собственных доходных источников и обуславливало повышение эффективности и укрепление демократической базы местных властей. В ФРГ реализовалась смешанная модель местного самоуправления.

Интеграция европейской жизни приводит к формированию некой универсальной (общеевропейской) модели местного самоуправления с учетом тех глобальных изменений, которые произошли в последние десятилетия.

Некоторые исследователи отмечают, что в единой Европе коммунальная деятельность приобретает все большее значение в связи с тем, что национальные государства теряют свою значимость и передают коммунальному выполнению тех своих задач, которые требуют особо высоких издержек. Если согласиться с этим утверждением, то однозначно речь идет о развитии кооперации, сотрудничества и демократии на коммунальном уровне как основы муниципальной экономики. Это прямой путь к дальнейшему развитию в Евросоюзе англосаксонской модели местного самоуправления.

Однако пока рано говорить об этой тенденции как о преобладающей. Развитие этой тенденции зависит от того, в каком направлении пойдет развитие ЕС, а также от баланса власти внутри него. На сегодня в европейских странах есть существенные различия в полномочиях между уровнями национального, регионального и местного управления, несмотря на то, что в ЕС интегрирующую роль играет Европейская хартия о местном самоуправлении, принятая Советом Европы 15 октября 1985 года, которая содержит в себе общеевропейские стандарты и базовые принципы организации демократической системы местного самоуправления. С 1988 г. подписание Хартии является условием вступления в Совет Европы. Формирование и развитие ЕС требует адаптации этих принципов к современным условиям европейской интеграции и приведения законов стран – членов ЕС в соответствии с основными положениями Хартии. Необходимо отметить, что в основу Европейской хартии местного самоуправления положен классический принцип субсидиарности, согласно которому политическая власть может вмешиваться в общественные дела только в том случае, если само общество и власть на местах не справляются с задачами управления. Тем самым подчеркивается роль институтов местного самоуправления в системе демократических ценностей как основы демократического устройства государства.

Главная задача местного самоуправления – это формирование «отзывчивой» к нуждам граждан системы управления [3, 11–19]. Важную роль в развитии европейских стандартов местного самоуправления играют также

Европейская декларация прав городов и Европейская хартия городов (1992 г.). Сегодня в ЕС разрабатывается Европейская хартия регионального самоуправления, которая должна дать новый импульс развитию самоуправления на всех уровнях административно-территориального деления во всех государствах – членах Совета Европы.

В целом следует отметить, что в современной Европе продолжается работа по обеспечению правовых и других условий для эффективной адаптации системы местного самоуправления к современным реалиям европейской интеграции. По мере дальнейшего развития Евросоюза можно ожидать сокращение властных полномочий у национальных правительств в пользу наднациональных общеевропейских институтов власти. Не произойдет ли при этом перекося в сторону централизации и бюрократизации общеевропейской системы управления, сохранится ли в полном объеме принцип субсидиарности между всеми уровнями управления, не станут ли местные органы самоуправления жертвами этого процесса перераспределения власти в рамках многосторонних отношений между различными институциональными структурами публичной власти? Все эти вопросы открыты для дальнейших дискуссий.

Литература

1. Газизова Л.И. К вопросу о разграничении понятий «муниципальная власть» и «местное самоуправление» // Власть. 2015. № 6. С. 129–133.
2. Рысаев И.Ш. Зарубежный опыт муниципального управления в современных условиях // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2005. № 1. С. 40–44.
3. Рысаев И.Ш., Хабибрахманова Э.Х. Местное самоуправление в России: «хотели как лучше», а что получилось? // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2013. № 2. С. 11–19.
4. Рысаев И.Ш., Хабибрахманова Э.Х. Участие социальных субъектов в принятии решений как основа преодоления социально-управленческого отчуждения в местном самоуправлении // Власть. 2010. № 8. С. 68–71.

Электоральные процессы в Оренбургской области на локальном уровне: динамика явки и социально-политической репрезентации

М. СОЛОДКАЯ

К 2015 г. в правилах утверждения главы города Оренбург прошли очередные изменения. Если ранее его избирали посредством прямых и всенародных выборов, то в 2010 г. выборы прошли косвенным путем из числа депутатов городского Совета. В 2015 г. от избирательных процедур было решено отказаться и утверждение главы города прошло с помощью процедуры назначения. О данном факте можно говорить как об определенном итоге двадцатилетнего пути развития российских муниципальных выборов.

Целью данной статьи является изучение электоральных процессов на локальном уровне в отдельном субъекте Российской Федерации – Оренбургской области. Исследование основано на анализе результатов выборов в представительный орган местного самоуправления. Выборы в местные Советы являются той «лакмусовой бумагой», которая во многом помогает определить уровень развития муниципальной демократии. В качестве критериев оценки этого развития выступают следующие:

- 1) явка избирателей на выборы;
- 2) репрезентация интересов различных групп населения (через персональный состав представительного органа);
- 3) представительство политических партий в местном парламенте.

Функции представительного органа городского самоуправления в г. Оренбурге со 2 декабря 1994 г. по 2 сентября 1996 г. осуществляла Оренбургская городская Дума, а с 26 сентября 1996 г. по настоящее время – Оренбургский городской Совет.

Анализ явки на выборах в представительный орган местного самоуправления г. Оренбург. Особенностью выборов депутатов Оренбургской Городской Думы, прошедших 20 марта 1994 г., явилось то, что эти выборы проводились одновременно с выборами в Законодательное Собрание Оренбургской области. Отметим, что такое совмещение выборов в местный и региональный парламент за все время проведения выборов в представительный орган местного самоуправления в Оренбурге было лишь один раз.

Проведение одновременных выборов в представительный орган местного самоуправления и в региональный парламент, по мнению большинства политологов, способствует увеличению явки избирателей. В этой связи, согласно результатам социологических опросов, явка на выборы в целом по области ожидалась на уровне 55 % избирателей [12]. Оптимистические прогнозы не оправдались. В целом по области в выборах приняли участие 37 % зарегистрированных избирателей.

В 11 из 47 округов выборы не состоялись, так как не был преодолен 25-процентный порог явки. Из 11 таких округов 8 находились в областном центре (всего в Оренбурге было 13 округов). То есть только в 5 округах в городе Оренбурге из 13 явка превысила рубеж в 25 %. Среди причин низкой активности избирателей назывались следующие: падение уровня доверия населения к органам власти, высокая социальная напряженность, ухудшение материального положения большинства населения, резкое повышение цен

на жилье прямо перед выборами, длительные задержки в выплате пенсий и зарплаты.

В 1995 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Этот закон обусловил изменения в структуре органов местного самоуправления и в их наименованиях. В соответствии с Уставом г. Оренбурга, принятым решением Оренбургской Городской Думы от 21 марта 1996 г., представительным органом городского самоуправления в г. Оренбурге стал Оренбургский городской Совет. Совет состоял из 13 депутатов (по числу избирательных округов в г. Оренбурге на тот момент) и главы города.

8 сентября 1996 г. состоялись выборы депутатов Горсовета и главы г. Оренбурга. Явка избирателей тогда составила 26,87 % [2].

Следующие выборы в Горсовет Оренбурга состоялись 10 сентября 2000 г., когда одновременно избирались депутаты Горсовета и глава г. Оренбурга. Явка на выборах в целом по Оренбургу составила 32,00 % избирателей. Во всех 13 избирательных округах на территории г. Оренбурга выборы были признаны состоявшимися. Минимальная явка зафиксирована на избирательном участке № 9 – 28,44 %, максимальная явка на участке № 7 – 36,6 % избирателей [6].

На выборах депутатов Горсовета и главы города Оренбурга 5 сентября 2004 г. проголосовали 35,56 % от общего числа внесенных в списки избирателей. Выборы депутатов городского Совета в Оренбурге не состоялись на двух избирательных участках – № 4 и № 37. Там число голосов, отданных против всех, превысило число голосов, отданных за кандидатов [14].

Примерно на такую же явку – на уровне 40 % – рассчитывал председатель Избиркома

Оренбурга на выборах в Оренбургский Горсовет в 2010 г. [5]. Однако явка избирателей на выборах депутатов Горсовета в Оренбурге в 2010 г. была гораздо меньше прогнозируемой и составила 30,69 %. Многие политологи связывали такую низкую явку с тем, что в 2010 г. жители Оренбурга не выбирали главу города прямым голосованием, что значительно снизило интерес к выборам у населения. Именно поэтому, стремясь обеспечить легитимность местной власти, многие политологи предлагают вернуть жителям российских городов право избирать главу города прямым голосованием.

13 сентября 2015 г. явка избирателей на выборах депутатов Оренбургского городского Совета составила 25,59 % [10]. Как видно из представленных в таблицах 1 и 2 данных, самая высокая явка на выборах в представительный орган местного самоуправления и в областном центре городе Оренбурге, и в г. Бузулуке наблюдалась в 2000 и 2004 (в Бузулуке, соответственно, в 2005) годах, когда выборы депутатов проходили одновременно с выборами главы города.

С 2010 г., когда прямые выборы глав городов были отменены, и в Оренбурге, и в Бузулуке наблюдается падение явки. В Оренбурге на фоне традиционно невысокой явки на муниципальных выборах (с 1994 года она никогда не превышала 36 %) снижение данного показателя не выглядит значительным – на каждых выборах явка избирателей по сравнению с предыдущими выборами падала примерно на 5 %.

Совершенно другая картина с явкой наблюдается в Бузулуке – там произошло катастрофическое падение явки – на 23 % в 2010 г. и еще на 12 % в 2015 г. Таким образом, с отменой прямых выборов главы города явка в Бузулуке падает с 53 % до 18,4 %, то есть почти в 3 раза.

Таблица 1

Явка избирателей на муниципальных выборах в Оренбурге

	1994	1996	2000	2004	2010	2015
Тип выборов	Городская Дума + Законодательное Собрание	Горсовет + глава города	Горсовет + глава города	Горсовет + глава города	Горсовет	Горсовет
Явка (в %)	менее 25	26,87	32,00	35,56	30,69	25,59

Таблица 2

Явка избирателей на муниципальных выборах в Бузулуке

	1995	2000	2005	2010	2015
Тип выборов	Горсовет	Горсовет + глава города	Горсовет + глава города	Горсовет	Горсовет
Явка (в %)	49	51	53	30,06	18,4

Репрезентация интересов различных социальных групп и партийного представительства в Оренбургском городском Совете. Как уже было отмечено, в 1994 г. выборы в Городскую Думу Оренбурга проходили одновременно с выборами в Законодательное Собрание области. Поэтому кандидаты в Городскую Думу Оренбурга одновременно баллотировались и в Законодательное Собрание области. Выборы не носили партийного характера. Однако в ходе кампании были зарегистрированы избирательные объединения 14 общественных организаций, региональных партий и движений. Основной партийно-политический тон задавал блок «Против нищеты, коррупции и безработицы», который объединил региональные отделения КПРФ, РКРП, «Аграрной партии России», «Аграрного союза», областное объединение избирателей «За социальную справедливость». Этот блок выдвинул кандидатов на все 13 мест в Горсовете [8].

Выборы состоялись 20 марта 1994 г. Ввиду незначительной явки выборы на некоторых избирательных округах в г. Оренбурге были

признаны несостоявшимися (поскольку число проголосовавших было меньше «порога явки» – 25 % избирателей). Повторные выборы в этих округах состоялись 26 июня 1994 г.

Особенностью этой избирательной кампании являлось то, что в выборах в г. Оренбурге принимала активное участие молодежь. От молодежного избирательного объединения «Преодоление» на повторных выборах было выдвинуто 7 кандидатов в областное Законодательное Собрание и Городскую Думу. Правда, ни один из них не стал депутатом Оренбургской городской Думы и Законодательного Собрания Оренбургской области в 1994 г.

В 1996 г. выборы в Оренбургский Городской Совет проводились по мажоритарной системе в 13 избирательных одномандатных округах. В 11 избирательных округах выборы состоялись. По двум одномандатным избирательным округам – № 2 и № 5 – были назначены повторные выборы.

В таблице 3 представлено распределение депутатов Горсовета г. Оренбург 1996 г. избрания по их социальному статусу.

Таблица 3

Социальный статус депутатов Горсовета г. Оренбурга 1996 года избрания

№ п/п	Социальный статус	Количество (чел.)	Доля (в %)
1	Главврач, врач	4	36,36
2	Директор, заместитель директора	2	18,18
3	Политик	2	18,18
4	Директор школы	1	9,09
5	Чиновник	1	9,09
6	Аграрий	1	9,09
	Итого	11	

Как видно из представленных данных, свыше трети членов Горсовета в 1996 г. были главврачами и врачами. Это объяснялось тем, что главврачей избиратели ассоциировали не с «начальниками» (руководителями, директорами),

степень доверия к которым у населения в то время была достаточно низкой, а с гуманной профессией врача – «доктору» доверяли в большей степени, чем представителям других профессий.

Выборы в Горсовет Оренбурга в 2000 г. проходили одновременно с выборами главы города. В разгар предвыборной борьбы казалось, что новый Горсовет, в отличие от предыдущего, будет принципиальным и независимым от мэра.

На деле этого не произошло. Распределение депутатов Горсовета г. Оренбург 2000 г. избрания по их социальному статусу представлено в таблице 4.

Таблица 4

Социальный статус депутатов Горсовета Оренбурга 2000 года избрания

№ п/п	Социальный статус	Количество (чел.)	Доля (в %)
1	Главврач, врач	6	46,15
2	Предприниматели	4	30,77
3	Политик	1	7,69
4	Директор школы	1	7,69
5	Директор, нач. цеха	1	7,69
	Итого	13	

В 2000 г. усугубилась тенденция, согласно которой выбирать в органы представительной власти Оренбурга выбирались руководители учреждений здравоохранения (главврачи). В новом составе представительного органа их стало почти 50 %. Вместе с тем наблюдается новая тенденция – второй по численности профессиональной группой в Оренбургском Горсовете становятся представители бизнеса. Причем все они достаточно молодые, из числа так называемых «комсомольцев». Они достаточно активно взаимодействовали между собой в ходе избирательной кампании и во многом способствовали победе Ю. Мищерякова [9]. В составе Горсовета традиционно присутствует директор школы и представитель Оренбургского машиностроительного завода (от округа с компактным проживанием рабочих этого предприятия).

Значительное влияние на структуру партийного представительства в Оренбургском Горсовете сыграло принятие в 2001 г. Федерального закона «О политических партиях». Закон предоставлял политическим партиям исключительное право на участие в выборах и установил обязательное участие в выборах как условие поддержания их правового статуса. Политические партии могли быть сформированы только в статусе общероссийских организаций, что исключало из участия в местных выборах региональных и межрегиональных избирательных объединений. Партии должны были иметь разветвленную региональную структуру, что

исключало из избирательного процесса так называемые «диванные» партии и партии «Садового кольца».

В 2002 г. были приняты новые нормы российского избирательного законодательства, направленные на повышение реального влияния политических партий на региональном уровне, когда не менее половины депутатских мандатов в региональном парламенте должны были распределяться пропорционально голосам, отданным избирателями за партийные списки кандидатов.

Естественно, это привело к тому, что уже на состоявшихся в 2004 г. выборах в Городской Совет Оренбурга «партийная» составляющая избирательных кампаний кандидатов по одномандатным округам начала играть роль, правда, пока весьма слабую. В 2004 году в 3 раза было увеличено количество мест в Горсовете Оренбурга – их стало 39. Фактически старые избирательные округа «раскроили» на 3 части.

В выборах в Горсовет Оренбурга в 2004 г. принимали участие 5 избирательных объединений – 4 политические партии и 1 политическое движение: Всероссийская партия «Единство» и «Отечество» – Единая Россия; «Либерально-демократическая партия России»; Общероссийское политическое движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки»; политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»; политическая партия «Родина» [17].

Таблица 5

**Представительство политических партий и движений
в городском Совете г. Оренбурга в 2004 году**

Избирательное объединение	Зарегистриро- вано канди- датов	Избрано депутатов	Процент избираемости	Доля в Горсовете
«Единство» и «Отечество» – Единая Россия	17	12	70,6	32,4
ЛДПР	10	–	0	0
КПРФ	18	1	5,5	2,7
«Родина»	1	–	0	0
Движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки»	1	–	0	0
Самовыдвижение	147	24	16,32	64,9
Итого	204	37		100

Из 5 избирательных объединений, участвовавших в избирательной кампании, только 2 («Единство» и «Отечество» – Единая Россия и КПРФ) смогли «провести» своих кандидатов в депутаты Горсовета. При этом КПРФ смогла провести в Горсовет Оренбурга только одного кандидата. Избирательное объединение «Единство» и «Отечество» – Единая Россия продемонстрировало крайне высокую степень избираемости своих кандидатов – 70,6 % (см. табл. 5).

В Горсовете Оренбурга 2004 года 2/3 составляли формально самовыдвиженцы, 1/3 депутатских мандатов принадлежала «Единой России». Однако подавляющее большинство самовыдвиженцев на деле были проводниками политики «Единой России», и многие со временем оформили свое формальное членство в ней.

С 2004 г. роль политических партий в избирательных кампаниях в Городской Совет Оренбурга стала существенно более значимой,

нежели все предыдущие. Однако до 2010 года говорить о серьезной «партизации» избирательного процесса в Оренбурге нельзя. До этого времени кандидаты, формально состоящие в партии, чаще шли на выборы либо от группы избирателей, либо как самовыдвиженцы.

Можно утверждать, что состав Горсовета Оренбурга 2004 г. коренным образом изменился – почти на 3/4 он стал состоять из директоров различных бизнес-структур (см. табл. 6). Численность главврачей сохранилась и в новом составе Горсовета, но их доля в общем составе существенно уменьшилась. Главврачи и врачи по-прежнему пользовались доверием со стороны электората, но в местный орган представительной власти усиленно пошел бизнес. Можно считать, что именно в 2004 г. укоренилась эта тенденция. Практически весь спектр бизнеса в Оренбурге был представлен в Горсовете 2004 г.

Таблица 6

Социальный статус депутатов Горсовета Оренбурга 2004 года избрания

№ п/п	Социальный статус	Количество (чел.)	Доля (в %)	Изменение доли
1	Главврач, врач	6	16,21	–29,94
2	Предприниматели-директора	27	72,97	+ 42,2
3	Политик	2	5,40	- 2,29
4	Директор школы	0	0	– 7,69
5	Чиновник	1	2,71	+ 2,71
5	Военный преподаватель	1	2,71	+ 2,71
	Итого	37	100	

Такое мощное присутствие руководителей бизнес-структур в представительном органе муниципальной власти в городе Оренбурге говорит о сильном влиянии финансового и административного ресурсов на итоги выборов. Но в этой тенденции есть и другая составляющая – успешность бизнеса во многих сферах на территории Оренбурга существенно определяется его «встроенностью» в систему местной власти.

В 2010 г. на выборах в Оренбургский городской Совет впервые была применена смешанная (мажоритарно-пропорциональная) система: 19 депутатов избирались по одномандатным округам и 20 депутатов избирались по единому избирательному округу, где места распределялись пропорционально голосам, отданным избирателями за партийные списки.

За места в Горсовете областного центра по одномандатным округам собирались бороться 6 политических партий: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Патриоты России», «Держава». Однако их число уже на старте избирательной кампании сократилось до 5, поскольку в регистрации было отказано всем кандидатам-одномандатникам, выдвинутым партией «Держава». Кроме того, Избирком отказал в регистрации 57 % кандидатам-самовыдвиженцам.

На муниципальных выборах 2010 г. в Оренбурге формируется тенденция использования приема «отказ в регистрации» по техническим причинам для «неудобных» кандидатов-самовыдвиженцев и выдвиженцев от КПРФ.

По г. Оренбургу «Единая Россия» выдвинула всего 62 кандидата, в том числе по спискам – 43 кандидата. Партия «Справедливая Россия» всего выдвинула 40 кандидатов, но не выдвинула своих кандидатов по 6 одномандатным округам. КПРФ выдвинула всего 37 кандидатов и поддержала одного самовыдвиженца. ЛДПР выдвинула всего 27 кандидатов, при этом не закрыла 6 одномандатных округов. Партия «Патриоты России» выдвинула всего 23 кандидата, но по одномандатным округам только 3 кандидата. По 15 из 19 одномандатных округов в порядке самовыдвижения выдвинулись 35 кандидатов. Итак, всего на 19 одномандатных округах были выдвинуты 68 кандидатов, то есть почти по 4 кандидата на

один мандат. На 20 партийных мандатов претендовало 126 кандидатов, то есть «конкурс» на каждое депутатское кресло составил примерно 6,3 кандидата на место [11].

Депутатами Оренбургского городского Совета по единому избирательному округу стали представители региональных отделений 5 политических партий; 10 представителей политической партии «Единая Россия»; 3 представителя КПРФ; 3 представителя политической партии «Справедливая Россия»; 2 представителя ЛДПР; 2 представителя политической партии «Патриоты России». Все 19 мест по одномандатным избирательным округам в Оренбургском городском Совете получили представители партии «Единая Россия» [5]. Представительство оппозиционных партий в Оренбургском городском Совете составило 25,64 % мест. Соответственно, 74,36 % мест контролировала партия «Единая Россия».

Представительство оппозиционных партий в Горсовете Оренбурга по сравнению с прошлым составом Горсовета увеличилось в основном за счет голосов, отданных за партийные списки. В одномандатных округах смогли победить только кандидаты от «Единой России». В этом существенное отличие избирательной кампании 2010 г. от предыдущей, когда большая часть победивших кандидатов была самовыдвиженцами, не афишировавшими свою партийную принадлежность и партийные предпочтения.

В новый состав Горсовета Оренбурга третьего созыва по одномандатным округам были выбраны практически единогласно представители «директорского корпуса». Никакие другие профессиональные и социальные позиции – даже некогда «крайне популярные» главврачи – не представлены в новом составе Оренбургского Горсовета среди одномандатников (см. табл. 7). Тенденция к представленности в Оренбургском Горсовете преимущественно интересов бизнеса, которая начала проявляться с 2004 г., укоренилась окончательно. Свои интересы в Горсовете Оренбурга наиболее массово отстаивали представители стройиндустрии (6 человек), «Газпрома» (2 человека), «Оренбургоблгаза» (2 человека).

Таблица 7

**Социальный статус депутатов Горсовета Оренбурга
по одномандатным округам 2010 года избрания**

№ п/п	Социальный статус	Количество (чел.)	Доля (в %)	Изменение доли
1	Главврач, врач	0	0	– 16,21
2	Руководители бизнес-структур	18	94,7472,97	+ 21,77
3	Политик	1	5,26	– 0,24
4	Директор школы	0	0	0
5	Чиновник	0	0	– 2,71
6	(Военный) преподаватель	0	0	– 2,71
	Итого	19	100	

Тенденция к «сращиванию» партийного и хозяйственного аппарата, которое было характерно для Советского Союза, в полной мере проявляется и при выборах в Оренбургский Горсовет начиная с 2004 г. Представители других социальных слоев, помимо бизнеса, практически не имеют представителей своих интересов в Горсовете.

В сентябре 2015 г. выборы депутатов Оренбургского городского Совета прошли по 20 одномандатным избирательным округам (в Южном округе к девяти ранее существовавшим добавился десятый – в Ленинском районе.

По данным на 1 января 2015 г., по сравнению с 2010 г. численность избирателей в Южном округе увеличилась на 12 286, а в Северном – на 1 135 избирателей [7]).

Своих кандидатов для борьбы за депутатские мандаты в одномандатных округах первоначально выставили 11 партий. Однако у трех партий («Коммунисты России», «Воля», «Родная партия») не было зарегистрировано ни одного кандидата. Дальнейшую борьбу за депутатские мандаты в одномандатных округах продолжили 8 политических партий (см. табл. 8).

Таблица 8

**Количество выдвинутых и зарегистрированных кандидатов
в депутаты городского Совета Оренбурга в 2015 году**

№ п.п.	Политическая партия	Выдвинуто кандидатов- одномандатн.	Зарегистрир. кандидатов- одномандатн.	Выдвинуто кандидатов- единый округ.	Зарегистрир. кандидатов- единый округ.
1	«Единая Россия»	20	20	43	43
2	КПРФ	20	19	58	55
3	ЛДПР	19	19	53	53
4	«Справедливая Россия»	20	18	41	39
5	«Патриоты России»	5	4	43	40
6	«Коммунисты России»	8	0	30	0
7	«Гражданская платформа»	7	2	27	0
8	«Родина»	20	3	43	41
9	«Воля»	1	0	0	0
10	«Защитники Отечества»	19	2	44	0
11	«Родная партия»	1	0	0	0
	Самовыдвижение	51	19	–	–
	ВСЕГО	191	106	382	271

Существенные потери на этапе регистрации кандидатов понесли партии «Защитники Отечества» (не зарегистрировано 89 % кандидатов), «Родина» (не зарегистрировано 85 % кандидатов), «Гражданская платформа» (не заре-

гистрировано 71 % кандидатов), а также самовыдвиженцы. Число зарегистрированных кандидатов-самовыдвиженцев сократилось почти в 3 раза – их зарегистрировано только 37 % от общего числа подавших заявления. Оренбург

вошел в пятерку административных центров – субъектов РФ с самой высокой долей отсева кандидатов-самовыдвиженцев на стадии регистрации в представительные органы местного самоуправления в сентябре 2015 г. из 22 регионов, в которых проходили выборы (Оренбургская область – 63 % отсева, Ульяновская область – 63 %, Магаданская область – 67 %, Республика Чувашия – 73 %, Тамбовская область – 89 %) [15].

Списки кандидатов на выборы по единому избирательному округу в Горсовет Оренбурга представили 9 партий. Трем партиям – «Коммунисты России», «Гражданская платформа», «Защитники Отечества» – было отказано в регистрации списков. Поэтому за голоса избирателей вели борьбу только 6 партий, у которых были зарегистрированы партийные списки.

Только 2 партии («Единая Россия» и ЛДПР) полностью сохранили своих кандидатов в партийных списках. Подобное наблюдалось и при регистрации кандидатов по одномандатным округам. Остальные партии потеряли в списках по 2–3 кандидата.

В сентябре 2015 года в Оренбургский городской Совет по 20 одномандатным избирательным округам избраны 18 представителей, выдвинутых партией «Единая Россия», и 2 самовыдвиженца – И. Абдульманов (округ № 2), А. Поляков (округ № 10) [13], оба являются членами партии «Единая Россия».

Ситуация по этим двум одномандатным округам, по мнению многих экспертов, выглядела более чем странной. По результатам праймериз действующий на то время депутат Горсовета Е. Кулагин вошел в топ-25, как и И. Абдульманов (1109 голосов, 21 место). А. Поляков с 867 голосами занял 30 место, А. Беляк набрал всего 192 голоса и не вошел даже в число первых 70 по количеству отданных за него голосов участников праймериз [4]. Но в списке кандидатов по одномандатным округам от партии «Единая Россия» были заявлены А. Беляк (округ № 2) и Е. Кулагин (округ № 10). Поэтому единороссы И. Абдульманов и А. Поляков вынуждены были выставлять свои кандидатуры не от «родной» партии, а как самовыдвиженцы.

По сути, руководство регионального отделения партии «Единая Россия» одобрило борьбу за место в Горсовете между двумя единороссами.

Заметим, что летом 2015 года в различных регионах России имели место скандалы, связанные с итогами праймериз. Один из самых известных – скандал в Самарской области, который потребовал вмешательства федерального руководства «Единой России» [18]. Лидеру самарского регионального отделения партии «Единая Россия» А. Фетисову было вынесено предупреждение.

За нарушение норм внутрипартийной демократии в Оренбургском региональном отделении «Единой России» никто взысканий не понес. Возможно потому, что ситуацию не доводили до скандальной, а просто дали двум кандидатам победить однопартийцев за счет собственного ресурса. И. Абдульманов, как и предполагалось, без проблем превзошел А. Беляка: 56,61 % голосов против 18,14 %. Между депутатом предыдущего созыва Горсовета Оренбурга по избирательному округу № 10 Е. Кулагиным и депутатом Горсовета с 2004 по 2010 гг. по этому округу А. Поляковым развернулась достаточно серьезная борьба. В итоге победил А. Поляков, набравший 41,31 % голосов, Е. Кулагин получил 35,12 % голосов, уступив А. Полякову 408 голосов [16]. Е. Кулагин попал в состав Горсовета во многом благодаря поддержке братьев Петровых, поскольку с июня 2005 г. он возглавлял бетоносмесительный завод, являющийся структурным подразделением группы компаний «Лист». Лишившись столь мощной поддержки, Е. Кулагин не смог победить А. Полякова на территории, которая давно рассматривается А. Поляковым как «своя» (он баллотировался в депутаты Законодательного Собрания от этого округа еще в 2002 году).

Отметим, что острая борьба за места в Горсовете Оренбурга в одномандатных округах развернулась только в избирательном округе № 10, где отрыв победителя от кандидата, ставшего вторым по числу набранных голосов избирателей, составил всего 6,19 % голосов. Во всех остальных избирательных округах отрыв победителей от занявших второе место составлял

свыше 30 %. Отрыв победителя на более чем 50 % был зафиксирован в 7 избирательных округах.

Это подтверждает вывод о том, что оппозиционным партиям и самовыдвиженцам не удастся подобрать в одномандатные округа конкурентоспособных кандидатов. Даже действующий депутат Госдумы от ЛДПР М. Щепинов на участке № 14 набрал всего 6,03 % голосов. Кандидат в губернаторы Оренбургской области в 2014 г., лидер регионального отделения партии «Гражданская платформа» Т. Титова набрала 14,74 % голосов.

Свое участие в выборах в Оренбургский Горсовет по единому избирательному округу подтвердили 6 политических партий, чьи списки зарегистрированы избирательной комиссией г. Оренбурга. У КПРФ зарегистрировано 58 кандидатов, у ЛДПР – 53, у «Единой России» – 43, у «Патриотов России» – 43, у «Родины» – 43, у «Справедливой России» – 41 кандидат [15].

По единому избирательному округу (пропорциональная система) политическая партия «Единая Россия» набрала 59,67 %, Оренбургское областное отделение КПРФ – 12,48 %, местное отделение партии «Справедливая Россия» в г. Оренбурге – 10,1 %, Оренбургское региональное отделение ЛДПР – 7,4 %, местное отделение Всероссийской политической партии «Родина» в г. Оренбурге – 4,52 %, Оренбургское региональное отделение партии «Патриоты России» – 1,93 %.

Согласно действующему законодательству мандаты распределяются между зарегистрированными списками кандидатов, каждый из которых получил 5 % и более голосов избирателей, принявших участие в голосовании по единому избирательному округу. В соответствии с порядком распределения мандатов по полученным голосам избирателей «Единая Россия» получает 14 мандатов, КПРФ – 3, «Справедливая Россия» – 2, ЛДПР – 1. Таким образом, в Оренбургский Городской Совет вошли 32 представителя от политической партии «Единая Россия», 3 – от КПРФ, 2 – от «Справедливой России», 1 – от ЛДПР и 2 самовыдвиженца [6].

По итогам выборов в Оренбургский городской Совет «Единая Россия» (вместе с самовыдвиженцами, являющимися членами партии «Единая Россия») располагает 34 мандатами в Горсовете, или 85 % мандатов. 6 мест (15 % депутатских мандатов) в Горсовете получили представители других партий.

Как следует из представленных в таблице 9 данных, партия власти «Единая Россия», начиная с 2004 г., когда выборы в орган представительной власти в Оренбурге приобрели партийную окраску, всегда обеспечивает себе не менее 2/3 голосов электоральной поддержки.

Выиграть у кандидатов от партии «Единая Россия» по одномандатным округам за последние двое выборов в Горсовет Оренбурга не удавалось никому, кроме представителей самой

Таблица 9

**Партийное представительство в городском Совете
города Оренбурга с 2004 по 2015 г.**

	2004	2010	2015
Избирательная система	мажоритарная	смешанная	смешанная
«Единая Россия» («Единство» и «Отечество» – Единая Россия)	14	19 + 10 = 29	18 + 14 = 32
КПРФ	1	0 + 3 = 3	0 + 3 = 3
ЛДПР	0	0 + 3 = 3	0 + 1 = 1
«Справедливая Россия»	не было	0 + 2 = 2	0 + 2 = 2
«Патриоты России»	не было	0 + 2 = 2	0 + 0 = 0
«Родина»	0	не было	0
Движение «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки»	0	не было	не было
Самовыдвижение	24	–	2
Всего:	39	19 + 20 = 39	20 + 20 = 40

же «Единой России», которые выдвигались через самовыдвижение. Это свидетельствует о том, что практически весь серьезный бизнес-ресурс и административный ресурс на местном уровне сосредоточен в руках партии власти. Пока ничто не говорит о смене такой модели политического поведения местной бизнес и административной элиты. Это связано с тем, что местный бизнес в такой степени контролируется действующей властью, что лишен хоть

какой-либо самостоятельности. Поэтому представители местного бизнеса могут отстаивать свои права только тогда, когда являются членами партии власти.

Можно утверждать, что новый состав Горсовета Оренбурга в 2015 году по одномандатным округам практически на 100 % состоит из директоров различных бизнесов в Оренбурге (см. табл. 10).

Таблица 10

Социальный статус депутатов Горсовета Оренбурга по одномандатным округам 2015 г. избрания

№ п/п	Социальный статус	Количество (чел.)	Доля (в %)	Изменение доли
1	Главврач, врач	0	0	– 29,94
2	Руководители бизнес-структур	19	95	+ 42,2
3	Политик	0	0	– 2,29
4	Директор школы	0	0	– 7,69
5	Чиновник	1	5	+ 2,71
5	(Военный) преподаватель	0	0	+ 2,71
	Итого	20	100	

Главврачи оказались совсем не представленными в новом составе Горсовета по одномандатным округам. Правда, по списку партии «Единая Россия» в состав Оренбургского городского Совета вошла Н. Смолягина, главный врач Областной детской клинической больницы. Это говорит о том, что даже «Единая Россия» не рискует выставлять по одномандатным округам главврачей, поскольку понимает, что когда

население так негативно оценивает реформы в сфере здравоохранения, то одержать победу на выборах главврачам будет сложно, поскольку весь негатив восприятия реформ население может адресовать им как представителям власти. Есть и другое объяснение этому: собственного финансового ресурса у главврачей, в отличие от руководителей бизнеса, нет.

Таблица 11

Динамика социального статуса депутатов Горсовета Оренбурга по одномандатным округам 1996–2015 гг. (в %)

№ п/п	Социальный статус	1996	2000	2004	2010	2015
1	Главврач, врач	36,36	46,15	16,21	0	0
2	Руководители бизнес-структур	18,18	38,46	72,97	94,74	95
3	Политик	18,18	7,69	5,40	5,26	0
4	Директор школы	9,09	7,69	0	0	0
5	Чиновник	9,09	0	2,71	0	5
6	Аграрий	9,09	0	0	0	0
7	(Военный) преподаватель	0	0	2,71	0	0

Как видно из представленных в таблице 11 данных, с 1996 и по 2015 г. руководители бизнеса на каждых выборах уверенно наращивали свое представительство в органе представительной власти Оренбурга по мажоритарным округам – с 18,18 % до 95 %. Когда-то наиболее «популярные» в борьбе за депутатский мандат

по мажоритарным округам главврачи начиная с 2010 г. не имеют шансов победить в одномандатном округе, как и представители других социальных слоев и профессий. Это может обосновываться тем, что финансовый и административный ресурс директоров бизнес-структур существенно дополняется партийным

организационным и административным ресурсом партии «Единая Россия». В одномандатных округах борьба, по существу, заканчивается до активной публичной фазы избирательной кампании. В основном идет внутрипартийная борьба за места кандидатов, выдвинутых от партии «Единая Россия». Естественно, что представители оренбургского бизнеса, стремящиеся отстаивать свои интересы в Горсовете, предпочитают попасть в число кандидатов от «Единой России», поскольку у остальных кандидатов, как мы видим, шансов практически нет. Это снижает степень профессионализма представительного органа местного самоуправления в городе Оренбурге.

Литература

1. В Оренбурге рассчитывают на явку избирателей в 40% /ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-volga/orenburg/1333201.html#ixzz11f5uoOnm>

2. Выборы глав городов Оренбургской области 1996 г. // Избирательная комиссия Оренбургской области [Электронный ресурс]. URL: <http://ik56.ru/18.2.html>

3. Выборы 2015: Мы выбираем...нас выбирают // Информационный портал «Бузулук» [Электронный ресурс]. URL: <http://buzuluk.bz/news/town/1442/vybory-2015-my-vybiraem-nas-vybirajut>

4. «Единая Россия» обнародовала рейтинг участников праймериз [Электронный ресурс]. URL: <http://uralpressa.ru/main/page/1294>

5. Избранные депутаты Оренбургского городского Совета // Оренбургские новости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orinfo.ru/47784/izbrannye-deputaty-orenburgskogo-gorodskogo-soveta>

6. Итоги выборов в субъектах Российской Федерации 10 сентября 2000 года. Оренбургская область // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/arhivfci/56/56_3321101_100900p.htm

7. Копылов К. У депутатских округов – новая схема // Вечерний Оренбург [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vecherniyorenburg.ru/11/u-deputat-skikh-okrugov-novaya-skHEMA/>

8. Левченко А.А. Политические партии как участники формирования регионального парламента (на материалах Оренбургской области) (1994–2006 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-partii-kak-uchastniki-formirovaniya-regionalnogo-parlamenta-na-materialah-orenburgskoy-oblasti-1994-2006-gody>

9. Мы – «Молодая гвардия» // Вечерний Оренбург [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vecherniyorenburg.ru/cat199/show4549>

10. Нальвадов А.Ю. Выборы в Оренбургской области признаны состоявшимися и действительными [Электронный ресурс] URL: <http://www.orinfo.ru/99790/vybory-v-orenburgskoi-oblasti-priznany-sostoyavshimisya-i-deistvitelnymi>

11. Новиков В.Г. Роль государственных и муниципальных органов власти в проведении муниципальных выборов 2010 г. в Оренбурге // Политические итоги муниципальных выборов 2010 в Оренбуржье: сб. науч. статей. Оренбург, 2011.

12. Оренбургская область в 1994 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1994/0394/56.html>

13. Подведены итоги выборов в Оренбургский Горсовет // Аргументы и факты в Оренбурге [Электронный ресурс]. URL: http://www.oren.aif.ru/politic/event/podvedeny_itogi_vyborov_v_orenburgskiy_gorsovets

14. Решение избирательной комиссии муниципального образования «город Оренбург» «Об итогах выборов главы города Оренбурга» от 06.09.2004 г № 90 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/politics/20101011/284323279.html#ixzz3zSj8lvQa>

15. Сведения о выдвижении и регистрации кандидатов / Центральная избирательная комиссия [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/analogs/vib_130915/adm/sved.html

16. Сводная таблица результатов выборов по одномандатному (многомандатному) округу [Электронный ресурс]. URL: http://www.orenburg.vybory.izbirkom.ru/region/orenburg?action=show&root=564220105&tvd=456422067501&vrn=456422067389&prver=0&pronetvd=0®ion=56&sub_region=56&type=427&vibid=456422067501

17. Список избирательных объединений, участвующих в избирательной кампании // Избирательная комиссия Оренбургской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.orenburg.vybory.izbirkom.ru/region/region/orenburg?action=show&root=1&tvd=356300269763&vrn=356300269762®ion=56&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=356300269762&type=236

18. Чуракова О. «Единая Россия» научила самарского губернатора демократии // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/07/16/600796-edinaya-rossiya-nauchila-samarskogo-gubernatora-demokratii>

Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития

А. ОЧКИНА

Демократия как реальный механизм влияния на социальные процессы и как работающий инструмент управления общественным развитием невозможна без социально-политической активности граждан [2]. В том случае, если бюрократические институты не позволяют гражданам постоянно участвовать в процессе принятия социально значимых решений, что мы и наблюдаем в современной России, единственным действенным способом политического участия становится социальный протест.

Протестное поведение само по себе есть не что иное, как реакция граждан на различные формы нарушения их социальных прав. Без определенного уровня организации и солидарности социальный протест – это, скорее, симптом несовершенств социально-экономической политики, показатель недовольства граждан стратегией и тактикой государственного и муниципального управления [3]. Механизмом эффективного политического участия социальный протест делает только определенный уровень солидарности и организованности, а для превращения в рабочий инструмент управления общественным развитием необходим еще и определенный уровень его институционального развития [1].

Наше исследование основывается на мониторинге социального протеста, который коллектив Института глобализации и социальных движений (ИГСО) осуществляет с 2009 года. Источники для мониторинга подбирались по нескольким независимым критериям. Анализировались, прежде всего, наиболее рейтинговые и влиятельные в информационной среде СМИ. Их уровень популярности определялся на

основе данных компании «Медиалогия» (mlg.ru). Анализ рейтинговых СМИ необходим для определения степени отражения тематики социального протеста в основном информационном пространстве и для оценки заинтересованности рейтинговых СМИ в освещении различных протестных акций. Целью изучения новостных ресурсов, как общероссийских, так и региональных, являлось получение более полной информации о протестной активности, а также уточнение медийного образа социального протеста и его акторов. Для более глубокого исследования социально-протестной активности, для поиска информации, не нашедшей отражения в основных СМИ, анализировались также сайты, специализирующиеся на социально-политической и социально-экономической проблематике. Также в мониторинг были включены информационные ресурсы и сайты общественных, в том числе профсоюзных, объединений и организаций.

При отборе информационных источников для проведения мониторинга использовались следующие критерии: многообразие и актуальность освещаемых общероссийских новостей; тематическая специализация информационного ресурса (предпочтение отдавалось социально-экономической и социально-политической проблематике); многообразие и актуальность освещаемых региональных новостей (новостей определенного макрорегиона России); специализация информационного ресурса на тематике социального протеста; принадлежность информационного ресурса общественному объединению или организации.

В исследование включались источники, удовлетворяющие хотя бы одному критерию. По мере необходимости дополнительно анализировались отдельные региональные информационные сайты, сайты первичных и региональных общественных организаций.

Результаты проведенного мониторинга указанных источников позволяют сделать вывод, прежде всего, о том, что социальный протест в России до сегодняшнего момента остается фрагментарным и политически невлиятельным. В то же время за последние 6–7 лет общее протестное поле в нашей стране сформировалось и оформилось. Социальный протест стал неотъемлемой частью российского общества, частью повседневной жизни россиян. Это выражается, прежде всего, в том, что большинство событий социального протеста поддаются устойчивой классификации. Для обобщения и анализа результатов мониторинга нами была разработана классификация протестных акций по причинам и по содержанию требований. Кроме того, нами были определены формы протеста (голодовка, забастовка, митинги, пикеты, петиции), сектора экономики и регионы различной протестной активности. Отметим, что классификация была разработана при активном содействии и неоценимой помощи нашего коллеги А.А. Пожалова, директора по исследованиям в Институте социально-политических исследований.

С точки зрения содержания отчетливо выделяются следующие типы социального протеста:

– *трудовой протест* (выступление против задержек заработной платы и необоснованных увольнений, против дискриминационной по отношению к работникам деятельности работодателей, борьба за лучшие условия труда, соблюдение трудовых прав и гарантий работников);

– *социальный протест* (выражение недовольства государственной социальной политикой, выступления за сохранение социальных льгот и гарантий, за соблюдение социальных прав, протест против реорганизации, закрытия

и неэффективности работы учреждений социального сектора);

– *социально-экономический протест* (выступление обманутых дольщиков, должников по валютной ипотеке, протесты против нарушения жилищных и имущественных прав, протесты по поводу завышенных тарифов и плохого управления предприятиями в секторе ЖКХ, протесты, связанные с плохим качеством дорог, введением платных парковок, реорганизацией общественного транспорта и т. п.);

– *экологический и градозащитный протест* (мероприятия активистов-экологов, выступления против строительства и работы экологически вредных предприятий, против уплотнительной и точечной застройки, уничтожения зеленых зон, памятников истории и культуры, против политики развития населенных пунктов, реализуемой региональной или муниципальной властью);

– *политический и гражданский протест* (оппозиционные выступления политических организаций, поддержка осужденных и обвиняемых политических и гражданских активистов, протест против различных законодательных инициатив, выступление против несправедливых или слабо обоснованных арестов и обвинений и т. п.).

Кроме того, в рамках протестного поля в современной России действуют более или менее устойчивые закономерности и тенденции. События в сфере социального протеста отражают основные проблемы социально-экономического развития и потребности социальных групп, динамику социально-экономической ситуации в стране.

Последние два года протестное поле в России находится под сильным влиянием экономического кризиса, что обостряет восприятие гражданами различных непопулярных мер социальной политики, способствует концентрации активного социального протеста вокруг конкретных проблем и сбоях социального развития, вокруг различных проявлений экономического и социального кризиса. В наибольшей степени влияние экономического

кризиса испытывает на себе социально-трудовой протест. Хотя его напряженность, измеряемая количеством и длительностью протестных акций, в 2015 году неравномерно распределяясь по кварталам, в целом демонстрировала тенденцию к росту интенсивности социально-трудового протеста. В целом эта тенденция воспроизвелась и в первой половине 2016 году. Этому способствует три фактора: нарастание социально-экономического кризиса; накопление опыта трудовых протестов; накопление профсоюзами опыта в решении трудовых конфликтов и споров.

Все акции трудового протеста в материальном производстве можно разделить на три группы:

а) выступления против задержек и сокращения заработной платы. В материальном производстве доля конфликтов, связанных с невыплатой заработной платы, составляет около 75 % всех трудовых конфликтов, приводящих к акциям протеста. Такие конфликты чаще других заканчиваются победой наемных работников;

б) протесты против сокращения и развала производства, протесты, связанные с процедурой банкротства предприятия. Такие акции протеста, как правило, адресованы органам региональной и федеральной власти и проводятся с поддержкой политических партий, чаще всего КПРФ;

в) принципиальные выступления за лучшие условия труда. Они составляют наименьшую долю от всех акций социально-трудового протеста, но их количество постепенно растет, что связано, как правило, с деятельностью профсоюзов.

«Хронические» неплатежи провоцируют значительную часть протестных акций в таких секторах материального производства, как строительство и сельское хозяйство. Показательно, что трудовые протесты, спровоцированные задержкой и невыплатой заработной платы, организуются и работниками, занятыми на стройках регионального и федерального значения. Строительство социально значимых объектов поручается частным компаниям,

которые систематически задерживают выплаты заработной платы работникам. Так, в марте в Москве проходила забастовка строителей московского метро, нанятых АО «Ингеоком». Бастовали занятые на строительстве метро иностранные рабочие, плохо знающие российское трудовое законодательство, трудящиеся в жутких условиях при нарушении большого числа трудовых норм, почти полгода не получающие и половину обещанной заработной платы. В этой забастовке организационную и информационную поддержку трудящимся последовательно и эффективно оказывал профсоюз трудящихся мигрантов. Бастующим рабочим удалось добиться поэтапной выплаты заработной платы.

В апреле 2015 г. была отмечена резонансная голодовка строителей домов для погорельцев в Хакасии, которая длилась всю последнюю неделю апреля. 30 апреля 2015 г. договоренности с работодателем о поэтапном выполнении требований рабочих были достигнуты, и протестующие объявили о прекращении голодовки.

Наиболее поразительным сюжетом этого ряда являются постоянные задержки заработной платы строителям космодрома «Восточный» в Амурской области. В апреле 2015 г. строители несколько раз объявляли голодовку, добиваясь выплаты долгов по заработной плате. Потребовалось вмешательство заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д.О. Рогозина, курирующего космическую отрасль, для того, чтобы строителям начали выплачивать заработную плату. Однако недавно проблемы с оплатой труда строителей космодрома возникли снова, работники заявили о намерении начать забастовку из-за задержек выплаты заработной платы. К концу июня долг перед работниками был в основном погашен, руководство «Дальспецстроя» заверило, что остаток будет выплачен в ближайшее время.

В автомобильной и добывающей промышленности, нефтегазовом секторе также большую часть акций провоцируют задержки заработной платы, но для этих секторов

актуальны также проблемы сокращения и банкротства производств. Для предприятий оборонно-промышленного комплекса именно проблемы, связанные с банкротством, чаще всего выступают фактором, обуславливающим социально-трудовые протесты. В автомобильной промышленности и оборонно-промышленном комплексе (ОПК) вследствие активности профсоюзов, в том числе Межрегионального профсоюза «Рабочая ассоциация» (входит в профобъединение Конфедерации труда России), развивалась длительная борьба за лучшие условия труда. Например, это происходило на ряде предприятий в Калужской и Самарской областях, в Ленинградской области на заводах «Форд Мотор Компани».

Одной из тенденций развития трудового протеста в современной России является то, что основной причиной конфликтов в сфере материального производства выступают проблемы, связанные с неудовлетворительным размером и задержками выплаты заработной платы. Для нематериальных экономических секторов большее значение имеют условия труда и принципы организации производства.

В секторе пассажирского транспорта, особенно в сфере частных перевозок, основными причинами социально-трудового протеста являются условия и организация труда. В сегменте муниципального транспорта трудовые протесты провоцируются задержкой и невыплатой заработной платы, но чаще всего – сокращением и банкротством муниципальных предприятий. Наиболее устойчивая протестная активность, спровоцированная стремлением сохранить муниципальный транспорт, в том числе электрический, зафиксирована в Волгограде и Симферополе.

В секторе грузовых перевозок в IV квартале развитие получил протест водителей большегрузных автомобилей, выступивших против введения платы за проезд по федеральным трассам (в СМИ эти выступления получили название “протест дальнобойщиков против системы «Платон»”). Это был самый интенсивный трудовой протест 2015 года, он быстро

политизируется, принимает организованную форму и остается актуальным и в текущем году.

Трудовой протест в сфере образования нельзя назвать особенно интенсивным, но проявляет он себя постоянно. Локальные акции в районных центрах и небольших поселениях были спровоцированы задержкой заработной платы учителям (например, в Забайкальском крае, Хакасии, Челябинской области), в областных центрах фиксировался в основном активистский протест против необоснованных увольнений и инициатив Министерства образования. Наибольшую активность в организации таких протестов проявляли Межрегиональный профсоюз работников образования «Учитель» и Межрегиональный профсоюз работников высшей школы «Университетская солидарность».

В сфере здравоохранения трудовой протест был относительно интенсивным в 2013–2015 гг., что было связано с недостаточным финансированием отрасли и организационной реформой, а в 2014–2015 гг. протесты медиков в Москве были обусловлены реформой столичного здравоохранения. Протестная активность в сфере здравоохранения преимущественно обеспечивалась за счет активности профсоюза медицинских работников «Действие».

Основные причины трудовых протестов в здравоохранении – организация и оплата труда медработников, нормирование деятельности медиков, постоянно меняющиеся и ужесточающиеся правила бюрократического контроля, – с поправкой на специфику отрасли актуальны и для трудового протеста в образовании. Сегодня налицо тенденция выражения недовольства принципами управления социальной сферой – образованием, здравоохранением, культурой и т. п. – чаще по конкретным поводам, чем на акциях общего характера, против реформ здравоохранения, за доступное образование и т. п.

Трудовой протест в социальных секторах, спровоцированный реорганизацией или закрытием школ, больниц или вузов, нередко

трансформируется в выступления за социальные права и гарантии, вовлекая граждан, не занятых в данных сферах общественного производства. Нередко такие конкретизированные массовые протесты достигают своей цели. В качестве примера можно привести недавний резонансный протест против решения правительственной комиссии по развитию жилищного строительства о передачи селекционных полей Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева (РГАУ) под застройку*. Протесты развивались еще в марте 2016 г., а на митинг 11 апреля пришло, по различным данным, от 2 500 до 3000 человек. Протест заставил власть пересмотреть решение, 14 апреля 2016 г. президент РФ В. Путин заявил, что академию оставят в покое.

В I квартале 2016 года, как и в 2015 г. в целом, наибольшую интенсивность социальный протест приобрел в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Так, следует отметить 9 регионов, для которых характерна наибольшая протестная активность:

– Москва и Московская область – эколого-градозащитный протест, социально-бытовой протест, политический протест, трудовой протест;

– Санкт-Петербург и Ленинградская область – эколого-градозащитный протест, социально-бытовой протест, политический протест;

– Волгоградская область – трудовой, социальный и социально-бытовой протест, политический протест против региональной власти;

– Свердловская область – трудовой, социальный и социально-бытовой протест, политический протест против региональной власти;

– Краснодарский край – социально-бытовой, эколого-градозащитный, политический протест;

– Хакасия – трудовой протест в сфере материального производства, ЖКХ и образования;

– Республика Дагестан – протест по поводу землепользования, по поводу работу правоохранительных органов.

В целом данные IV квартала 2015 года позволяют говорить о том, что социальный протест в России продолжает переживать процесс реструктуризации и демонстрировать основные тренды, которые впервые проявились еще в 2014 г. Эти тренды и тенденции следующие:

1. Кризис способствует количественному росту локальных протестных акций, но не обуславливает консолидацию протеста.

2. Консолидация протеста может происходить в рамках региона или, скорее, муниципального образования, но почти не заметна на уровне экономического сектора или макро-региона, например, федерального округа. Это проявляется в росте числа своего рода объединенных митингов протеста: протеста дальнобойщиков и дольщиков, различных социальных движений и участников «центрального» протеста сезона: в III квартале это были выступления за сохранение льгот различных групп, в IV квартале – протесты дальнобойщиков. Между тем межрегиональные объединения участников разрозненных протестов складываются трудно. Всероссийское движение дольщиков не состоялось, протест дальнобойщиков, демонстрирующий тенденцию к объединению в начале, в ноябре 2015 года, к началу 2016 выглядит

* В начале марта 2016 года правительственная комиссия по развитию жилищного строительства и оценке эффективности использования земельных участков постановила изъять у академии 101,58 га, находящихся в районе станции метро «Петровско-Разумовская» на севере Москвы. Эти земли, на которых сейчас находятся сады и опытные поля, планировалось передать Фонду РЖС для застройки. Как сообщили в вузе, академии фактически выдвинули ультиматум: либо руководство академии соглашается добровольно отдать под жилищную застройку 40 % собственных земель и получает за это деньги на развитие, либо вуз лишается финансирования.

гораздо более разнородным. Трудовые протесты медиков и педагогов локализованы регионально и появление новых очагов протеста, что является в основном заслугой профсоюзов, входящих в Конфедерацию труда России, не ведет к спонтанному расширению протестных массовых акций.

3. Консолидация и интенсификация протеста может обеспечиваться усилиями профсоюзов, региональным или местным отделением политической партии (почти всегда это КПРФ), даже отдельными представителями местной или региональной власти (примером могут быть протесты в г. Качканаре Свердловской области), но ни одна социально-политическая сила не может пока справиться с дефицитом низовой активности и солидарности.

4. Объективно обусловленное формирование общей основы протестных движений не приводит к их переходу на новый, более высокий уровень по организации, идеологии, массовости*.

5. Состояние социальных секторов и содержание социальной политики государства превращается в основной фактор протестной активности граждан с одновременным опережающим ростом интенсивности трудового протеста в секторах нематериального производства.

Можно конкретизировать тенденции по отдельным группам социального протеста:

1. В области трудовых конфликтов:

– около 50 % трудовых протестов обусловлено несвоевременной выплатой заработной платы;

– для предприятий машиностроения и оборонно-промышленного комплекса основной причиной протеста является сокращение производства, банкротство предприятий;

– трудовые конфликты, связанные с тяжелым положением предприятия или сектора, становятся затяжными, требуют вмешательства

органов региональной или федеральной власти, нередко обуславливают создание и активизацию профсоюза на проблемном предприятии;

– профсоюзы становятся все более распространенным средством разрешения глубоких и затяжных трудовых конфликтов, они появляются в секторах и предприятиях, где ранее не было профсоюзной культуры, например, в ресторанном секторе, в рассматриваемый период был успешно реализован трудовой протест мигрантов-строителей, поддерживаемых профсоюзом;

– в сфере строительства основной причиной протеста является несвоевременная выплата заработной платы;

– задержка выплат или вообще невыплаты заработной платы характерны и длястроек, имеющих социальное значение, субсидируемых государством. Несвоевременная выплата заработной платы на строительстве таких объектов обусловлена нехваткой денежной средств у подрядчиков строительства. Трудовые протесты в этом случае бывают довольно результативными;

– трудовые конфликты в сферах образования, здравоохранения и культуры обусловлены в наибольшей степени недовольством работников условиями труда.

2. В области защиты социальных прав:

– протест против ухудшения социально-экономического положения граждан организуется политическими активистами, а не опирается на низовую инициативу, хотя отражает общественные настроения;

– низовую инициативу в сегменте социального протеста провоцирует в основном потеря социальных льгот;

– в целом недовольство граждан качеством социального сектора обусловлено реформами социальной сферы, особенно – реорганизацией и оптимизацией учреждений социальной сферы;

* Очевидно, что у родителей, возмущающихся закрытием школ или сокращением групп в детсадах, есть общие интересы с учителями и воспитателями, недовольными своей заработной платой и условиями труда. У пациентов, испытывающих на себе ухудшение качества медицины, есть общие интересы с врачами, страдающими от новых условий труда и принципов его оплаты.

– недовольство отдельными аспектами социальной политики не аккумулируется, целостного движения против реформ не наблюдается;

– не встречают поддержки у недовольных социальной политикой правительства граждан и трудовые протесты медиков и педагогов.

3. В области споров социально-бытового характера:

– наиболее активен низовой протест обманутых дольщиков и должников по валютной ипотеке. Но и тот, и другой исчерпал свой мобилизующий потенциал и является только прагматическим социальным инструментом решения частных индивидуальных проблем;

– существуют проблемы в правовом регулировании строительства и купли-продажи жилья, обуславливающие конфликтные ситуации, в которых собственники или покупатели жилья оказываются в социально незащищенном положении;

– низовые конфликты по поводу ЖКХ, как правило, обусловлены резким ростом тарифов или серьезными сбоями в поставке света, тепла или воды;

– недовольство качеством работы и тарифами ЖКХ провоцирует спонтанные протесты, которые могут быть массовыми и даже агрессивными, но не ведут к созданию устойчивого социального движения;

– реакция представителей региональной власти на протест граждан против повышения коммунальных или транспортных тарифов зависит от массовости и настойчивости протеста, но не в меньшей степени – от рейтинга регионального руководства в представлениях федерального центра, от степени устойчивости позиции главы региональной администрации. Чем устойчивость выше, тем больше вероятность, что протест граждан будет игнорирован.

4. В области проблем жизненной среды (экологические и градозащитные вопросы):

– наибольшую интенсивность в этом сегменте имеет протест против уплотнительной застройки и уничтожения зеленых насаждений;

– градозащитный и экологический протест порождает довольно устойчивые движения, которые работают довольно долго и добиваются поставленных целей;

– градозащитные движения, как правило, не преобразуются в социальные движения более общего характера.

5. В области политических проблем:

– оппозиционные протесты политического характера не имеют массовой поддержки и основываются на мобилизации отдельных активистов;

– тенденция роста интенсивности, заметная в рассматриваемом периоде во всех сегментах протестного поля, в наименьшей степени выражена в сегменте политического и гражданского протеста.

Можно заключить, что социальный протест является в современной России довольно эффективным инструментом решения локальных, частных проблем, но не превращается в механизм, обеспечивающий влияние граждан на процесс принятия социально значимых решений, не становится основой для формирования нового качества гражданского общества.

Литература

1. Дорожкин Ю.Н., Сабитов М.Р. Политические факторы протестной активности в период электорального цикла 2011–2012 гг. в России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 1. С. 53–64.

2. Жуков Д.С. Приложение теории самоорганизованной критичности к исследованию социальных процессов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 1. С. 9–16.

3. Нечипоренко О.В. Специфика социальных конфликтов в сельских сообществах современной России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 5. С. 123–128.

Показатели самообеспеченности мясом и мясопродуктами и пути развития скотоводства в Республике Башкортостан

Н. РАФИКОВА, А. ХАЗИЕВА

Для оценки хода выполнения продовольственной доктрины Российской Федерации и состояния продовольственной безопасности страны органами статистики разработаны и определены показатели производства и потребления пищевых продуктов на душу населения. Удельный вес продукции российского производства в формировании продовольственных ресурсов страны недостаточно высок. Это характерно и для Республики Башкортостан в отношении мяса и мясопродуктов. В соответствии с доктриной в России уровень продовольственной независимости страны по мясу был установлен не менее 85 % [5]. Самообеспеченность страны мясом должна составить 88,3 % согласно Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. [3]. В последние годы в России наметилась положительная тенденция в плане обеспечения населения мясом отечественного производства и мясопродуктами в целом. В соответствии с рекомендациями по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания, уровень потребления мяса и мясопродуктов на душу населения в год должен составлять 70–75 кг, в том числе 25 кг говядины, 1 кг баранины, 14 кг свинины и 30 кг птицы [7]. Рациональные нормы потребления по мясу и мясопродуктам пока не достигнуты. При рациональной норме среднедушевого потребления 25 кг потребление говядины в 2013 г. составило 16,4 кг, из них 5 кг (30,5 %) – за счет импорта [6].

В данной работе используются данные о производстве и потреблении продуктов в расчете на душу населения, определяемые органами статистики. Опубликованные в работах других авторов показатели обеспеченности мясом и мясопродукцией по методике Росстата и по методике Министерства сельского хозяйства России различаются в незначительной степени [2]. На основе опубликованных Росстатом данных для характеристики уровня продовольственной независимости предлагается определить следующие показатели: самообеспеченность потребления, уровень обеспеченности потребностей и уровень удовлетворения потребностей. Уровень самообеспеченности потребления ($Ус$) рассчитывается как отношение показателя производства продукции в расчете на душу населения (страны, региона) к ее внутреннему потреблению в расчете на одного человека. Этот показатель характеризует уровень самообеспеченности потребления населения продукцией собственного производства и обеспечивается стратегией устойчивого развития регионов на основе современной государственной продовольственной политики. При этом регион должен развиваться в направлении самообеспечения теми продуктами, для производства которых имеются благоприятные природно-климатические и экономические условия.

Известно, что продовольственная независимость может быть достигнута при уровне обеспечения населения отечественными продуктами не ниже рациональных норм. В связи с этим следует определять показатель уровня обеспеченности потребности ($УП$) как отношение

Рафикова Нурия Тимергалеевна, д-р экон. наук, профессор кафедры статистики и информационных систем в экономике Башкирского государственного аграрного университета (БГАУ). E-mail: rafikova163@rambler.ru
Хазиева Айгуль Мунавировна, ассистент кафедры статистики и информационных систем в экономике БГАУ

производства продукции в расчете на душу населения к рациональной норме потребления пищевых продуктов. Показатель уровня удовлетворения потребностей рассчитывается как отношение показателя уровня потребления продуктов в расчете на одного человека к рациональной норме потребления пищевых продуктов. Этот показатель характеризует уровень удовлетворения потребностей (УУП) за счет как собственного производства, так и завоза продуктов извне. Данный показатель зависит от эффективности территориальной обеспеченности за счет организации продовольственного комплекса, использования ресурсов и импорта. Рассмотренные показатели взаимосвязаны между собой и сопоставимы друг с другом. Так, показатель относительной величины удовлетворения потребностей равен отношению относительной величины обеспеченности потребности к относительной величине самообеспеченности потребления. При рассмотрении этой взаимосвязи в динамике или в пространстве в разрезе регионов, территорий следует использовать расчет по формуле: $J_{УП} = J_{уп} : J_{ус}$. Предложенная методика позволяет упростить расчеты показателей продовольственной независимости, что важно при оценке деятельности регионов по рациональному исполь-

зованию средств государственной поддержки.

Известно, что ни один российский регион не в состоянии обеспечить население полным ассортиментом продовольствия даже по нормам рационального питания [4]. Уровень самообеспеченности населения мясом в Республике Башкортостан в 2014 г. составил 80,5 %, в то время как в 2000 г. достигал 90,9 %, то есть произошло снижение данного показателя на 10,4 п.п. (см. рис.). Уровень самообеспеченности потребления уменьшился в 2011–2013 гг., хотя республика относится к регионам, где есть возможность производить мясо крупного рогатого скота в объемах, превышающих потребность местного населения. Республика Башкортостан является одним из крупных регионов и занимает первое место по численности поголовья крупного рогатого скота как в Приволжском федеральном округе, так и в Российской Федерации [11]. Такое снижение уровня самообеспеченности было вызвано, в первую очередь, сокращением поголовья скота и птицы. За 2000–2013 гг. поголовье крупного рогатого скота в Республике Башкортостан уменьшилось на 23,5 %, коров – на 28,6 %. Достигнутый уровень производства мяса и мясопродуктов в Республике Башкортостан не обеспечивает медицинские нормы потребления мяса на душу населения [8].

Динамика производства и потребления мяса и мясопродуктов в Республике Башкортостан на душу населения в год, кг

В то же время уровень потребления мяса и мясопродуктов, включая субпродукты II категории и жир-сырец на душу населения, начиная с 2010 г. превысил медицинские нормы в связи с ввозом из-за рубежа. В результате уровень удовлетворения потребности составил в 2010 г. 106,3 %, а в 2014 г. – 106,2 %. (табл. 1). В 2013 г. в Республике Башкортостан производство мяса

и мясопродуктов на душу населения был ниже медицинской нормы потребления на 22,8 %, или на 16,5 кг, а в 2014 г. – на 10,4 кг. Представленные результаты исследования уровня самообеспеченности мясом и мясопродуктами свидетельствуют о том, что республика не справляется с задачей обеспечения населения этими продовольственными ресурсами.

Таблица 1

**Показатели производства, потребления и обеспеченности мясом
и мясопродуктами в Республике Башкортостан на душу населения***

Год	Производство, кг	Потребление, кг	Самообеспеченность потребления, %	Уровень, %	
				обеспеченности потребности*	удовлетворения потребности
2000	50	55**	90,9	68,9	75,8
2005	55	63	87,3	75,9	86,9
2010	69	77	89,6	95,2	106,3
2011	56	76	73,7	77,2	104,8
2012	55	75	73,3	75,8	103,4
2013	56	76	73,7	77,3	104,8
2014	62	77	80,5	85,5	106,2

*Рассчитано на основе [9].

** Рациональная норма потребления – 72,5 кг.

Недостаток мяса и мясопродуктов восполняется за счет ввоза из других регионов и импорта из-за рубежа. Если в 1995 г. импорт составлял 3,6 % ресурсов мяса и мясопродуктов, то в 2012 г. данный показатель составил 26,7 %. Одним из главных резервов увеличения производства является организация кормовой базы и эффективного кормления. Анализ показал, что уровень обеспеченности кормами в хозяйствах всех категорий ниже рекомендуемых норм, хотя

уровень кормообеспеченности одной головы крупного рогатого скота имеет тенденцию к повышению [10].

Рост продуктивности является самым важным фактором снижения себестоимости единицы продукции, поэтому влияние данного фактора было изучено также на основе аналитической группировки районов Республики Башкортостан по уровню среднесуточного привеса животных на выращивании и откорме (табл. 2).

Таблица 2

**Влияние среднесуточного привеса на показатели выращивания
и откорма крупного рогатого скота в Республике Башкортостан в 2013 г.**

Группы районов по среднесуточному привесу на выращивании, откорме и нагуле, грамм	Число районов	Среднесуточный привес, грамм	Поголовье на район, тыс. гол.	Привес на 1 район, ц	Привес на 1 гол., ц	Затраты на 1 гол., тыс. руб.	Себестоимость 1 ц привеса, руб.
До 300	7	288	3,9	4148	1,05	9,3	8854
300-450	30	371	3,9	5396	1,35	13,9	10259
450-600	16	507	3,9	7212	1,85	18,7	10123
600 и более	1	641	11,0	25827	2,34	22,4	9572
Итого	54	413	4,1	6150	1,51	15,1	10038

Расчеты сделаны по данным сводных отчетов сельскохозяйственных организаций Республики Башкортостан.

Из данных таблицы 2 следует, что в 55 % районов республики среднесуточный привес крупного рогатого скота не превышал 371 г, а в 13 % районов был еще меньше и не достигал уровня 300 г. Только в одной трети районов республики среднесуточный привес крупного рогатого скота превысил 500 г. Так, в Чекмагушевском районе значение данного показателя достигло уровня 641 г, а в СПК «Заря» – 790 г, ООО «Байбулат» – 783 г, СПК «Базы» – 766 г. Поэтому в республике имеются большие резервы для увеличения производства за счет повышения продуктивности скота. Так, если бы хозяйства, расположенные в регионах первой и второй групп, повысили уровень продуктивности одной головы на 0,8 ц, то при неизменной численности поголовья крупного рогатого скота в этих группах было бы

дополнительно произведено 117,7 тыс. ц привеса.

Из предложенной классификации регионов и ранжированию их на четыре группы следует, что концентрация поголовья практически во всех районах одинакова. Только Чекмагушевский район, расположенный в Южной лесостепи, характеризуется высоким уровнем продуктивности и низкой себестоимостью по сравнению с другими группами районов. Из этих данных также следует, что с ростом среднесуточного прироста себестоимость 1 ц прироста имеет тенденцию к повышению, так как темпы роста производственных затрат на голову скота превышают темпы роста продуктивности. Так, в третьей группе районов затраты на 1 голову превысили данные первой группы в 2 раза, а продуктивность – в 1,76 раза.

Таблица 3

Зависимость структуры затрат, трудоемкости и оплаты труда от продуктивности в районах Республики Башкортостан, 2013 г.

Статьи затрат, в %	Группы районов по среднесуточному привесу на выращивании, откорме и нагуле, г.			
	До 300	300-450	450-600	600 и более
Оплата труда с отчислениями	22,4	21,7	20,4	19,0
Корма	54,8	50,0	48,9	52,4
из них собственного производства	49,7	43,0	42,2	48,1
Содержание основных средств	5,9	7,0	7,6	8,1
Электроэнергия	2,6	3,0	3,0	2,5
Нефтепродукты	3,3	4,0	4,5	5,8
Прочие	11,0	14,3	15,6	12,2
Прямые затраты труда на 1 ц прироста, чел./ч.	33,7	32,0	22,9	24,3
На 1 гол., чел./ч.	35,4	43,4	42,5	56,9
Оплата 1 чел./ч., руб.	61,4	71,3	92,8	76,1

Расчеты сделаны по данным сводных отчетов сельскохозяйственных организаций Республики Башкортостан.

Анализ структуры затрат показал, что с ростом среднесуточного привеса снижается удельный вес затрат по основным статьям «Оплата труда» и «Корма» и увеличивается доля затрат на содержание основных средств и нефтепродукты (табл. 3). При этом снижаются прямые затраты труда на 1 ц прироста, то есть повышается уровень производительности труда и оплаты 1 чел./ч., отработанного в отрасли.

Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод о необходимости учета территориально-отраслевого размещения в регионе для роста продуктивности крупного рогатого скота, снижения трудоемкости производства и себестоимости продукции. Продукция выращивания и откорма крупного рогатого скота от коров молочного направления превышает объемы произведенной продукции от

специализированных мясных пород почти в 9,7 раза, поголовье молочного стада превышает поголовье мясного скота в 13,2 раза, а продуктивность мясного скота превышает продуктивность молочного стада в 1,4 раза. Поэтому необходима структурная перестройка отрасли – развитие специализированного мясного скотоводства. Уровень концентрации мясного скотоводства на один район является неравномерным и более высоким в Предуральской степи и Зауральской степи. Мясное скотоводство отличается высоким уровнем трудоемкости производства и низким уровнем оплаты 1 чел.-часа, отработанного в отрасли. Производство продукции мясного скотоводства требует значительных вложений инвестиций и государственной поддержки в данную отрасль. Наряду с развитием специализированного мясного скотоводства необходимо: повышать продуктивность молодняка на выращивании и откорме, полученных от коров молочного стада; расширить выращивание и откорм помесного скота в северной лесостепи, а мясного скота – в северной, северо-восточной и горно-лесной зонах. Сравнительный анализ эффективности реализации крупного рогатого скота показал, что производством продукции выращивания и откорма крупного рогатого скота в основном должны заниматься крупные сельскохозяйственные организации; переработка мясной продукции экономически выгодна в специализированных перерабатывающих предприятиях.

Литература

1. Алтухов А.И. Национальная аграрная политика – основа развития территориально-отраслевого разделения труда в АПК // АПК: экономика, управление. 2015. №.10. С. 18–23.
2. Боткин О.И., Сутыгина А.И., Сутыгин П.Ф. Аргументы к методике определения уровня продовольственной независимости // АПК: экономика, управление. 2016. №.3. С.22–31.
3. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. (утв. Правительством Российской Федерации от 14 июля 2007 г. № 446).
4. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. (утв. Правительством Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717).
5. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120).
6. Дунин И.М., Шичкин Г.И., Кочетков А.А. Перспективы развития мясного скотоводства России в современных условиях // Молочное и мясное скотоводство. 2014. № 5. С. 2–5.
7. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 593н «Об утверждении рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/about/software/systems/prof/>
8. Рафикова Н.Т., Трофимчук Т.С., Хазиева А.М. Статистический анализ цен и потребления продуктов питания в Республике Башкортостан // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. 2012. № 2. С. 96–98.
9. Сельское хозяйство, охота и лесоводство Республики Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2014.
10. Хазиева А.М. Зависимость уровня потребления мясопродуктов от кормообеспеченности и плотности скота // Земельная реформа и эффективность использования земли в аграрной сфере экономики: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (23–24 октября 2014 г.). Уфа: Мир печати, 2014. С. 245–248.
11. Хазиева А.М. Об особенностях изменения динамики и структуры поголовья скота // Перспективы инновационного развития АПК: материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках XXIV Междунар. специализир. выставки «АгроКомплекс–2014». Часть III. Уфа: Башкирский ГАУ, 2014. С. 239–242.

Экономические и экологические проблемы развития пчеловодства в муниципальных образованиях

В. ЖИЛИН

Исторические факты свидетельствуют о том, что пчеловодство в России всегда находилось под особым покровительством государства (в частности, это подтверждает подписание Екатериной II манифеста от 14 марта 1775 г.; Постановление Совета Народных Комиссаров «Об охране пчеловодства» от 11 апреля 1919 г., подписанное В.И. Лениным). Такое отношение к пчеловодству как отрасли сельского хозяйства позволило иметь на Руси около 50 млн пчелиных семей и занимать лидирующее положение в мире по производству меда и воска.

За последние 20 лет отношение государства к этой отрасли изменилось в худшую сторону. Прежде всего, ликвидирован федеральный орган по пчеловодству «ПЧЕЛОПРОМ». Налоговый кодекс РФ исключил понятия «пчеловодство, продукция пчеловодства» из ст. 217 п. 13 и ст. 3462 п. 3. Таким образом, на федеральном уровне сегодня понятие «отрасль пчеловодства» отсутствует.

Известно, что пчеловодство тесно связано с обеспечением кормовой базой животноводства и садоводством, однако численность дойных коров в России в период 2000-х гг. снизилась с 46 до 9,0 млн голов, что привело к снижению посевов донника, эспарцета, козлятника, клевера, люцерны. В настоящее время численность дойных коров в России восстановилась до 18 млн голов, однако это не повлияло на увеличение численности семей пчел. Одновременно практически повсеместно были закрыты питомники и вырублены сады.

В результате численность пчелиных семей в России сократилась с 7,0 до 2,0 млн, а в Республике Башкортостан – с 520,0 до 70,0 тыс. Производство товарного меда в расчете на душу

населения в настоящее время составляет всего 0,3 кг в год, что в 30 раз меньше рекомендуемых Всемирной организацией здравоохранения норм потребления.

Отрицательное влияние на развитие пчеловодства в Республике Башкортостан оказала ликвидация целого ряда структурообразующих для отрасли предприятий. В частности, опытной станции по пчеловодству в Улу-Теляк (4,2 тыс. пчелосемей), совхоза «Лемезинский» (4,8 тыс. пчелосемей), МП «Мед Башкирии» (3,6 тыс. пчелосемей). Окончательным развалом отрасли пчеловодства в республике стало закрытие цеха по переработке воска при Чишминском маслозаводе (созданного на базе Чишминского воскозавода). Таким образом, пчеловоды республики остались без высококачественной вошины. Предлагаемая частными фирмами вошина не сертифицирована, и, как правило, воск при изготовлении такой вошины не стерилизуется, что приводит к возникновению вспышек гнильца, аскосфероза, нозематоза.

В плачевном состоянии находится садоводство республики. Так, например, на землях Иглинского питомника администрация района организовала строительство индивидуальных жилых домов. В Уфимском районе при расширении д. Шамонино на землях КФХ «Золотая пчела» под бульдозер пустили плодовый сад в возрасте 8 лет на площади 12 га, на котором было высажено 6,0 тыс. яблонь; уничтожены 160 пчелиных семей; коллекция медоносных трав, плодовых и косточковых культур.

Наряду с несовершенством законодательства в области пчеловодства, разрушением структуры управления отраслью, ликвидацией системы зоотехнического и ветеринарного

обслуживания, следует отметить и объективную причину снижения численности пчелиных семей в России и Башкортостане – ухудшение экологической обстановки в стране, что привело к резкому ослаблению пчелиных семей и обострению болезней пчел. Ситуация осложнилась и в связи с заражением пчелиных семей клещом *Varroa Jacobsoni*, обработка их акарицидными препаратами, в свою очередь, привела к резкому снижению продуктивности пчелиных семей и их жизнеспособности [1]. Результатами этого действия являются следующее:

1. Высокие концентрации солей различных элементов в воде приводят к солевому токсикозу пчел, а содержащиеся в воздухе вредные химические вещества, сорбируясь поверхностью пыльцевых зерен, нарушают процесс выработки нектара растениями, выбросы промышленных предприятий и автомобильного транспорта, использование пестицидов, удобрений нарушают естественно сложившиеся биохимические процессы в почве, что также снижает нектаропродуктивность медоносных трав.

2. Продуцируется огромное количество пыльцевых зерен, имеющих сильно измененные морфологические признаки, нарушается также окислительно-восстановительная реакция и каталитическая активность белковых компонентов пыльцы, что приводит также к фитотоксикозу пчел. При изучении препаратов из пыльцы наблюдается изменение их очертаний и размеров, увеличение или уменьшение числа апертур их величины и характер расположения. Шипы бывают уменьшенными в размере и деформированными, наблюдается изменение цвета пыльцы.

3. Фуражный мед, являясь сильнейшим адсорбентом различных твердых аэрозолей из атмосферы, приводит к перегрузке кишечника пчел различными белковыми веществами. Промышленные выбросы, содержащие соединения мышьяка, свинца, кадмия, фтора, цинка, меди и других веществ, а также пестициды, средства, используемые для лечения пчел, могут накапливаться в продуктах пчеловодства, делая их опасными для пчел, и приводят к химическому токсикозу.

4. Поступающие в окружающую среду в газообразном, жидком или твердом виде

различные химические вещества заносятся пчелами в улей с нектаром, паду, пылью, прополисом, водой; их концентрация в гнезде может быть в 1000–100000 раз больше, чем в воздухе, и в 1000–10000 раз выше, чем в растениях. Это свойство делает пчелу особенно уязвимой к различным загрязнениям, что позволяет использовать гнезда пчел для индикации состояния окружающей среды.

5. Мед, собранный с растений, может обладать различной степенью радиоактивности, причем растения способны концентрировать радиоактивные элементы в десятки и сотни раз больше, чем их содержится в окружающей среде. Распределение радиоактивных изотопов стронция-90 и цезия-137 в гнездах пчел показывает наибольшее их содержание в прополисе и старых сотах, затем по степени убывания располагаются перга, организм пчел и мед.

6. Под действием пестицидов, наряду с клиническими признаками, у пчел резко понижается функциональная деятельность кишки, что оказывает влияние на их морфологические изменения. Наблюдается дегенерация эпителиальных клеток, нарушается целостность базальной мембраны. В мальпигиевых сосудах отмечаются перерождение и некроз эпителиальных клеток, вследствие чего они отстают от основной мембраны, теряют клеточное строение и в виде скопления лежат в просвете сосудов, расположенных в передней части толстой кишки, ректальные железы также подвергаются патоморфологическим изменениям.

7. В наши дни, когда планета интенсивно насыщается магнитными и электромагнитными полями искусственного происхождения, проблема их влияния на биологические объекты стала актуальной. Пчела является уникальным биологическим объектом, реагирующим на магнитные и электромагнитные поля, поскольку является магнитореактивной, так как обладает полифункциональным рецептором на основе гранул магнитного гидроксида железа. Данное свойство позволяет пчеле использовать малейшие отклонения величин магнитного поля и слабозаметные изменения направлений силовых линий геомагнитного поля для ориентации в полете, передаче информации, при строительстве сотов, сборе меда.

8. Неблагоприятные климатические условия также являются причиной болезней пчел. Так, среди факторов, приводящих к развитию мешотчатого расплода, можно назвать резкую смену холодной и дождливой погоды на жаркую. Микроклимат сырых низинных мест часто провоцирует заболевание пчел аскосферозом. На наш взгляд, именно короткое лето с неустойчивой погодой объясняет повсеместное заражение пасек республики аскосферозом. Однако замечено, что сильные семьи пчел аскосферозом не болеют.

Ухудшение экологической обстановки в стране на фоне клещевой инвазии вызвало резкое ослабление пчелиных семей, что привело к обострению болезней пчел. Это обусловлено тем, что клещ варроа, питаясь гемолимфой пчел и личинок, травмирует хитиновый покров и создает ворота инфекции или же, подобно эктопаразитам животных, может быть переносчиком и резерваторм возбудителей инфекционных заболеваний. Смешанное течение инфекции, как правило, резко осложняет патологический процесс и в два-три раза ускоряет гибель пчелиных семей. Применение акарицидных препаратов приводит, по существу, к искусственному отбору клещей на жизнеспособность и, как следствие, вызывает увеличение скорости их роста. Доказана мутагенная активность препаратов нафталина, применяемых в борьбе с варроозом, на репродуктивную функцию и развитие потомства медоносных пчел [3].

Приведенные выше данные убедительно доказывают необходимость создания экологически чистых пасек, содержания сильных семей пчел, отказа от применения лекарственных средств при получении продукции пчеловодства, изучения вопросов влияния окружающей среды на развитие пчелиных семей и клещевой фон пасеки. Проведенные автором исследования позволили выявить следующее [5]:

1. Оценка влияния атмосферных выбросов производилась на основе данных о степени заболеваемости пыльцевых зерен и нектаропродуктивности медоносных трав: эспарцета, донника, гречихи, фацелии при содержании свинца в почве менее и более 20 мг/кг почвы [4]. Отбор пыльцы для палинологического анализа и нектара с цветков производился с каждой группы участков, удовлетворяющих следующим требованиям:

- первая группа – медоносные травы выращивались в зоне атмосферных выбросов, при содержании свинца в почве более 20 мг/кг;
- вторая группа – медоносные травы выращивались на экологически чистом участке, который ранее не использовался для производства сельскохозяйственной продукции и не подвергался воздействию атмосферных выбросов, содержание свинца в почве менее 20 мг/кг.

В таблице 1 представлены результаты анализа воздействия атмосферных выбросов на «ущербность» пыльцевых зерен и нектарную продуктивность эспарцета, донника, гречихи и фацелии.

Таблица 1

Влияние атмосферных выбросов на «ущербность» пыльцевых зерен и нектарную продуктивность медоносных трав, n = 10

Группа	«Ущербность» пыльцевых зерен, %				Нектарная продуктивность сахара, мг			
	lim	M ± m	Cv, %	td	lim	M ± m	Cv, %	td
Эспарцет:								
1 группа	30-32	30,8 ± 0,26	2,7	79,7	0,4-0,6	0,52 ± 0,03	17,3	17,3
2 группа	2-4	2,9 ± 0,23	25,5	-	1,1-1,3	1,21 ± 0,03	7,4	-
Донник:								
1 группа	22-24	22,9 ± 0,26	3,6	57,1	0,7-0,9	0,77 ± 0,03	11,7	53,5
2 группа	2-4	2,9 ± 0,23	25,5	-	2,8-3,0	2,91 ± 0,03	3,1	-
Гречиха:								
1 группа	15-17	16,3 ± 0,26	5,0	38,3	1,9-2,1	1,97 ± 0,03	4,6	32,0
2 группа	2-4	2,9 ± 0,23	25,5	-	9-11	10,3 ± 0,26	8,0	-
Фацелия:								
1 группа	35-37	35,7 ± 0,26	2,3	93,7	5-7	6,3 ± 0,26	13,0	30,8
2 группа	2-4	2,9 ± 0,23	25,5	-	17-19	17,7 ± 0,26	4,6	-

Из данных таблицы 1 можно сделать вывод, что повышенное содержание свинца в почве приводит к следующим негативным последствиям:

- нектарная продуктивность эспарцета снижается на 57,0 %, а количество «ущербных» пыльцевых зерен увеличивается в 10,6 раза;

- нектарная продуктивность донника желтого снижается на 73,5 %, а количество «ущербных» пыльцевых зерен увеличивается в 7,8 раза;

- нектарная продуктивность гречихи снижается на 80,9 %, а количество «ущербных» пыльцевых зерен увеличивается в 5,6 раз;

- нектарная продуктивность фацелии снижается на 64,4 %, а количество «ущербных» пыльцевых зерен увеличивается в 12,3 раза.

В результате для экологической оценки пасек могут быть рекомендованы следующие показатели и критерии:

- количество «ущербных» пыльцевых зерен к общему их количеству в образцах медоносных трав не должно превышать 3 %;

- содержание свинца в почве не должно превышать 20 мг/кг.

2. Появление клеща *Varroa Jacobsoni* на пасеках России привело к массовой гибели семей пчел в 1970-е годы, однако применение в настоящее время акарицидных препаратов для борьбы с клещом остановили массовую гибель семей пчел на пасеках, но способствовали появлению ряда других проблем [3]:

- после применения акарицидных препаратов происходит адаптация клещей к этому препарату и снижение его эффективности. Как следствие, это вызывает увеличение скорости роста численности клещей;

- выявлены случаи попадания акарицидного препарата в продукты пчеловодства, что, естественно, недопустимо, поскольку воздействие на организм человека акарицидных препаратов не изучено.

Вследствие этого можно предположить, что повышенные дозы свинца в почве также могут повлиять на развитие клеща *Varroa Jacobsoni*.

Исследования проводились по двум вариантам:

- в первом варианте (контроль) содержание свинца в пробах почв не превышало 20 мг/кг;

- во втором варианте содержание свинца в пробах почв превышало 20 мг/кг.

Методом подбора пар семей-аналогов на каждом участке размещали три группы семей пчел, по 10 в каждой. Эти группы семей пчел отличались друг от друга разностью внешнего воздействия, которое было на них произведено для экспериментальных задач. А именно:

- первая группа – семьи пчел обрабатывались акарицидным препаратом бипином, согласно прилагаемой инструкции;

- вторая группа – семьи пчел подвергались обработке зоотехническим способом [2] с объединением отводка после спаривания матки;

- третья группа – борьба с клещом *Varroa Jacobsoni* не проводилась.

Результаты исследований по клещевому фону семей пчел по всем вариантам опыта представлены в таблице 2.

Из данных, представленных в таблице 2, следует, что применение зоотехнического способа борьбы с клещом *Varroa Jacobsoni* при содержании свинца в почве менее 20 мг/кг позволяет получить клещевой фон пасеки менее 3,0 %.

Таблица 2

Влияние атмосферных выбросов на клещевой фон пчелиных семей по группам опытных участков, n = 10

Группа	Клещевой фон							
	свинца в почве < 20 мг/кг				свинца в почве > 20 мг/кг			
	lim	M ± m	Cv, %	td	lim	M ± m	Cv, %	td
1 группа	4-5	4,7 ± 0,09	10,2	–	7-9	7,8 ± 0,17	11,7	15,5
2 группа	2-3	2,8 ± 0,07	13,6	–	4-6	4,7 ± 0,17	19,4	10,5
3 группа	7-9	8,2 ± 0,17	11,1	–	11-13	12,2 ± 0,17	7,5	16,7

Таблица 3

Эффективность экологически чистых пасек, n = 10

Показатель	Свинца в почве < 20 мг/кг	Свинца в почве > 20 мг/кг	Эффективность экологически чистых пасек, %
Нектарная продуктивность сахара, мг (по доннику)	2,91 ± 0,03	0,77 ± 0,03	277,9
Отклонение морфологических показателей цветочной пыльцы, % (по доннику)	2,9 ± 0,23	22,9 ± 0,26	689,6
Клещевой фон, %	2,8 ± 0,07	7,8 ± 0,17	178,6
Товарный мед, кг	42,4	15,0	182,6
Кормовой мед, кг	26,0	26,0	–
Себестоимость одной медовой единицы, у.е.	29,4	43,1	46,6
Прибыль, у.е.	2230,0	–	–
Убыток, у.е.	–	267,0	–
- уровень рентабельности, %	110,9	–	–
- уровень убыточности, %	–	15,1	–

3. Эффективность экологически чистых пасек представлена таблице 3.

4. Эколого-экономическая эффективность пасеки при использовании зоотехнического

способа борьбы с клещом, содержания свинца в почве менее 20 мг/кг (комплексный метод), в зависимости от нектарного ресурса представлена в таблице 4.

Таблица 4

Эколого-экономическая эффективность производственного процесса пасеки, n = 10 [2]

Показатели (на одну семью пчел)	Нектарный ресурс в расчете на одну семью пчел (по меду), кг									
	комплексная система					традиционный процесс				
	50	75	100	125	150	50	75	100	125	150
K _v	0,13	0,19	0,29	0,53	1,0	0,06	0,12	0,22	0,5	1,0
Э _y , у.е.	4089	3807	3337	2209	–	3412	3194	2831	1815	–
Э _з , у.е.	601	883	1353	2481	4690	190	408	771	1787	3602
Э _о , у.е.	60,1	88,3	135,3	248,1	469,0	6,8	14,6	27,5	63,8	128,6
Э _с , %	265					–				

где K_v – коэффициент снижения продуктивности семей пчел, от влияния внешней среды, определяется путем отношения минимального количества производимого товарного меда к максимальному; Э_y – эколого-экономический ущерб от влияния внешней среды, который определяется по формуле $Э_y = V \cdot (1 - K_v) \cdot Ц_{ме}$, (где V – максимальный объем производства товарного меда – 47,0 кг; Ц_{ме} – цена реализации одной медовой единицы – 100 у.е.), Э_з – эколого-экономический

эффект от снижения влияния внешней среды определяется по формуле $Э_z = V \cdot Ц_{ме} - 3 - Э_y$ (где 3 – затраты на одну семью пчел (комплексный метод – 10 у.е., традиционный производственный процесс – 28 у.е.)); Э_о – общая эколого-экономическая эффективность определяется по формуле $Э_o = Э_z : 3$.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что общая эколого-экономическая эффективность (Э_о) экологически чистых пасек при нектарном ресурсе (по меду) 150 кг/г, в

сравнении с традиционным производственным процессом, выше на 265 %.

На основании проведенных исследований можно сделать вывод, что для эффективного развития пчеловодства в Республике Башкортостан необходима реализация следующих мер:

1. Создание экологически чистых пасек, для чего следует выполнить следующее:

1) личным подсобным хозяйствам (ЛПХ) пчеловодного направления разрешить законодательно получать земельные участки сельскохозяйственного назначения в размере до 2,5 га в долгосрочную аренду сроком до 49 лет, постоянное пользование или в собственность с правом постройки капитальных строений: дома пчеловода, зимовника для пчел и других хозяйственных построек; земельные участки лесного фонда в размере до 2,5 га в долгосрочную аренду сроком до 49 лет с правом постройки некапитальных строений: дома пчеловода, зимовника для пчел и других хозяйственных построек; земельные участки сельскохозяйственного назначения в долгосрочную аренду сроком до 49 лет, для создания собственных экологически чистых нектарных ресурсов пасек обеспечивающих (по меду) не менее 150 кг на одну семью пчел;

2) крестьянским (фермерским) хозяйствам (КФХ) пчеловодного направления разрешить законодательно получать земельные участки сельскохозяйственного назначения в долгосрочную аренду сроком до 49 лет для создания собственных экологически чистых нектарных ресурсов обеспечивающих (по меду) не менее 150 кг на одну семью пчел, ведения сельскохозяйственного производства с правом постройки капитальных строений (дома пчеловода, зимовника для пчел и других хозяйственных построек хозяйственного и производственного назначения); земельные участки лесного фонда в размере до 2,5 га в долгосрочную аренду сроком до 49 лет с правом постройки некапитальных строений (дома пчеловода, зимовника для пчел и других хозяйственных построек).

2. Установить критерии экологически чистых пасек:

– «ущербность» пылевых зерен в образцах пыльцы не более 3,0 %;

– содержание свинца в почве не более 20 мг/кг;

– «клещевой фон» семей пчел не более 3,0 %;

– обеспеченность нектарными ресурсами, в расчете на одну семью пчел, не менее 150 кг по меду.

3. Отказаться от применения акарицидных препаратов путем перехода на зоотехнический способ борьбы с клещом *Varroa Jacobsoni*.

4. Обязать глав муниципальных образований организовать муниципальные логистические (торгово-закупочные) центры по закупке, переработке и реализации сельскохозяйственной продукции.

5. Обязать администрации городских округов организовать постоянно действующие малые рынки сельскохозяйственной продукции.

6. Обязать региональные правительства обеспечить государственную сертификацию пасек, продуктов пчеловодства и вошины.

Литература

1. Жилин В.В. Инновационные аспекты повышения эффективности технологических процессов в пчеловодстве. Уфа: Гилем, 2008.

2. Жилин В.В. Патент на изобретение № 2308831 «Способ борьбы с варроозом пчел и способ определения периода наименьшей жизнеспособности самок клеща *Varroa Jacobsoni*» от 27.10 2007 г.

3. Жилин В.В. Технология производства продукции пчеловодства в условиях варроозной инвазии. Уфа: Гилем, 2006.

4. Жилин В.В. Рекомендации по организации производства нектарных ресурсов. Уфа: Гилем, 2006.

5. Жилин В.В. Эффективность инновационных производственных процессов в пчеловодстве. Уфа: Гилем, 2008.

6. Жилин В.В., Хабилов Г.А. Рекомендации по оценке эколого-экономической эффективности пчеловодства. Уфа: Гилем, 2006.

Бизнес-модели нефтесервисных услуг и эффективность нефтяных компаний

В. САМОЙЛЕНКО

Модели сервисных услуг в нефтегазодобыче. Качество взаимодействия нефтегазодобывающих структур и сервисных компаний, которые оказывают им услуги, во многом определяет общую эффективность нефтегазодобычи. Внутри этой системы взаимоотношений российские нефтяные компании по-разному решают вопрос, связанный с владением и управлением нефтесервисом. Если, согласно мировым тенденциям последних десятилетий, крупные компании стараются перенести большую часть рисков на специализированные нефтесервисные компании, то в отечественной практике есть приверженцы иной стратегии в отношении нефтесервисов.

В ряде работ отечественных экспертов [1; 9] организация сервисных услуг в сфере нефтегазодобычи классифицируются на следующие три основные «модели развития сервисных услуг»:

1. бизнес-модель нефтяной компании с интегрированными сервисными подразделениями;
2. бизнес-модель с использованием иностранных сервисных компаний;
3. бизнес-модель нефтегазовой компании без сервисных предприятий.

Другая точка зрения состоит в том, что выделение бизнес-модели под номером 2 излишне и можно ограничиться только моделями 1 и 3 [6]. Аргументация сторонников данного подхода состоит в том, что любая нефтегазовая компания покупает услуги нефтесервисов вне зависимости от того, собственные это подразделения или внешние подрядчики; российские, смешанные или же иностранные компании. Поэтому бизнес-модель, предусматривающую

использование иностранных сервисных компаний, скорее следует воспринимать не как отдельную бизнес-модель, а как некоторую специфику ведения бизнеса, которая равно применима в других бизнес-моделях (1 и 3), что, собственно, имеет место на практике.

Таким образом, имеются две полярные бизнес-модели нефтегазодобычи:

– модель, при которой компания интегрирована с нефтесервисами и другими бизнесами (как правило, такая модель содержит структуры добычи нефти и газа (upstream); переработку и сбыты (downstream); нефтесервисы (oilfield services (OFS)), управления материально-технического обеспечения, капитального строительства и другие структуры);

– модель, не содержащая нефтесервисов или содержащая их в минимально необходимом количестве и ориентированная в первую очередь на капитализацию, управление портфелем активов, удельными показателями, поддержание деловой репутации и т.д.

Первая модель предполагает обслуживание процесса добычи нефти и газа (включая развитие), собственными силами. Вторая – за счет покупки специализированных услуг с рынка. Первая модель часто ассоциируется с базовой (исторической) территорией добычи углеводородов конкретной компании, тогда как вторая модель в большей степени характерна для транснациональных компаний, ведущих добычу на различных месторождениях и в разных странах. Соответственно, первая модель выполняет социально-экономическую роль с региональным аспектом, в то время как приоритетом второй является, как правило, реализация финансовых целей (движение по градиенту стоимости/прибыли).

Нефтесервисный рынок. Рассмотрим динамику развития отечественного нефтяного рынка в координатах двух рассмотренных моделей. Это важно еще и потому, что развитие нефтесервисного рынка во многом определялось именно трансформацией нефтяного рынка, в частности, темпами и объемами вывода нефтесервиса из контура управления крупных добывающих компаний.

Очевидно, что состояние всех российских нефтяных компаний в начале 1990-х годов соответствовало модели № 1. Дальнейший процесс формирования нефтяного рынка РФ с точки зрения отношения компаний к владению и управлению нефтесервисами схематично показан на рисунке 1. На нем отображены наиболее крупные компании, суммарный объем добычи которых составляет более 80–90 % всей добываемой в стране нефти.

Первое, что обращает на себя внимание, – это поступательный характер кривой трансформации рынка в направлении модели № 2 (бизнес-модель нефтегазовой компании без сервисных предприятий). Из своего начального состояния, когда нефтесервисы имели статус внутригрупповых структур, большинство компаний за 10 с небольшим лет перешли в новое состояние и вывели часть сервисов из своей структуры вначале на аутсорсинг, а затем продали их третьим лицам. Самой консервативной в этом плане была и остается компания «Сургутнефтегаз». Интересно, что в последнее время «Роснефть», в отличие от общемирового тренда, сделала «разворот на 1800» и приняла решение идти по пути увеличения своего присутствия в нефтесервисном секторе, нарастив с этой целью свои нефтесервисные активы [2].

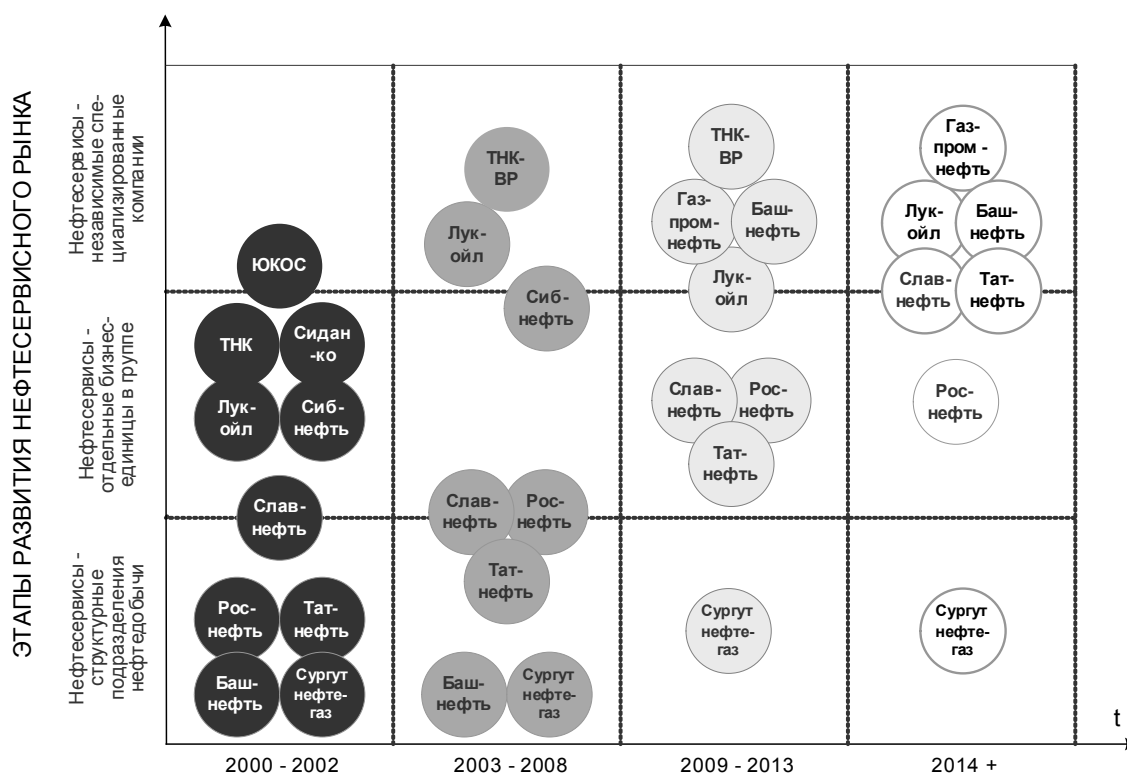

Рис. 1. Динамика российского нефтяного рынка с точки зрения отношения компаний к владению нефтесервисами

Следует обратить внимание на изменение состава системообразующих компаний нефтяного рынка. За довольно короткий отрезок времени (2000–2013 гг.) пять крупнейших компаний по разным причинам прекратили свое существование. Речь идет о «ТНК», «Сиданко», «ЮКОС», «Сибнефть» и «ТНК-ВР». Их основные добывающие и непрофильные активы в конечном счете достались ОАО «Роснефть» и ОАО «Газпром». Характерно, что все ушедшие с рынка компании ориентировались на стратегию получения нефтесервисных услуг с рынка и в меру своего понимания, сил и интересов пытались развивать его.

Необходимо заметить, что компании, которые принадлежали к числу лидеров по выводу нефтесервисных активов из своего периметра управления («ТНК», «Сиданко», «ЮКОС», «Сибнефть» и «ТНК-ВР»), никогда не отчуждали полностью профильные¹ нефтесервисы. Каждая компания удерживала в своем периметре управления и развивала те сервисы, которые были для нее стратегически важны. Так, «ЮКОС» какое-то время владел производством и ремонтом ЭЦН² («Алнасмаш» и «Алнасмаш-сервис»), «ТНК-ВР» – буровыми компаниями «НБН», «ОБН», предприятием по ремонту скважин «ЧНС» и другими.

Если же обратиться к упоминавшимся в начале статьи бизнес-моделям, то можно отметить, что верхняя часть матрицы (нефтесервисы – независимые специализированные компании) на рисунке 1 как раз и олицетворяет бизнес-модель под номером 3, тогда как два нижних уровня матрицы есть не что иное, как модель № 1. При этом совершенно не принципиально, каков статус нефтесервисов нефтегазовой компании – структурные подразделения или дочерние общества, главное, что ее гене-

ральная линия состоит во владении и управлении нефтесервисом.

Нефтесервисные активы, выведенные из нефтегазовых компаний в период с 2000 по 2013 г. (в основном это относится к верхнему уровню матрицы на рис. 1), оказались сконцентрированными в разных компаниях:

- буровые активы «Лукойл» – в «БКЕ» («Буровая компания “Евразия”»);

- буровые активы НК «ЮКОС» – в «ССК» («Сибирская сервисная компания»), которую затем поглотил «Шлюмберже»;

- две буровые компании и две компании по ТКРС (текущему (или подземному) и капитальному ремонту скважин), тампонажное управление «ТНК-ВР» приобрело «Weatherford»³;

- часть бригад ТКРС «ТНК-ВР» перешла к ОАО «Интегра», которое затем поглотило и ряд небольших региональных компаний;

- активы по производству и ремонту ЭЦН «ТНК-ВР» перешли в собственность ОАО «Римера» (группа «ЧТПЗ»);

- нефтесервисные активы «Башнефти» были выкуплены в 2013 г. АФК «Система» и на их базе создан холдинг «Таргин» [3];

- нефтесервисы «Сибнефть» (ныне «Газпром нефть») «СБК» («Сервисная буровая компания») и «СТК» («Сервисная транспортная компания») стали фундаментом компании ОАО «РУ-Энерджи Групп» [4] и т.д.

Остальные менее значимые нефтесервисные активы управляются иными игроками или стали самостоятельными.

Как уже говорилось выше, основу нефтесервисного рынка составили специализированные предприятия, образовавшиеся после вывода соответствующих структурных подразделений из нефтяных компаний. Значительно меньшая часть независимых нефтесервисов была

¹ В нефтегазодобывающих компаниях было и остается много непрофильных сервисных активов, включая питание и проживание на промыслах, медийные активы, сельскохозяйственные предприятия, рекламные, торговые, складские компании и т.д.

² Электроцентробежный погружной насос (часто используют словосочетание «установки электроцентробежных насосов» – УЭЦН).

³ В августе 2015 г. «Роснефть» выкупила эти нефтесервисные активы у «Weatherford», то есть, по сути, вернула нефтесервисный бизнес, который ранее принадлежал «ТНК-ВР».

создана вновь, причем, как правило, на базе уже существовавших активов. Третья группа представлена нефтесервисами, которые остались в нефтяных компаниях (модель № 1). И, наконец, на российском рынке еще до начала массового выведения нефтесервисов из нефтяных холдингов появились крупные международные нефтесервисные компании, такие как «Шлюмберже» (Schlumberger), «Халлибёртон» (Halliburton), а

затем и другие (Baker Hughes, Weatherford и пр.). Нефтесервисный рынок до 2014 г. был весьма подвижен и формировался под влиянием реструктуризаций компаний, слияний и поглощений, органического развития нефтесервисов.

В результате всех этих преобразований была сформирована следующая структура нефтесервисного рынка РФ по состоянию на 2014 г. (рис. 2).

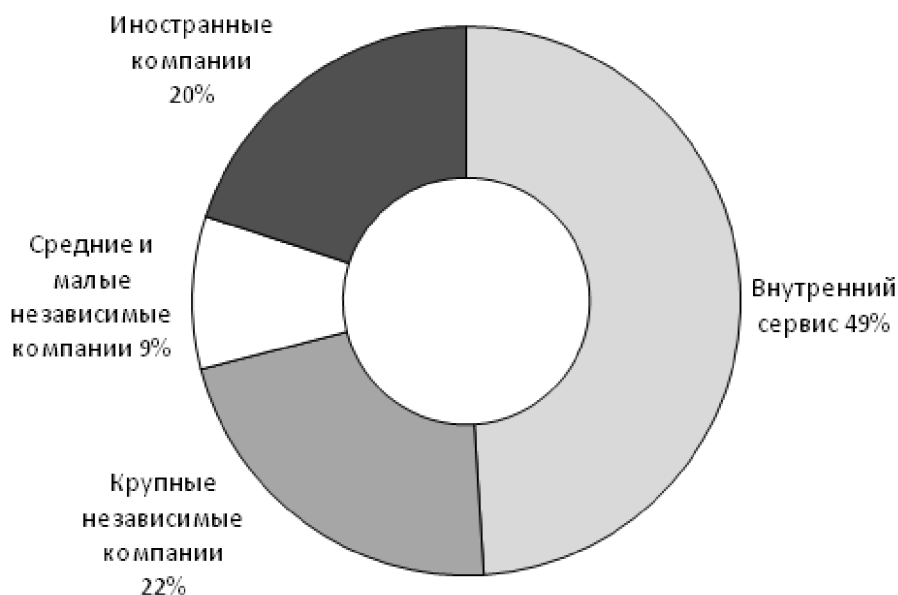

Рис. 2. Структура российского нефтесервисного рынка

Приведенные показатели долей рынка, хотя и обладают определенной погрешностью (рынок динамичен всегда, тем более во время кризиса), но в целом дают достаточно точное представление о текущем состоянии рынка. По разным оценкам, суммарный объем нефтесервисного рынка России в 2014 г. составил порядка 22–25 млрд дол., или примерно 16–18 % всего мирового нефтесервисного рынка.

Если рассматривать нефтесервисный рынок в разрезе различных сегментов (видов услуг), то можно отметить, что некоторые из них характеризуются пространственно-географической мобильностью, в то время как другие, наоборот, выступают как сугубо локальные, с небольшим радиусом охвата других территорий. В одних регионах добычи конкурентный ландшафт отсутствует как таковой, и тогда компании-заказчику приходится мобилизовать туда свой сервис, например, собственные

бригады по ремонту скважин. Напротив, в других регионах (например, в Западной Сибири) вполне достаточно бригад ТКРС, и в таком случае перед добывающей компанией стоит вопрос выбора наиболее подходящего подрядчика (собственного или внешнего), имеющего необходимые показатели надежности, цены, качества услуг и пр.

Существуют высокотехнологичные сегменты нефтесервисного рынка, которые требуют глубокой специализации, научной базы и соответствующего оборудования (глубоководное, арктическое бурение или многостадийный гидроразрыв пласта), а есть сервисы более простые с технологической точки зрения. И если во втором случае сегмент может характеризоваться как «рынок покупателя», где главная действующая сила в отношениях – заказчик (нефтегазовая компания), то в первом случае, как правило, это сегмент, который можно

определить как «рынок продавца», то есть нефтесервиса. Поэтому добывающая российская компания (даже имеющая собственные нефтесервисные предприятия аналогичного профиля) будет контрактироваться у мировых нефтесервисных компаний, поскольку собственный сервис не способен оказывать такого рода услуги.

Есть открытые сегменты услуг/работ внутри добывающих компаний, объемы которых они выставляют на тендерные (конкурсные) торги, а есть закрытые, как, например, «энерго-нефти», которые присутствуют практически в каждом регионе деятельности нефтегазовой компании.

Эффективность бизнес-моделей добывающих компаний. Эффективность бизнеса в целом и нефтегазового в частности определяется множеством способов. Измерять результаты деятельности компании можно при помощи разных показателей: объемы добычи, выручка, прибыль, капитализация и пр. Есть различные рейтинговые системы, фондовые биржи, PR-, GR-, IR- и др. отношения/подразделения по формированию необходимого образа компании.

Energy Intelligence Group, например, составила рейтинг крупнейших мировых нефтегазовых компаний в соответствии с баллами, вычисленными по специальной формуле, которой пользуется уже более 35 лет [10]. При этом анализируются следующие показатели: запасы, обороты, прибыль и объем добычи, причем одним из основных показателей считается объем нефтяных запасов [7].

Имеют место и более «экзотические» примеры, например, когда авторы оценивают деятельность первых лиц компаний («оценивается эффективность достижения руководителями поставленных перед ними целей») и отождествляют полученные результаты с эффективностью операционной деятельности компании в целом [5].

На наш взгляд, для оценки эффективности используемой бизнес-модели компании следует воспользоваться простым и интуитивно понятным критерием. Представляется, что удельный показатель объема добытой нефти на одного работающего компании в подразделениях, занятых добычей нефти, вполне будет соответствовать этой цели. В пользу выбора этого показателя можно привести следующие аргументы:

- в нем отражается практически весь операционный результат добычи (upstream) и нефтесервисов (OFS);

- он носит характер натурального показателя и редуцирует влияние ряда факторов, связанных с реализацией сырой нефти, таких как курсы валют, направления продаж, искусство трейдеров и пр.;

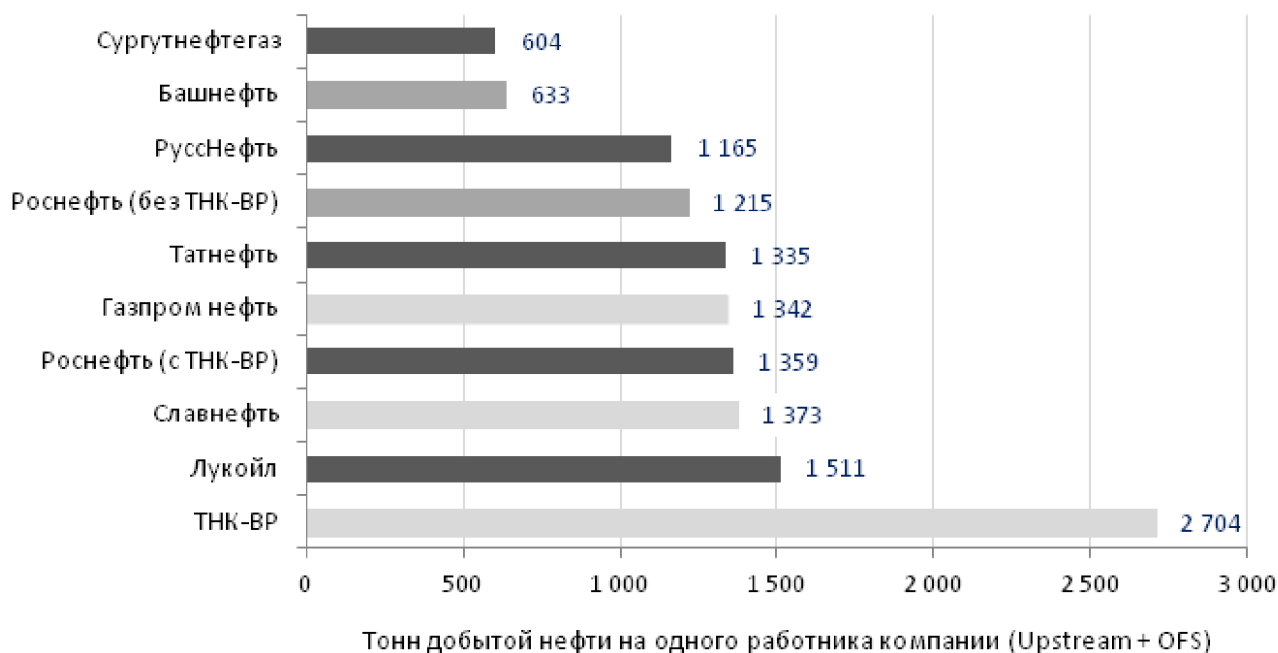
- добыча соотносится только с тем персоналом, который самым непосредственным образом ее определяет (доля численности персонала корпоративного управления – в пределах случайной погрешности);

- повышается точность за счет дифференциации результатов добычи с результатами других дивизионов компании, скажем, дивизиона переработки нефти и сбытов (downstream).

Вместе с тем необходимо отметить, что данный показатель не может быть признан наилучшим, поскольку также имеет недостатки, в частности, не дает представления об операционных затратах на добычу нефти (\$/тн или \$/бар.).

Для сравнения эффективности добычи (с нефтесервисами в контуре управления компании и без них) были проанализированы данные за период 2011–2013 гг. по девяти крупнейшим нефтяным компаниям РФ [8], которые добывают солидарно более 85 % всей нефти в стране.

Результаты анализа (средние показатели по каждой компании за 3 года) приведены на рисунке 3.

Примечание: средние значения для «Роснефть» (без «ТНК-ВР») и «ТНК-ВР» рассчитаны по данным за 2011 и 2012 гг.

Рис. 3. Эффективность компаний по критерию объема добычи нефти на одного работника

Если обратить внимание на позицию самой консервативной компании в вопросе отношения к собственным сервисам («Сургутнефтегаз»), то ее можно характеризовать как наименее эффективную. Действительно, объем добытой данной компанией нефти составил всего лишь 604 тн/чел. в год, что как минимум в 2 раза ниже, чем показатели подавляющего большинства компаний¹.

Два крайних варианта («ТНК-ВР» и «Сургутнефтегаз»), которые как раз и обнаруживают свою 100%-ную принадлежность к конкретной модели (первые – без сервисов, вторые – только со своими интегрированными сервисами), различаются по эффективности в 4,4 раза – 2704 тн/чел. против 604 тн/чел.

Возникает вопрос, что произойдет в том случае, если разные бизнес-модели будут совмещены, как, например, в случае слияния компаний «Роснефть» и «ТНК-ВР»? Практика показывает, что в таком случае будет выбрана та

модель, которую предпочтет руководство/собственник новой компании. В упомянутом примере избрана, вернее, оставлена в новой объединенной компании консервативная модель «Роснефти». При этом, однако, показатель эффективности объединенной компании, несомненно, вырастет. Так произошло и в данном случае. До объединения с «ТНК-ВР» первая имела средние показатели эффективности за 2011–2012 гг. – 1215 тн/чел., а вторая – 2704 тн/чел. В первый год с момента объединения компаний показатель «Роснефть» вырос на 36 % до 1649 тн/чел. (ср. позицию «Роснефть» без «ТНК-ВР», которая представлена на рисунке 3). Такое стремительное повышение эффективности «Роснефть» было предопределено исключительно высоким значением эффективности присоединенных активов «ТНК-ВР», но никак не моделью «Роснефть» или резким ростом добычи интегрированной компании.

¹Нефтесервисы «Русснефть» интегрированы в данную группу компаний (бизнес-модель № 1), в частности, в Поволжскую группу («Саратовнефтегаз» и «Ульяновскнефть»).

Еще один пример, подтверждающий тезис о преимуществе модели без сервисов, – это «Башнефть». Показатель эффективности компании «Башнефть» до 2013 г. был самым низким среди проанализированных компаний (2011 г. – 335 тн/чел., 2012 – 367 тн/чел.), а в 2013 г. значение данного показателя увеличилось почти в 3,3 раза (до 1196 тн/чел.) по сравнению с показателями 2012 г. преимущественно за счет вывода и отчуждения основных нефтесервисных активов.

Таким образом, с точки зрения критерия объема добытой нефти на одного работающего (upstream+OFS) модель добычи, не имеющая собственных сервисов и привлекающая услуги с рынка, оказывается эффективнее по сравнению с моделью, которая базируется на стратегии владения нефтесервисами, потому что она:

- имеет более высокую производительность труда;
- подвержена меньшему числу корпоративных рисков;
- обладает большей гибкостью в процессе реализации производственной программы;
- не отвлекает ресурсы на развитие непрофильных (для добычи) производств;
- достигает большей прозрачности в своей деятельности и др.

При этом необходимо понимать, что, кроме экономических мотивов в вопросе выбора бизнес-модели нефтегазодобычи, всегда присутствует и ряд других компонентов: политический, ресурсный, целевой, личностный и т.д. Поэтому далеко не всегда решающим фактором при выборе бизнес-модели нефтегазодобычающей компании будет экономическая эффективность.

Литература

1. Антропова А.С. Эффективность бизнес-моделей развития нефтегазового сервиса в России // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 1. С. 27–39.
2. Мордюшенко О. «Роснефть» готова к автономному бурению // Коммерсантъ. 2016. 11 февр.
3. Официальный сайт ОАО «Таргин» [Электронный ресурс]. URL: <http://targin.ru>
4. Официальный сайт ОАО «РУ-Энерджи Групп» [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-energy.yota.3ebra.com>
5. Рейтинг эффективности нефтяных компаний РФ 2012, ИНТАЛЕВ [Электронный ресурс]. URL: http://www.intalev.ru/upload/iblock/cd2/rating_oil_2012.pdf
6. Токарев А.Н. Нефтесервис в России: в поисках эффективной структуры // ЭКО. 2010. № 4. С. 33–52.
7. Тутушкин А., Борисов Н., Левинский Р. Все дело в запасах // Ведомости. 2004. 5 дек.
8. Центр раскрытия корпоративной информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-disclosure.ru/>
9. Шраер А.В. Бизнес-модели развития нефтегазового сервиса в России // Российское предпринимательство. 2011. № 10. Вып. 1. С. 107–112.
10. Energy Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <http://www.energyintel.com/>

Руководство и лидерство: теоретико-сравнительный анализ понятий

П. АВДЕЕВ

С древнейших времен и вплоть до XX в. лидерство рассматривалось исключительно в контексте позиции правителя. Первые попытки изучения лидерства можно усмотреть в таких трактатах, как «Артхашастра», составленный советником-брахманом Каутильей, «Искусство войны» Сун-цзы (VI–V вв. до н.э.) [8], «Хай Фэй-цзы» (Хай Фэй, III в. до н.э.) и «36 стратагем» [6], а также в произведениях Шэнь Бухая (IV в. до н.э.) [11]. Из более поздних мыслителей можно отметить Н. Макиавелли, составившего образ лидера-государя в книге «Государь» [7]. Однако все эти попытки описать лидерство имеют мало общего с современным научным подходом к проблеме характеристики лидерства.

Вопрос различения руководства и лидерства является актуальным на сегодняшний день по ряду причин. Так, большинство исследований в области лидерства проводятся за рубежом, а ведущие теории, модели и методы формирования лидерства чаще всего поставляются из США. Проблема же заключается в разграничении трактовки понятия «лидерства» зарубежными и российскими исследователями, о чем далее и пойдет разговор.

Зарубежные попытки отделить лидеров от руководителей. В теориях зарубежных ученых под лидером чаще всего понимается лицо, занимающее определенную должность. Причина этого кроется в том, что английское слово «leadership» является синонимом понятий «лидерство» и «руководство» в русском языке. В итоге феномены лидерства и руководства в англоязычных странах не отделяются друг от друга.

Конечно, многие англоязычные авторы предпринимали попытки разделения рассматриваемых понятий, используя слово «headship» («главенство») в противоположность понятию «leadership» («лидерство»), но, к сожалению, во многих западных теориях понятия «руководство» и «лидерство» остаются равнозначными.

Впервые внимание на данную проблему обратил С. Джибб, который попытался дифференцировать данные понятия (табл. 1).

С. Джибб обратил внимание на содержательные моменты феноменов лидерства и руководства, описав их различными терминами. Хотя некоторые из них спорны, все же он обозначил определенную тенденцию в исследовании данного вопроса.

Таблица 1

Сравнительная характеристика руководства и лидерства (по С. Джиббу) [14]

Руководство	Лидерство
Поддерживается организационной системой	Обусловлено стихийным одобрением группы за вклад в групповые достижения
Руководитель ставит цели, исходя из профессиональных интересов вне зависимости от пожеланий группы	Лидер отражает интересы и пожелания членов группы
Нет необходимости опираться на чувства и единое мнение группы	Необходимо учитывать чувства и единое мнение группы
Есть социальный разрыв между подчиненными и руководителем, который стремится сохранить его	Лидер выступает как один из членов группы
Руководитель получает полномочия от внегруппового источника власти	Лидера властью наделяет сама группа

Авдеев Павел Сергеевич, аспирант Всероссийской академии внешней торговли. E-mail: avdeevps@gmail.com

В 1977 г. А. Залезник также попытался сформулировать различия между лидерами и менеджерами (табл. 2).

Следует отметить позицию современного американского психолога Уоррена Бенниса, который сформулировал ряд отличий лидеров от менеджеров (табл. 3).

Подходы к разделению лидерства и руководства в отечественной литературе. Несмотря на то, что большинство российских авторов заимствуют понятие лидерства из иностранных источников, наблюдается большой прорыв в этой области. Специфика оригинальных российских исследований лидерства заключается в противопоставлении понятий «лидерство» и «руководство».

Российские авторы в феномене руководства выделяют две составляющие: руководство (или администрирование) и лидерство. Руководство понимается ими как фактор официальной структуры, обеспечивающий социальную организацию и управление групповой деятельностью [2]. Руководство – целенаправленное воздействие на людей, которое приводит к их осознанному и активному поведению в соответствии с намерениями руководителя [2, 49];

Лидерство же понимается как процесс психологического влияния человека на других людей при их совместной жизнедеятельности, который осуществляется на основе подражания, восприятия, понимания друг друга, внушения [9, 61].

Таблица 2

Сравнительные характеристики управляющих и лидеров (по А. Залезнику) [4]

Менеджеры / управляющие	Лидеры
Получают свою должность	Берут на себя руководство
Принимают и поддерживают статус-кво	Бросают вызов статус-кво
Стремятся к предсказуемости и порядку	Стремятся к переменам
Реализуют цели	Формируют видение
Организуют дела по реализации события	Создают события
Действуют в рамках правил, регламентов, стратегий, процедур	Действуют за пределами правил, регламентов, стратегий, процедур
Мотивируют персонал	Вдохновляют людей
Избегают рисков	Идут на риск
Разрабатывают порядок, поэтапность действий и сроки их выполнения	Разрабатывают концепции и стратегии
Контролируют соответствие критериям	Вырабатывают критерии, задают рамки
Акцент на тактике, структуре	Акцент на фундаментальных ценностях, общих целях
Организуют персонал	Сплачивают единомышленников
Заинтересованы в производительности	Заинтересованы в эффективности

Таблица 3

Различие между менеджером и лидером (по У. Беннису) [13]

Менеджер	Лидер
Применяет	Придумывает новое
Заимствует	Вводит
Поддерживает	Разрабатывает
Ориентируется на структуры и системы	Ориентируется на людей
Полагается на контроль	Полагается на доверие
Краткосрочные перспективы	Долгосрочные перспективы
Вопросы: «Как?» и «Когда?»	Вопрос: «Почему?»
Цель: итог	Цель: горизонт
Имитирует	Порождает
Принимает статус-кво как должное	Бросает вызов статусу-кво
Классический солдат	Сам себе хозяин
Делает все правильно	Делает все правильным

Исходя из этого, множество авторов пытались представить свои трактовки различий между лидером и руководителем.

В 1971 г. Б.Д. Парыгин выделил следующие различия лидерства и руководства:

1. Лидер осуществляет регуляцию межличностных отношений в группе, а руководитель – официальных отношений.

2. Лидерство возникает в условиях микро-среды, руководство же – элемент макросреды, выступающий в системе общественных отношений.

3. Лидерство возникает стихийно, руководитель назначается или выбирается.

4. Лидерство зависит от настроения группы, руководство – более стабильно.

5. Руководство в отличие от лидерства имеет систему санкций.

6. Процесс принятия решения руководителем более сложный и не всегда имеет истоки в группе, решения лидера всегда относятся к группе.

7. Сфера деятельности лидера – малая группа; руководитель представляет малую группу в более широкой социальной системе.

Позже российские исследователи стали активно развивать аргументацию для противопоставления этих понятий. Например, Р.С. Филонович следующим образом определяет отличительные особенности руководителя и лидера. Лидер – инноватор, работает по своим целям, вдохновляет, основу его действий составляет видение перспективы, он использует эмоции, полагается на людей, доверяет им, является

энтузиастом, дает импульс движению, реализует решения. В противоположность этому – руководитель – это администратор, который полагается на систему и выполняет цели, обозначенные вышестоящим руководством. Он составляет план, использует доводы, контролирует, является профессионалом, поддерживает движение, принимает решения [9].

А.А. Романов и А.А. Ходырев выделили следующие параметры лидера и руководителя (см. табл. 4).

А.А. Урбанович формулирует следующий перечень различий между руководством и лидерством (табл. 5).

О.В. Евтихов, обобщив различные представления о разнице руководства и лидерства, приводит свою классификацию различий [3]:

1. *Функциональные* – руководство выступает атрибутом официальной структуры и характеризует формальные взаимоотношения, лидерство характеризует психологические неформальные взаимоотношения, возникающие «по вертикали» («доминирование – подчинение»).

2. *Условия возникновения и прекращения* – руководитель назначается официально либо избирается. Официальные права и обязанности снимаются при освобождении от должности. Лидерство возникает естественным образом в процессе взаимодействия членов группы. Власть лидера сохраняется, пока есть люди, готовые следовать за ним.

Таблица 4

Параметры руководителя и лидера по отношению друг к другу [12]

Параметр	Реализация параметра	
	руководителя	лидера
«Рождение»	Назначение извне	Выдвижение изнутри коллектива
Предназначение	Выполнение санкционированных законом и должностными инструкциями функций	Выполнение функций, ожидаемых коллективом
Система санкций	Формализованная, нормализованная, согласованная, упорядоченная, последовательная	Неформальная, эмоциональная, авторитарная, субъективная, нерегламентированная
Разработка приказа и реализация решений	Согласованные, оформляемые документально, инструктивно предусмотренные, обязательные к выполнению	Несогласованные, документально не подтверждаемые, инструктивно не предусмотренные, необязательные к исполнению

Таблица 5

Различия между руководством и лидерством (по А.А. Урбановичу) [10]

	<i>Руководство</i>	<i>Лидерство</i>
Функционирование	Процесс правовой организации и управления совместной деятельностью коллектива	Процесс внутренней социально-психологической самоорганизации коллектива; управления общением и деятельностью
Социальная роль	Является посредником социального контроля и власти	Является субъектом групповых ожиданий и норм
Регламентация деятельности	Регламентируется правовым обеспечением	Обеспечивается морально-психологическими нормами;
Режим связей	Руководитель представляет группу во внешней среде	Лидер ограничен внутригрупповыми отношениями
Стабильность, устойчивость.	Более стабильно	Подвержено влиянию перепадов во мнениях и настроениях членов группы

3. *Источники власти* – руководитель наделяется официальными правами, связанными с организацией деятельности группы. Власть лидера основана на авторитете и подкрепляется установленными групповыми нормами.

Критика современных подходов к разделению руководства и лидерства. Основной ошибкой многих из рассмотренных подходов, с нашей точки зрения, является противопоставление лидера и руководителя на основе критерия успеха/неуспеха: часто под лидером подразумевается более успешный руководитель, нежели индивид, имеющий качественно отличные характеристики. Безусловно есть и другие аспекты, требующие уточнения:

1. *Различия по статусу.* Действительно, можно говорить об определенных различиях по статусу между лидерами и последователями, руководителями и подчиненными. Это подтверждает и теория идиосинкразического кредита Е. Холландера [15]. Однако социальный статус может быть и поддерживающим фактором лидерства, в том случае, если он повышает авторитет лидера и выступает нивелирующим лидерство фактором, когда последователи негативно рассматривают социальный статус лидера. Таким образом, имеет смысл говорить не о самом факте разрыва в статусе, а о величине этого разрыва. Другим важным аспектом является то, как сам лидер пользуется этим разрывом: важнее не сам факт наличия различий в статусе, а то, каким образом конкретный лидер

выстраивает межличностные отношения с подчиненными.

2. *Лидер выбирается спонтанно, в то время как руководитель назначается официально.* С нашей точки зрения, назначение лидера не может происходить спонтанно. Лидер также может выбираться, демонстрируя определенное поведение и тот поведенческий стиль, который наиболее приемлем в данной ситуации. Таким образом, лидер избирается не спонтанно, но другим способом, нежели руководитель.

3. *Руководителю безразлично мнение членов группы, а цели он ставит независимо от них.* Точка зрения, согласно которой руководитель совсем не учитывает интересы подчиненных, является утрированной, хотя бы по той причине, что от удовлетворенности подчиненных зависит их продуктивность. Руководитель будет игнорировать мнение подчиненных лишь до определенных пределов. Более того, он будет пытаться сделать так, чтобы подчиненные были удовлетворены своей работой. Это можно сказать и о лидере, но для него удовлетворение потребностей последователей будет более приоритетной задачей. Более того, лидер может побудить жертвовать своими интересами и целями последователей ради другой группы людей или более высокой цели. В случае с руководителем такого эффекта добиться крайне сложно. Различие проявляется в методах удовлетворения потребностей последователей. Руководитель будет опираться на внешнюю мотивацию, лидер –

на внутреннюю. Руководитель будет отдавать приоритет эффективности, лидер – удовлетворению потребностей последователей.

4. *Новизна и рутинность*. Данный параметр относится к особенностям гендера. В ряде работ автора было разработано два лидерских стиля, основанных на гендерных различиях [1; 2]: маскулинный и феминный. Одному из них присуща тяга к новизне, другому – к стабильности и порядку. Следовательно, оба качества – и тяга к новизне и стремление к порядку – могут относиться к лидерству, но стили лидерства в данном случае будут разные.

5. *Видение и цели*. Необходимо отметить, что важнее не сам факт различия видения или целей, а то, отражают ли они потребности последователей. Лидер формулирует ту или иную цель или видение, которое будет отражать потребности людей, в то время как руководитель будет побуждать людей принять то, что уже установлено организацией, вне зависимости от того, видение это или цели.

6. *Избегание риска и стремление к нему*. Данный пункт также был опровергнут в авторской модели стилей лидерства [1], поскольку он в большей степени отражает гендерные характеристики, нежели различие характеристик лидерства и руководства.

7. *Абстрактность и конкретность, стратегия и тактика*. Разделение по временной перспективе указывает только на различия в системе планирования, а также на попытку в очередной раз выставить лидера в качестве более продвинутого руководителя. Стоит, однако, отметить, что использование абстрактных концепций действительно в большей степени присуще лидерам, но связано это не столько с сущностными особенностями лидерства, сколько со спецификой стиля и языка, которая обусловлена разностью стратегического и тактического мышления. В абстрактных концепциях стратегического плана люди всегда могут найти отражение своих мыслей и идей, а также получить определенный эмоциональный заряд. Конкретная информация, составляющая основу тактических действий, не всегда на такое способна, если только она не отвечает напрямую целям последователей.

8. *«Люди» и «персонал»*. Многие исследователи акцентируют внимание на более «гуманном» восприятии лидером последователей и отмечают, что руководители понимают под людьми обезличенный «персонал». Этот пункт требует дальнейшей конкретизации того, что подразумевают авторы под словами «люди» и «персонал» и в чем, в таком случае, различие отношений лидера и руководителя к последователям и подчиненным.

9. *Эффективность и производительность*. Этот пункт разделяет понятия, освещающие два разных аспекта одного и того же явления. В таком случае стоило бы разделить лидерство и руководство следующим образом: руководитель заботится о повышении эффективности с помощью лучшей организации труда, а лидер – с помощью способности мотивировать.

10. *Имитация и создание нового*. Этот аспект совпадает с четвертым пунктом, связанным с новизной и рутинностью. Но он еще более оторван от реальности, так как относится в большей мере не к людям, а к конкретным организациям, как лидерам на рынке. Иначе нельзя объяснить игнорирование того факта, что и внутри компаний, занимающихся имитацией товаров, можно найти своих личностей-лидеров.

11. *В лидерстве отсутствует система санкций*. Система санкций есть всегда, только в случае руководства – это официальные санкции, а в случае лидерства – неофициальные и групповые.

Еще одним отличием позиции автора от вышерассмотренных является трактовка *лидерства и руководства не как противоположных понятий, а как понятий и феноменов, взаимодополняющих друг друга*. Такой подход допускает возможность повышения эффективности руководителя с помощью синергетического эффекта. Речь идет о том, что мы можем не только избежать развития навыков лидерства в ущерб руководству, но и наоборот, делать из руководителя настоящего лидера, а из лидера – эффективного руководителя.

Авторский подход к проблеме различий между лидером и руководителем. Проанализировав сложившиеся подходы, можно

сформулировать авторский подход к определению различий между руководством и лидерством, которые могут пригодиться для дальнейшего изучения данной проблемы (табл. 6).

По нашему мнению, лидерство – явление социальное-психологическое, что и обуславливает его основные особенности, в то время как руководство – явление институциональное.

Таким образом, лидер оказывает социально-психологическое воздействие на людей, а руководитель использует административные и экономические методы. При этом лидер является продуктом группы и групповой динамики, чем

объясняется его власть, цели, способы наказания и поощрения, а также метод избрания. Руководитель – это продукт организационной структуры, то есть он выступает посредником официальной структуры, ее целей, методов поощрения и наказания. Так как лидер является продуктом группы, он и реализует цели группы. Группа избирает лидера, когда тот может помочь в достижении целей ее последователей. В официальную структуру люди также приходят со своими целями, интересами и запросами, но здесь они уже приходят к руководителю, который является продуктом данной структуры, а не группы,

Таблица 6

Различия между лидером и руководителем (авторский подход)

<i>Характеристика</i>	<i>Руководитель</i>	<i>Лидер</i>
Поддерживающая структура	Официальная структура/организация	Неформальная структура/группа
Источник власти	Официальная структура/организация (руководитель – посредник власти)	Неформальная структура/группа (лидер – субъект власти)
Виды власти	Законная власть	Харизматическая власть
Средства воздействия	Административные, экономические	Социально-психологические
Метод избрания	Официальное назначение	Избирается в процессе групповой динамики
Кем выступает управленец	Условием достижение цели	Средством достижения цели
Функция управленца	Организация/Повышение эффективности	Мотивация / побуждение
Конфликт интересов	Присутствует	Отсутствует
Заменимость управленца	Заменяем	Уникален
Цели управленца и подчиненных	Различаются	Совпадают
Цели отражают	Потребности официальной структуры	Потребности членов группы
Членство в группе	Может как являться членом группы, так и не быть им	Является членом группы
Нарушение групповых норм	Нарушает в пределах официальных полномочий	Нарушает в пределах идиосинкразического кредита
Регулирует	Официальные отношения	Межличностные отношения в группе
Стабильность	Более стабильно, так как зависит от официальной структуры	Менее стабильно, так как зависит от группы и ее членов
Санкции	Официальные (за нарушение официальных норм)	Групповые (за нарушение групповых норм)
Решения	Необязательно относятся к группе	Всегда относятся к групповой деятельности
Функционирование	Процесс правовой организации и управления совместной деятельностью членов организации	Процесс внутренней социально-психологической самоорганизации коллектива и управления общением и деятельностью
Регламентация деятельности:	Регламентируется правовым обеспечением	Обеспечивается морально-психологическими нормами

соответственно он реализует цели официальной структуры. В этой связи возникает конфликт между интересами личности и официальной структуры. Получается, что взаимодействие индивида и официальной структуры в большей степени напоминает переговоры, в результате которых стороны приходят к компромиссу, при котором каждая достигает своих целей. В случае лидерства цели последователей и лидера совпадают.

Лидер является уникальной личностью. На нем завязаны личные отношения людей, их ожидания, впечатления, эмоции. В то же время лидер проецирует и общественную ответственность, так как именно коллектив выбрал этого лидера. Последователи понимают, что данный человек сильнее каждого из них в отдельности (иначе бы они его не выбрали) и именно он поможет достичь им их цели. Руководитель же является лишь элементом среды. А отношение к руководителю может быть любое, так как назначается он кем-то извне, а не самой группой.

И лидер, и руководитель ориентированы на повышение эффективности групповой деятельности. Однако делается это с помощью различных функций управления. Функция лидера – это мотивация людей, а руководителя – организация. Безусловно, руководитель тоже может мотивировать, а лидер – организовывать, но делается это с применением разных средств.

Суммируя вышеизложенное, можно предложить следующую трактовку лидера: это тот, кто изначально побуждает идти за ним. Другое определение лидерства: это способ прививать цели людям и побуждать их к достижению этих целей. Руководитель же выполняет функцию правильной организации созданного движения к цели.

Таким образом, очевидна взаимосвязь понятий лидерства и руководства, а также их взаимодополняемость. Кроме того, данный подход открывает перспективы получения синергетического эффекта от развития навыков как лидера, так и руководителя в одном лице.

Литература

1. Авдеев П.С. Механизм формирования лидерских качеств руководителя внешнеторговой организации на примере ООО «Авангард»: магистерская диссертация. М., 2013.
2. Авдеев П. Современный взгляд на формирование стилей лидерства в организации // Перспективы мировой экономики в условиях неопределенности: материалы научно-практических конференций ВАВТ: сб. статей. Вып. 51. М.: ВАВТ, 2013.
3. Евтихов О.В. Лидерский потенциал руководителя: специфика, содержание и возможности развития. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2011.
4. Залезник А. Менеджеры и лидеры – синонимы или антонимы? Основное отличие между менеджерами и лидерами – в их глубинных представлениях о хаосе и порядке // Harvard Business Review. М., 2008. № 1–2. С.109–117.
5. Кабаченко Т.С. Психология управления: учеб. пособие. М.: Педагогическое общество России, 2000.
6. Малявин В.В. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха. М.: Белые альвы, 2000.
7. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. Харьков: Фолио, 2001.
8. Сунь-цзы. Искусство стратегии. СПб: Мидгард, 2007.
9. Толочек В.А. Организационная психология: управление персоналом ЧОП и СБ. М.: НОУ ШО «Баярд», 2004.
10. Урбанович А.А. Психология управления. М.: Харвест, 2005.
11. Шэнь Бухай. Политические фрагменты / пер. В.В. Малявина // Искусство управления. М.: Астрель: АСТ, 2006.
12. Шикун А.Ф. Управленческая психология: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.
13. Bennis W. On Becoming a Leader. New York: Addison Wesley, 1989/1994. P. 44–46.
14. Gibb C. Leadership // G.Lindzey&E.Aronson (eds.) The Handbook of Social Psychology. 2-nded. Reading (Mass.). Massachusetts: Addison-Wesley, 1969. № 4. P. 123–156.
15. Hollander E.P. Inclusive Leadership: The Essential Leader-Follower Relationship. New York: Routledge. 2009.

Монография Р. А. Галина «Демографическое развитие населения Республики Башкортостан в условиях рыночной экономики»

Существенные различия в природно-географических условиях огромной страны, в уровне и особенностях социально-экономического развития России, многообразие этнического состава населения находят свое отражение в демографической ситуации в регионах. Исследования демографических проблем регионов имеют не только научное, но и большое практическое значение. Учет демографического фактора в управлении регионами дает возможность позитивно влиять на развитие экономики и социальной сферы, а значит – и на условия и уровень жизни населения.

К сожалению, проблемам воспроизводства населения регионов сегодня уделяется недостаточно внимания в сравнении с тем значением, которое имеют эти проблемы как для развития науки, так и с практической точки зрения. Монография Р.А. Галина «Демографическое развитие населения Республики Башкортостан в условиях рыночной экономики» в значительной мере восполняет этот пробел.

Демографические проблемы региона, анализируемые в монографии, рассматриваются сквозь призму социально-экономического развития страны и региона. Методологический подход, последовательно используемый автором, можно назвать в полной мере междисциплинарным: демографические процессы и отношения здесь рассматриваются не «как таковые», а как, с одной стороны, результат, а с другой – фактор развития экономики. Таким образом, в монографии системно отслеживаются как прямые, так и обратные связи между демографическим и социально-экономическим развитием региона и страны в целом.

Автором изучены изменения в демографических процессах в условиях трансформационной экономики Республики Башкортостан; рассмотрена роль демографического фактора в рыночной экономике. Большое место уделено анализу численности, половозрастного, этнического состава населения. На основе анализа ключевых составляющих воспроизводства населения исследованы проблемы рождаемости

и смертности. Подробно раскрыты проблемы миграционных связей населения внутри республики, с регионами России и зарубежными странами. Основу книги составляет обширная статистическая база и результаты авторских социологических исследований.

В главе 1 *«Рыночная экономика и современные проблемы воспроизводства населения»* автор акцентирует внимание на том, что в условиях рыночной экономики отсутствие внимания к народонаселению может быть связано с существенными негативными социально-экономическими последствиями, поскольку рынок предполагает постоянный учет и анализ демографических процессов. Учет демографического фактора особенно важен на уровне региона. Автор подчеркивает, что немаловажным условием, обеспечивающим осуществление в регионах определенной демографической политики, является демографическая грамотность управленческих кадров, отсутствие которой не позволяет объективно оценить демографическую ситуацию, что негативно сказывается на разработке концепции демографического развития и выборе приоритетов демографической политики.

Глава 2 *«Особенности изменения численности и состава населения Башкортостана»* посвящена одному из важнейших и наиболее широко используемых демографических показателей – численности населения. Динамика численности населения отражает особенности воспроизводства населения за предшествующие годы и оказывает влияние на его последующее развитие. Автор показывает, насколько динамика численности населения взаимосвязана с его структурой: изменение численности населения как проявление естественного и миграционного движения оказывает влияние на половозрастной, этнический, социальный состав населения и другие показатели. В свою очередь, структура населения выступает фактором, влияющим на численность населения.

В главе 3 *«Этносы: социально-демографический подход»* автор рассматривает

демографические аспекты изучения этносов и анализирует этническую структуру населения Республики Башкортостан. Оценка демографической ситуации этносов имеет большое политическое, социально-экономическое значение. Она позволяет выстраивать государственную демографическую политику с учетом этнического состава населения, с одной стороны, формировать государственную национальную политику, направленную на сохранение и развитие этнического многообразия народов – с другой. В свою очередь, динамика национального состава населения в известной мере выступает существенным индикатором социального климата в государстве. Республика Башкортостан – один из наиболее многонациональных регионов России. Длительная история заселения ее территории, сложные социально-экономические, демографические процессы формировали многонациональный состав населения. Перепись 2010 г. показала, что в республике проживают представители 160 национальностей и 13 входящих в них этнических групп.

В главе 4 *«Рождаемость населения Башкортостана»* автор раскрывает основы изучения рождаемости населения, анализирует уровень и динамику рождаемости, исследует тенденции репродуктивного поведения и оценивает его дальнейшие перспективы. Рождаемость, с одной стороны, в значительной степени зависит от собственно демографических факторов: половозрастного, этнического состава, уровня брачного состояния населения, возраста вступления в брак и т.д. С другой стороны, сама рождаемость, в том числе изменение ее численности, возрастного, национального состава и других показателей, оказывает влияние на последующее развитие репродуктивности населения. Рождаемость населения в значительной мере определяется региональной компонентой.

В главе 5 *«Смертность, продолжительность жизни и здоровье населения Башкортостана»* автор выявляет методологические особенности исследования смертности и здоровья населения, анализирует уровень и динамику смертности и продолжительности жизни населения, уровень заболеваемости населения, предлагает меры по сохранению здоровья.

Глава 6 *«Современные проблемы развития миграционных процессов в Башкортостане»* посвящена исследованию миграционных

процессов населения Башкортостана в советские годы и после распада СССР. Автор описывает изменения в миграционном развитии населения, уделяет большое внимание межгосударственной миграции населения и трудовых ресурсов, обозначает проблемы современной межрегиональной миграции населения и происходящей трансформации внутрирегиональной миграции населения, выделяет приоритеты региональной миграционной политики. Миграция населения во все времена играла большую роль в экономическом, социальном развитии Башкортостана. Для Республики Башкортостан, расположенной на стыке двух материков, миграция оказывала значительное влияние на расселение населения, на его воспроизводство и формирование социально-демографической структуры. Выгодное географическое положение региона, богатый природно-ресурсный потенциал способствовали интенсивному миграционному движению населения. Именно благодаря массовым переселениям сформировался многонациональный состав населения республики. Практически во все время господства советской власти республика выступала донором, поставляющим население и рабочую силу в другие регионы страны, и главным вектором миграционного потока было восточное направление. Автор рассматривает особенности следующих направлений современной миграции населения: внутри республики, между регионами, с зарубежными странами, для каждого из которых характерна своя специфика динамики и факторов, определяющих эту динамику. Особое внимание автор уделяет направлениям решения миграционных проблем Республики Башкортостан, связанных с регулированием территориального движения внутри республики.

Глава 7 *«Современные проблемы семейно-брачных отношений в Башкортостане»* начинается с обоснования методического подхода к изучению современной семьи. Далее, автор исследует структуру современной семьи, анализирует процессы брачности и разводимости, рассматривает социально-экономические факторы формирования и функционирования семьи. Семья тесно связана с процессом воспроизводства населения. В рамках института семьи рождается подавляющая часть детей, создаются условия для сохранения и укрепления здоровья ее членов, принимаются решения о переселении.

Велика экономическая роль семьи, на ее демографической базе формируются трудовые ресурсы. В условиях рыночных отношений семья сама часто становится самостоятельным субъектом экономических отношений. Под влиянием собственно демографических факторов и воздействием социально-экономических условий семья изменяет свои размеры, свой состав, трансформирует свои функции. Поскольку в Башкортостане действие указанных условий, факторов протекало особенно интенсивно, вызывая изменения в социально-демографических процессах, то и институт семьи претерпел определенные трансформации. За последние два с лишним десятка лет в семейно-брачных отношениях населения Башкортостана произошли значительные изменения. Сокращение рождаемости, ухудшение здоровья, низкая продолжительность жизни и другие негативные социально-демографические процессы во многом обусловлены не только кризисным состоянием института семьи, но и кризисом в обществе в целом. Автор убедительно доказывает эти положения, используя обширные данные статистики и результаты социологических обследований.

В главе 8 *«Расселение населения в свете демографического развития»* автор анализирует современные тенденции в расселении, степень урбанизации, изучает особенности городских и сельских поселений.

В главе 9 *«Социально-демографические группы населения в контексте важнейших функций»* значительное внимание уделено рассмотрению проблем молодежи, которой в системе воспроизводства населения принадлежит особое место. С позиции демографических особенностей населения исследуется проблема занятости населения. Различия в источниках воспроизводства населения в целом и его части в трудоспособном возрасте приводят к неодинаковым темпам изменений их численности и удельного веса. Автор убедительно показывает, что в перспективе даже в условиях повышения рождаемости и сокращения смертности населения, то есть в условиях естественного прироста, неизбежно значительное сокращение численности населения в трудоспособном возрасте. Именно такой этап воспроизводства населения ожидает нас в ближайшей перспективе. Автор не обходит

стороной и проблему старения населения. Данный процесс оказывает свое влияние на экономическое и социальное развитие общества. Процесс старения населения России, несомненно, будет ускоряться, что приведет к еще более заметному проявлению неизбежно связанных с этим процессом отрицательных социально-экономических последствий.

В главе 10 *«Развитие народонаселения Башкортостана и политика его регулирования»* рассматриваются основные тенденции развития населения региона в перспективе, предложен макет региональной демографической политики.

Можно полностью согласиться с автором в том, что отставание региональных демографических исследований от состояния их развития в целом по стране приводит к невысокой эффективности реализации мер демографической политики. Тем ценнее, как нам кажется, результаты, представленные в рецензируемой книге.

Монография Р.А. Галина – это плод многолетней научно-исследовательской деятельности автора – выдающегося ученого-демографа, уникальное комплексное исследование важнейшей социально-экономической проблемы, результаты которого имеют несомненное научно-практическое значение. Именно через реализацию человеческого и природно-ресурсного потенциала регионов можно обеспечить экономическое и социальное развитие страны в целом, реализацию ее геополитических интересов. Монография представляет интерес для ученых, специалистов органов государственной и муниципальной власти, занимающихся вопросами демографии и семьи, демографической и социальной политики. Кроме того, она может быть использована в практике преподавания экономических и социально-гуманитарных дисциплин. Монографию с интересом прочтут те, кто интересуется современными проблемами, находящимися «на стыке» экономики, демографии, социологии и других общественных наук, занимающихся проблемами человеческого поведения в контексте социально-экономических отношений.

Г.М. Россинская, д-р экон. наук,
Я.А. Скрыбина, канд. экон. наук

Ш. ГАНЦЕВ, С. НИКОНОРОВ. Институциональные основы сотрудничества России и стран ШОС в сфере инноваций

Авторы исследуют инновационный потенциал стран ШОС и раскрывают перспективы институционального строительства для интенсификации взаимодействия и сотрудничества между государствами в сфере инновационного развития. Делается вывод, что страны – участницы ШОС имеют разный уровень экономического и инновационного развития, что диктует необходимость учета их возможностей при реализации совместных международных соглашений. Потенциал роста инновационного развития, с точки зрения авторов, состоит в выстраивании совместных структур в виде межнациональных технопарков, способствующих взаимодействию и сотрудничеству стран ШОС в области инноваций.

Ключевые слова: инновации, экономика, институты, технопарки, экономическое сотрудничество, Россия, ШОС.

Sh. GANTSEV, S. NIKONOROV. Institutional Basis for Cooperation between Russia and the SCO Member States in the Innovation Sphere

The authors explore the innovative potential of the SCO member states and provide perspectives of institutional construction for interaction intensification and cooperation between the states in the innovation sphere development. There was concluded that the SCO member states have different level of economic and innovation development that caused a necessity of consideration of their capabilities in the implementation of international cooperative agreements. Innovative development growth potential from the authors' point of view consists in forming joint structures in the form of international industrial parks, promoting interaction and cooperation of the SCO member states in the innovation sphere.

Key words: innovation, economy, institutions, technology parks, economic cooperation, Russia, SCO.

Р. АХУНОВ, И. ЗУЛЬКАРНАЙ, Г. ИСЛАКАЕВА. Стратегические вызовы системе высшего образования: взгляд экономистов

В статье анализируются вызовы, стоящие перед российской системой высшего образования: процессы глобализации, запрос общества на индивидуализацию и непрерывность образования, качественное повышение технологичности и эффективности работы образовательных учреждений в мире. В этом контексте проанализированы специфические вызовы, на которые должна ответить сфера высшего образования в Республике Башкортостан. Выявлены основные факторы, определяющие образовательную миграцию из Республики Башкортостан.

Ключевые слова: высшее образование, миграция, региональная экономика, отток абитуриентов, социология, Республика Башкортостан.

R. AKHUNOV, I. ZULKARNAI, G. ISLAKAEVA. Strategic Challenges of Higher Education: Economists' View

The article analyzes the challenges facing the Russian system of higher education: the processes of globalization, the society requirements to individualization and education continuity, quality improvement of producibility and effectiveness of educational institutions in the world. In this context, were analyzed the specific challenges that must answer the sphere of higher education in the Republic of Bashkortostan. The main factors that determine the educational migration from the Republic of Bashkortostan were revealed.

Key words: higher education, migration, regional economics, students' outflow, sociology, Republic of Bashkortostan.

Российская политология сегодня: универсальные тенденции и региональная специфика (интервью с О.Б. Подвинцевым и П.В. Пановым)

Становление российской политологии произошло сравнительно недавно. Только в начале 1990-х гг. появились условия для институционализации и организационного оформления этой науки в

России. Что представляет сегодня собой российская политология и какова специфика развития политологических школ в регионах России? На эти и другие вопросы дают ответы ведущие российские политологи, представители пермской научной школы – О.Б. Подвинцев и П.В. Панов.

Ключевые слова: социальные науки, политическая наука, история науки, регионы России, Пермь.
Russian Political Science Today: Universal Tendencies and Regional Specificity (*interview with O.B. Podvintsev and P.V. Panov*)

Russian political science formation is occurred relatively recently. In the early 1990's there conditions for the institutionalization of this science in Russia were formed. What is a Russian political science today and what the specifics of the development of political science schools in the regions of Russia? On these and other questions leading Russian political scientists, representatives of the Perm Scientific School – O.B. Podvintsev and P.V. Panov answers.

Key words: social sciences, political science, history of science, regions of Russia, Perm.

Н. АРАБАДЖИЙСКИ. Развитие электронной демократии на уровне местного самоуправления в Республике Болгария

В статье раскрываются основные проблемы при практическом внедрении принципов электронной демократии. На основе эмпирического опыта современной Болгарии обосновывается тезис, согласно которому уровень технологических возможностей не обязательно предопределяет успешную реализацию электронной демократии в муниципалитетах. Важным фактором является фактор достижения консенсуса на уровне политических элит и создания основ для организационного и правового обеспечения при внедрении электронной демократии на локальном уровне.

Ключевые слова: электронная демократия, местное самоуправление, гражданственность, коллаборативная демократия.

N. ARABADZHIYSKI. E-Democracy Development at the Local Self-administration Level in the Republic of Bulgaria

The article describes the main problems with the practical implementation of the principles of e-democracy. On the basis of empirical experience of contemporary Bulgaria substantiated the thesis that the level of technological capabilities does not necessarily prejudice the successful implementation of e-democracy in municipalities. Consensus-building on the level of political elites and the establishment of a framework for organizational and legal support of the introduction of e-democracy at the local level are important factors.

Key words: e-democracy, local self-administration, civic-mindedness, collaborative democracy.

И. ТРОФИМОВА. Гражданское участие и развитие муниципальной демократии в современной России

В статье на основе социологических данных анализируется проблема низкого уровня вовлеченности российских граждан в институты местного самоуправления, что напрямую влияет на развитие муниципальной демократии. Сделан вывод, что низкая гражданская активность россиян связана не столько с особенностями их политической культуры или низким интересом к локальной политике, сколько с институциональными проблемами, связанными с отсутствием достаточных полномочий и ресурсов у муниципальных органов власти.

Ключевые слова: гражданское участие, муниципальная демократия, общественное доверие, политические институты, Россия.

I. TROFIMOVA. Civic Participation and Development of Municipal Democracy in Modern Russia

In the on the basis of sociological data was analyzed the problem of the low level of Russian citizens' involvement in the institutions of local self-administration, which directly affects on municipal democracy development. It was concluded that the low civic activity of Russians has less to do with the peculiarities of their political culture

or low interest in local politics, as the institutional problems associated with the lack of sufficient powers and resources from municipal authorities.

Key words: civic participation, municipal democracy, public confidence, political institutions, Russia.

Е. БЕЗВИКОННАЯ. Проблемы развития Комитетов территориального общественного самоуправления городского округа г. Омск

В статье исследуются современные тенденции самоорганизации российских граждан посредством анализа деятельности Комитетов территориального общественного самоуправления (КТОС) городского округа г. Омск. Одним из результатов исследования является вывод о сохранении неизменной численности КТОСов на протяжении 2005–2016 гг. Кроме того, автор делает вывод, что смысловое содержание КТОС как формы самоорганизации по месту жительства заключается в использовании не только вертикальных, но и горизонтальных каналов коммуникации для привлечения местного сообщества к решению проблем развития локальной территории. Однако на современном этапе этого условия в г. Омске добиться до сих пор не удалось.

Ключевые слова: демократия, местное самоуправление, самоорганизация, гражданская активность, комитеты территориального общественного самоуправления, Россия, Омск.

E. BEZVIKONNAYA. Development of Committees of Territorial Public Self-administration of City District in Omsk Problems

The article examines the modern trends in self-organization of Russian citizens through the analysis of the Committees of territorial public self-administration (CTPS) activity of the urban district in Omsk. One of the results of this research is conclusion that maintenance the unchangeable number of CTPS over the 2005–2016. Author concludes that the content of the CTPS as a form of self-organization of the community consists in using not only vertical but also horizontal channels of communication in order to attract the community to address local area development. However, at the present stage of this condition in Omsk has not been achieved yet.

Key words: democracy, local self-administration, self-organization, civic activity, committees of territorial public self-administration, Russian, Omsk.

Н. ФИЛИППОВА. Основные направления и методы развития социальной активности населения в осуществлении местного самоуправления

Автор рассматривает современные подходы к реализации потенциала населения в социально-экономическом развитии территории как дополнительных мер участия населения в осуществлении местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, социальная активность, вовлечение, соучастие, самоорганизация, реализация потенциала населения в социально-экономическом развитии.

N. FILIPPOVA. Main Directions and Methods of Social Activity of the Population Development in Local Self-administration

The author considers modern approaches to realizing the potential of the population in socio-economic development of the territory as the additional measures of public participation in local government.

Key words: local self-administration, social activity, involvement, participation, self-organization, population potential implementation in the socio-economic development.

М. ХАЛИКОВ. Современные управленческие технологии вовлечения населения в решение вопросов местного значения

В статье рассматриваются проблемы и возможности привлечения российских граждан к участию в решении вопросов местного значения. По мнению автора, в условиях перехода к партнерскому типу социального управления участие населения в делах местного сообщества может быть построено только на основе учета интересов граждан, что позволит повысить их личную

активность и участие в местном самоуправлении. Автор раскрывает основные проблемы реализации муниципальной реформы и предлагает практические рекомендации по эффективной реализации созидательного потенциала населения на уровне местного сообщества.

Ключевые слова: местное самоуправление, управленческие технологии, муниципальные образования, гражданское участие, Россия.

M. KHALIKOV. Modern Management Techniques of Population Involving in the Solution of Local Issues

In the article are considered the challenges and opportunities of Russian citizens' attraction to participate in solving local issues. According to the author's point of view, in the conditions of transition to the social partnership type of collaborating type social management the population participation in local community's affairs can be built only on the basis of accounting of citizens' interests, which will increase their personal activity and participation in local government. The author reveals the basic problems of the implementation of municipal reform and offers practical recommendations for effective implementation of the creative potential of people at the community level.

Key words: local self-administration, management technologies, municipal entities, civic participation, Russia.

Э. РЫСАЕВА. Между централизацией и регионализацией: развитие муниципальной демократии в современной Европе

В статье рассматриваются актуальные проблемы развития местного самоуправления и муниципальной демократии в странах – членах ЕС в условиях евроинтеграционных процессов. Автор выделяет современные проблемы и противоречия европейской интеграции и их влияние на тенденции развития местного самоуправления. Развитие муниципальной демократии рассматривается в свете перераспределения управленческих полномочий между различными уровнями публичной власти в современной Европе: наднациональным, национальным и региональным.

Ключевые слова: евроинтеграция, местное самоуправление, муниципальная демократия, наднациональное, национальное и региональное управление, Европейский Союз.

E. RYSAEVA. Between Centralization and Regionalization: Development of Municipal Democracy in Modern Europe

In the article were considered actual problems of the development of local self-administration and municipal democracy in the countries – the members of European Union in the conditions of eurointegration processes. The author noticed out modern problems and contradictions of European integration and their influence on self-government development tendencies. The development of municipal democracy is analyzed in the light of managerial authorities' redistribution between different levels of public power in modern Europe: supranational, national and regional.

Key words: eurointegration, local self-administration, municipal democracy, supranational, national and regional government, European Union.

М. СОЛОДКАЯ. Электоральные процессы в Оренбургской области на локальном уровне: динамика явки и социально-политической репрезентации

В статье исследуются основные тенденции электорального процесса в Оренбургской области на локальном уровне последних двадцати лет. В качестве основных критериев оценки этих процессов используются: явка избирателей, репрезентация интересов различных групп населения (через персональный состав представительного органа), представительство политических партий в местном парламенте.

Ключевые слова: муниципальная демократия, представительный орган местного самоуправления, муниципальные выборы, явка на выборах, партийное представительство, представительство интересов социальных групп.

M. SOLODKAYA. Electoral Processes in the Orenburg Region on the Local Level:

Dynamics of Appearance and Social and Political Representation

In the article main tendencies of Orenburg region municipal democracy twenty-year development are revealed based on local government election results. Main criteria of these processes' assessment are voter turnout, representation of different voter groups (by diversity of representative body), representation of different political parties in local parliament.

Key words: municipal democracy, local self-administration representative body, municipal elections, voter turnout, party representation, social groups interests representation.

А. ОЧКИНА. Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития

В статье рассматривается состояние, факторы и тенденции развития социального протеста в современной России. Автор использует данные мониторингового исследования и анализирует роль социального протеста граждан в управлении общественным развитием.

Ключевые слова: социальный протест, гражданское участие, трудовые и социальные права.

A. OCHKINA. Social Protest as an Instrument of Civic Participation in Modern Russia

In the article were considered condition, factors and trends of social protest development in modern Russia. The author uses monitoring research data and analyzes the role of social protest in the management of social development.

Key words: social protest, civic participation, employment and social rights.

Н. РАФИКОВА, А. ХАЗИЕВА. Показатели самообеспеченности мясом и мясопродуктами и пути развития скотоводства в Республике Башкортостан

В статье представлены результаты исследования уровня самообеспеченности мясом и мясопродуктами, обоснована необходимость учета территориально-отраслевого размещения для роста продуктивности крупного рогатого скота, снижения трудоемкости производства и себестоимости продукции.

Ключевые слова: производство и потребление мяса и мясопродуктов на душу населения, территориально-отраслевое размещение, продуктивность, структура затрат, трудоемкость, оплата труда.

N. RAFIKOVA, A. KHAZIEVA. Indicators of Self-Sufficiency in Meat and Meat Products and the Development Paths of Stock-raising in the Republic of Bashkortostan

The article presents the results of self-sufficiency level of meat and meat products research, the necessity of territorial and sectoral arrangements accounting for cattle productivity growth, reducing the labor-intensive characteristic and production prime costs.

Key words: production and consumption of meat and meat products per capita, territorial and sectoral arrangement, productivity, cost structure, labor-intensive characteristic, labor cost.

В. ЖИЛИН. Экономические и экологические проблемы развития пчеловодства в муниципальных образованиях

В статье рассматриваются экономические и экологические проблемы развития пчеловодства. Предлагаются критерии и методы измерения уровня экологического загрязнения пчел. Даны рекомендации по эффективному развитию пчеловодства в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: экономические ресурсы, экология, пчеловодство, клещевой фон, критерии экологически чистых пасек, Республика Башкортостан.

V. ZHILIN. Economic and Ecological Issues of Beekeeping Development in the Municipal Entities

In the article were considered economic and ecological problems of beekeeping development. The criteria and methods for level of environmental pollution apiaries measuring were proposed. The recommendations for the effective beekeeping development in the Republic of Bashkortostan were presented.

Key words: economic resources, ecology, beekeeping, tick background, criteria for ecologically harmless apiaries, Republic of Bashkortostan.

В. САМОЙЛЕНКО. Бизнес-модели нефтесервисных услуг и эффективность нефтяных компаний

В статье представлена трактовка бизнес-моделей нефтегазодобычи с точки зрения владения и управления сервисными предприятиями. Показана динамика формирования нефтесервисного рынка и раскрыты его особенности. Проведен анализ эффективности добычи нефтяных компаний, использующих альтернативные бизнес-модели партнерства с нефтесервисом.

Ключевые слова: бизнес-модель, нефтедобыча, нефтесервисные услуги, эффективность, нефтесервисный рынок.

V. SAMOILENKO. Business Models of Oilfield Services and the Efficiency of Oil Companies

The article presents an understanding of the business models of oil and gas production in terms of service enterprises' ownership and management. The dynamics of the formation of the oilfield services market and opened its features is shown. The analysis of the oil companies' production efficiency using alternative business models of partnership with oilfield services.

Key words: business model, oil production, oilfield services, efficiency, oilfield services market.

П. АВДЕЕВ. Руководство и лидерство: теоретико-сравнительный анализ понятий

Статья посвящена теоретическим основам исследования понятий «руководство» и «лидерство» и их сравнительному анализу с целью выделения общего и особенного. На основе критического обзора существующих концептуальных разработок, представленных в зарубежной и отечественной науке, автор предлагает свою трактовку данных понятий, основанную на учете взаимосвязи и взаимодополняемости изучаемых явлений. Автор делает вывод, что лидерство следует понимать как социально-психологическое явление, в то время как руководство – это явление институциональное.

Ключевые слова: руководство, лидерство, теория, сравнительный анализ, концепции.

P. AVDEEV. Management and Leadership: Theoretical and Comparative Analysis of the Concepts

The article is devoted to theoretical basis of research the concepts of «management» and «leadership» and their comparative analysis in order to highlight the general and the particular. Based on a critical review of the existing conceptual development presented in the foreign and Russian science, the author offers his own interpretation of these concepts, based on the account relationship and complementarity of the phenomena being studied. It is concluded that leadership must be understood as a socio-psychological phenomenon, while the management is an institutional.

Key words: management, leadership, theory, comparative analysis, concept.

Открывается подписка на 2017 год!

*Уважаемые читатели, с 1 сентября открывается
годовая подписка на наш журнал на 2017 год!*

Редакция журнала будет уделять пристальное внимание актуальным проблемам модернизации российского общества в свете санкционной политики Запада и переориентации российской экономики на Восток, вопросам импортозамещения. С обсуждением стратегически важных тем на страницах издания выступают известные ученые России и Башкортостана, руководители и специалисты министерств, предприятий, органов власти.

В журнале, как и прежде, профессионально будут освещены события социально-экономической жизни Республики Башкортостан, многообразно представлены статистические и аналитические материалы. Страницы журнала всегда открыты для плодотворных дискуссий на самые важные темы.

Как Вы, наверное, заметили, с этого года мы изменили формат нашего журнала. Сообщаем, что с 2017 года меняется периодичность издания: вместо 6 раз в год оно будет выходить 4 раза, то есть ежеквартально. Но это никак не отразится на общем объеме, просто теперь журнал станет значительно «весомее» в буквальном смысле слова.

Мы надеемся, что несмотря на все изменения, Вы останетесь с нами!

Подписной индекс издания **«Экономика и управление: научно-практический журнал»** в каталоге российской прессы «Почта России 2017 первое полугодие» – **11487** (годовая подписка).

Учредители:

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе
Республики Башкортостан, Академия наук Республики Башкортостан

Редактор А.В. Борисова

Адрес редакции:

450057, г.Уфа, ул.Цюрупы, 6, 1-й подъезд, к.402

Тел. (347) 273-87-32

E-mail: ekonuprav@ufanet.ru

<http://bagsurb.ru/about/journal/>

Подписано в печать 10.08.2016. Усл. печ. л. 13.

Формат 60x84/8. Тираж 500 экз. Заказ № 250.

Отпечатано в издательстве БАГСУ

450022, г.Уфа, ул.Менделеева, 134/2. Тел. (347) 252-21-09

E-mail: izdatbagsu@mail.ru